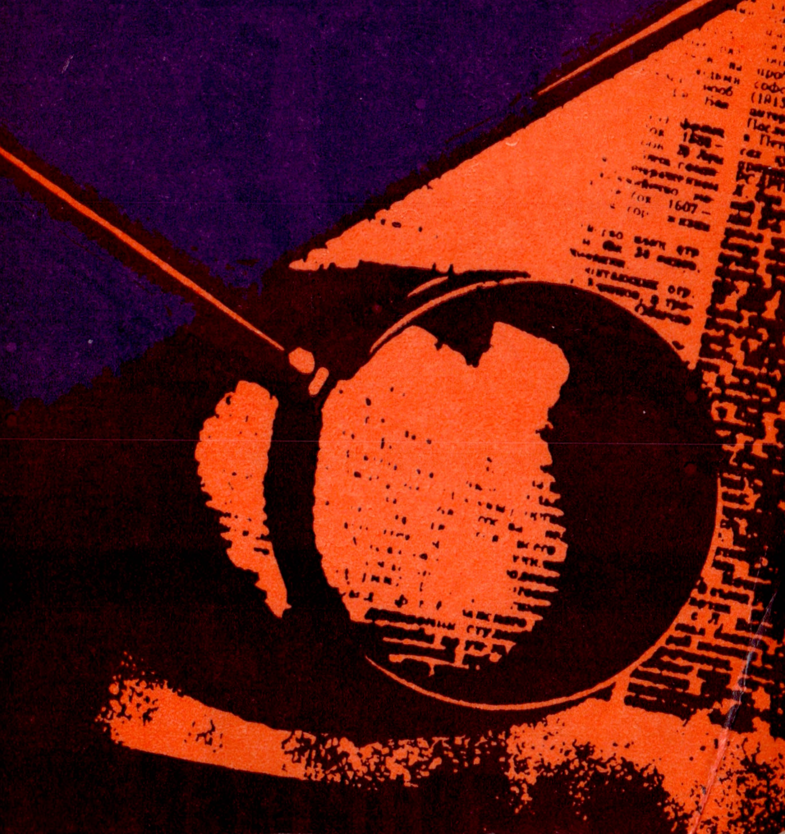
В. ТЕРЕНТЬЕВ

Записки архивиста

В. ТЕРЕНТЬЕВ Записки архивиста

В. ТЕРЕНТЬЕВ

Записки архивиста

Поиски и находки историко-революционных реликвий

Москва
«Советская Россия»
1984

9(с)
Т35

Рецензент доктор исторических наук Ю. П. Шарапов

Художник Е. К. Самойлов

$Т\frac{0902020000—035}{М-105(03)84}30—84$

В БОЛЬШЕВИСТСКОМ ПОДПОЛЬЕ

ПОРУЧАЕТСЯ «РУСЛАНУ»

У Сергея Павловича Шестернина степенность и немногословность сочетались с удивительной теплотой в отношении к товарищам; внешнее спокойствие и рационализм — с романтической одухотворенностью, образностью речи; скромность — с неустрашимой решительностью действий. Он был не только прекрасным юристом, знающим до тонкостей свою профессию, но и знатоком истории рабочего движения, политэкономии, русской и западной литературы, живописи, музыки. И все знания, казалось, пришли к нему сами по себе, без какого-либо напряжения, хотя это было далеко не так. Работал он много, постоянно, но никто никогда не видел его суетящимся, взволнованным. Коренастый, широкоплечий, с окладистой темнорусой бородой, спокойным взглядом, в молодости Сергей Павлович выглядел старше своих лет.

Личные качества Шестернина во многом способствовали тому, что он стал исключительно умелым конспиратором и за более чем двадцатилетнюю революционную деятельность полиция и жандармерия так и не нашли оснований для его ареста, хотя и пытались постоянно держать его в поле зрения.

В силу обстоятельств и требований конспирации до победы революции Сергей Павлович не мог раскрывать даже близким по большевистскому подполью людям характер выполняемых им особых поручений партии, а после победы революции — из-за занятости и в какой-то степени в силу привычки, склада характера.

Лишь со временем о его роли в революционном движении рассказали в своих воспоминаниях видные деятели партии, а затем и он сам коснулся некоторых момен-

тов в написанных им и опубликованных воспоминаниях[1]. Но основным источником, раскрывающим подробности его революционной работы и выполнения ответственных поручений, встреч с Владимиром Ильичем Лениным, по-прежнему остаются разрозненные документы, хранящиеся в центральных и местных архивах, опубликованные и неопубликованные воспоминания тех, кто его знал и был причастен к выполнению этих поручений.

Многие годы была неизвестна партийная кличка С. П. Шестернина. Сведения о ней дали материалы трехтомного сборника документов «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.», подготовленного к печати Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения вождя.

В нем, в частности, опубликовано письмо редакции «Искра» Л. Н. Радченко в Харьков от 21 мая (3 июня) 1901 года. В это письмо Н. К. Крупская вписала фразу о необходимости оказать содействие в налаживании связей «Руслана» с агентом «Искры» И. В. Бабушкиным[2]. Составители сборника установили, что партийным псевдонимом «Руслан» законспирировано имя С. П. Шестернина, который в то время жил в г. Боброве Воронежской губернии.

О Шестернине говорится и в другом документе — письме Г. М. Кржижановского в «Искру» от 5 (18) августа 1902 года. В нем Глеб Максимилианович сообщал о договоренности с С. П. Шестерниным устроить у него склад нелегальной литературы. «Псевдоним его: Руслан и Людмила»[3],— сообщал Кржижановский.

Здесь на первый взгляд налицо некоторая разница в партийных кличках Сергея Павловича. Но можно предположить, что в первом случае Н. К. Крупская назвала ее в письме не полностью; тем более что и тогда, в целях конспирации, Надежда Константиновна зачеркнула написанное сначала полностью имя «Руслан», оставив лишь

его начальную букву. Далее напрашивается вывод о том, что если «Русланом» являлся Сергей Павлович, то псевдоним «Руслан и Людмила» распространялся и на его жену Софью Павловну Шестернину-Невзорову, которая тоже была убежденной революционеркой, пользовавшейся большим доверием редакции «Искры» и лично В. И. Ленина.

С сестрами Зинаидой Павловной Невзоровой (впоследствии женой Г. М. Кржижановского) и Софьей Павловной Владимир Ильич познакомился осенью 1893 года, вскоре после приезда из Самары в Петербург. Тогда Ленин сразу же стал налаживать связи с марксистами столицы, где существовало в то время несколько политических кружков. С одним из них была связана сначала Зинаида Павловна, а затем и приехавшая в Петербург позднее ее младшая сестра, ранее учительствовавшая во Владимире и поступившая осенью 1893 года на Высшие Бестужевские женские курсы. Именно на квартире З. П. Невзоровой проходила в октябре одна из первых встреч Ленина с петербургскими марксистами.

Квартира Невзоровых представляла собой одну комнату в доме на 7-й линии Васильевского острова. Квартирная хозяйка — финка по национальности — плохо понимала по-русски, что было особенно удобно для конспирации.

Впоследствии Владимир Ильич поддерживал дружеские и деловые отношения с Невзоровыми. В хронике жизни и деятельности Ленина приведены факты о посещении им в 1895 году С. П. Невзоровой во время ее болезни, а позднее, летом 1900 года, о его поездке на родину Невзоровых — в Нижний Новгород, где Ленин в доме их родителей провел совещание местных марксистов и политических ссыльных в связи с организацией газеты «Искра». На предварительной встрече в Подольске, а затем и в Нижнем Новгороде был и Шестернин, ставший к тому времени мужем С. П. Невзоровой. Сергей Павлович

и Софья Павловна подпольную работу вели вместе, во всем полностью доверяя друг другу. Возможно, именно поэтому и партийный псевдоним им был дан общий и несколько даже романтичный — «Руслан и Людмила»...

Сергей Павлович Шестерпин родился в Гродно, в семье мелкого служащего. Детство его проходило в Москве, где в последние годы жизни работал его отец, а потом у бабушки в деревне Высоково Владимирской губернии.

Окончив мужскую гимназию во Владимире, он поступил на юридический факультет Московского университета. Во время учебы в 1884—1887 годах был участником студенческих волнений.

После окончания университета Сергей Павлович первое время работал в качестве юриста в деревне Высоково, затем в городе Шуе, бывшей Владимирской губернии (ныне районный центр Ивановской области), где давал частные уроки. В ноябре 1889 года он поступил во Владимирский окружной суд кандидатом на судейскую должность. Здесь, во Владимире, Сергей Павлович близко познакомился с Николаем Евграфовичем Федосеевым, который помог ему освободиться от народнических взглядов.

На этом знакомстве следует остановиться несколько подробнее, поскольку оно в значительной степени повлияло на формирование революционных взглядов Шестернина. Можно с уверенностью утверждать, что именно от Федосеева Шестернин впервые узнал о Владимире Ульянове.

РЯДОМ С ФЕДОСЕЕВЫМ

Николай Евграфович Федосеев был одним из выдающихся революционеров-марксистов России, организатором и руководителем первых марксистских кружков в Казани, Владимире и других городах. В написанных им работах был дан марксистский анализ экономического и поли-

тического развития России. Он первым из русских марксистов выступил с критикой идеологии либерального народничества. В. И. Ленин в статье «Несколько слов о Н. Е. Федосееве» писал: «Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению...

Во всяком случае, для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»[4].

В канун 80-х годов прошлого столетия Федосеев начал создавать в Казани из молодежи нелегальные кружки, участники которых знакомились с произведениями Маркса и Энгельса. Через несколько лет в одном из таких кружков состоял и Владимир Ульянов. В кружках соблюдалась строгая конспирация, поэтому с самим Федосеевым Владимир Ильич не встречался. Во многом этому препятствовали и другие обстоятельства.

В августе 1887 года Владимир Ильич, закончив Симбирскую гимназию, стал студентом Казанского университета и вскоре начал посещать студенческий кружок. Новичок не остался незамеченным: еще бы — родной брат известного на всю Россию Александра Ульянова, всего лишь несколько месяцев назад казненного по делу 1 марта 1887 года за организацию покушения на царя. Молодой Ленин быстро вошел в среду старшекурсников.

Но и у жандармов он значился на особом счету. За участие в студенческой сходке 4 декабря 1887 года Ленин был арестован, а затем исключен из университета и выслан в с. Кокушкино Казанской губернии.

Осенью 1888 года, вернувшись из Кокушкина в Казань, Владимир Ильич вступает в один из федосеевских кружков. Весной 1889 года семья Ульяновых переехала

в Самарскую губернию и поселилась на хуторе близ деревни Алакаевки. Там Владимир Ильич упорно готовился к экзаменам за полный курс юридического факультета. В 1891 году он блестяще сдал экстерном экзамены при Петербургском университете и, вернувшись в Самару, был назначен помощником присяжного поверенного, а с марта 1892 года стал выступать в Самарском окружном суде.

Судьба же Федосеева сложилась так. Летом 1889 года он был арестован и приговорен к одиночному заключению, которое отбывал в петербургской тюрьме, известной под названием «Кресты». По освобождении оттуда его выслали в 1892 году во Владимир. Здесь в то время существовал народовольческий кружок, созданный еще писателем Н. Н. Златовратским. Состоял он в основном из гимназической молодежи. С приездом Федосеева начался поворот этой молодежи от народничества к марксизму. Но главное внимание Николай Евграфович уделял пропаганде революционных идей среди рабочих, в частности, с текстильных фабрик Орехово-Зуева. Это особенно интересовало и В. И. Ленина, видевшего в рабочем классе главную силу будущей революции.

В организации рабочего кружка в Орехово-Зуеве непосредственное участие вместе с приехавшим во Владимир Н. Е. Федосеевым принимал и С. П. Шестернин. По этому поводу в своих воспоминаниях, посвященных Николаю Евграфовичу, он писал: «С принятием нового мировоззрения мы стали думать о практической работе среди рабочих.

Наши связи с шуянами и ивановцами были слишком слабы, и мы очень завидовали нашим товарищам, что в их кружках молодежи имеются настоящие рабочие.

Однако судьба улыбнулась и нам. Я узнал, что в Орехово имеется свободное место письмоводителя у полицейского надзирателя, место, с нашей точки зрения, очень интересное, так как давало возможность на легальной

почве войти в непосредственные сношения с рабочими. Так как этого полицейского надзирателя я знал хорошо, то и порекомендовал ему на это место моего знакомого, нуждающегося будто бы в заработке. Тотчас же в нашем кружке мы обсудили положение, и в результате член нашего кружка, незабвенный В. В. Кривошея, нагруженный книгами и рефератами по рабочему и крестьянскому вопросу, двинулся в Орехово, где и занялся пропагандой среди рабочих, организуя рабочие кружки»[5].

До этого, живя во Владимире — административном центре губернии с развитой фабричной промышленностью (Иваново-Вознесенск, Шуя, Орехово-Зуево), Н. Е. Федосеев тем не менее не имел возможности вести революционную работу среди промышленных рабочих. В самом городе Владимире крупной промышленности не было. Поэтому возможность вести пропагандистскую работу в Орехово-Зуеве, где были сосредоточены большие предприятия Саввы и Викулы Морозовых с несколькими тысячами рабочих, захватила Федосеева. Тем более что именно эти рабочие в середине 80-х годов показали себя готовыми к борьбе против эксплуататоров. В 1885 году здесь проходила получившая известность по всей России экономическая стачка, которую возглавили рабочие Волков и Моисеенко. Эта стачка поразила тогда своей организованностью и царское правительство и общественное мнение.

Связей с Орехово-Зуевом прежде у владимирского кружка не было. Посылать туда человека для работы казалось опасным, так как он немедленно привлек бы внимание жандармерии, ревниво следившей за рабочими центрами. Приезд «без уважительных причин» в такой рабочий центр кого-либо из бывших у жандармерии на счету владимирцев сразу же повлек бы за собой быстрый провал.

В данном случае предлог был достаточно обоснованным. Кроме того, Василий Кривошея к тому времени со-

стоял в кружке около трех лет и прошел хорошую школу конспирации. В Орехово-Зуево он выехал в конце 1891 года.

Совершил поездку в Орехово-Зуево и Н. Е. Федосеев, возглавивший вскоре после приезда во Владимир революционную работу не только в губернском центре, но и в этом фабричном городке. Однако со стороны жандармов и полиции его деятельность не осталась незамеченной. В состав кружковцев был внедрен провокатор, который выдал Кривошею и Федосеева. Последовал арест.

Вначале революционная работа в Орехово-Зуеве носила исключительно пропагандистский характер, не учитывала местных экономических нужд, то есть не стала агитационной, которая так успешно применялась с 1894—1895 годов. Тем не менее настроение среди рабочих поднялось. Было решено выпустить прокламацию, которая и была отпечатана на пишущей машинке, незадолго перед этим приобретенной кружком для печатания нелегальных изданий.

После ареста Кривошеи и Федосеева полиция начала поиски пишущей машинки, на которой была отпечатана листовка. В причастности к этому делу был заподозрен и Шестернин. Жандармы провели изучение шрифта машинки, имевшейся в окружном суде. Когда это не дало результата, С. П. Шестернина вызвали на допрос по поводу рекомендации, данной им В. В. Кривошее. Сергей Павлович сообщил, что Кривошея был его соучеником по гимназии, что он его хорошо знал, рекомендовал его в качестве репетитора, поскольку он нуждался в заработке.

Эти объяснения, очевидно, не вызвали сомнений у жандармов или же у них не было доказательств причастности Шестернина к деятельности кружка в Орехово-Зуеве, но его оставили на воле. «Преступную» же машинку кружковцам пришлось закопать в глубоком безводном колодце[6].

В 90-х годах, как известно, началась переписка Николая Евграфовича с Владимиром Ильичем, не прекратив-

шаяся и после заключения Федосеева во владимирскую тюрьму. Она продолжалась при посредничестве невесты Федосеева Марии Германовны Гопфенгауз.

В тюрьме Федосеев тяжело заболел. Мария Германовна начала хлопотать о том, чтобы его хотя бы временно освободили и разрешили жить на частной квартире. С такой просьбой она обратилась к жандармскому полковнику Воронову. 2 августа 1893 года Воронов приказал тюремному врачу дать по этому поводу заключение. Тот сообщил, что освободить Федосеева целесообразно, так как «все равно он скоро умрет...».

Доклад относительно временного освобождения Федосеева направили в Петербург «на зависящее распоряжение». Гопфенгауз была уверена, что Николая Евграфовича освободят со дня на день, и сообщила об этом друзьям.

В конце августа В. И. Ленин собрался переехать из Самары в Петербург. Ехать он решил пароходом до Нижнего Новгорода, а оттуда по железной дороге до Москвы, куда переселилась семья Ульяновых в связи с поступлением младшего брата Владимира Ильича — Дмитрия на медицинский факультет Московского университета. По пути в Москву Ленин остановился на несколько часов во Владимире, чтобы повидаться с Н. Е. Федосеевым.

Почтово-пассажирский поезд из Нижнего прибывал во Владимир утром. Встретить Ульянова было поручено одному из членов федосеевского кружка Николаю Сергиевскому, а Гопфенгауз отправилась в тюремную канцелярию за Федосеевым, которого как раз в этот день обещали освободить.

Несколько часов ждал Владимир Ильич прихода Федосеева в снятой для Николая Евграфовича квартире — во флигеле одного из домов на бывшей Новоконной площади. Но Гопфенгауз вернулась одна, Федосеева не освободили, а Владимир Ильич в тот же день должен был уехать из Владимира...

Николай Евграфович был освобожден из тюрьмы до

вынесения приговора лишь 26 сентября. Позднее его сослали в Сольвычегодск Вятской губернии, а через несколько лет (в июне 1898 г.) он трагически погиб в ссылке, в Верхоленске Енисейской губернии.

Такое близкое отношение к революционной деятельности двух выдающихся марксистов имел Сергей Павлович Шестернин в период работы во Владимире. Это был как бы подготовительный этап его будущей нелегальной партийной работы. Черту под ним подвела личная встреча и близкое знакомство с Владимиром Ильичем Лениным, которые произошли через год. Революционная работа С. П. Шестернина во Владимире, его знакомство с Н. Е. Федосеевым, приезд В. И. Ленина в этот город наполнили первые встречи обоюдным интересом и взаимным доверием. Такими они были и в последующие годы. «Я имел большое счастье быть в довольно близких личных и деловых отношениях со всей семьей Владимира Ильича»[7],— писал позднее в своих воспоминаниях Сергей Павлович. В свою очередь В. И. Ленин высоко ценил Шестернина как человека больших способностей. По заданию вождя он выполнял ряд ответственных поручений партии, о которых и будет здесь рассказано. Характеризуя Шестернина, сестра Владимира Ильича Анна Ильинична Ульянова-Елизарова писала: «Глубоко преданный революции, основательный марксист, умелый конспиратор, Сергей Павлович... оказывал незаменимые услуги нашей партии»[8].

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В декабре 1893 года у Сергея Павловича Шестернина кончился четырехлетний кандидатский стаж для назначения на судейскую должность. В связи с этим собрание членов Владимирского окружного суда постановило рекомендовать его на должность городского судьи. Представление собрания было направлено в Петербург на утверждение министру юстиции. Ответа нужно было ждать око-

ло месяца. На этот срок кандидату предоставлялся отпуск. По приглашению своей невесты Софьи Павловны Невзоровой Шестернин решил провести его в Петербурге. Он знал, что там действует сильная социал-демократическая организация, и, хорошо понимая важность связей между революционными кружками разных городов, надеялся наладить контакт с петербургскими марксистами при помощи Софьи Павловны. По ее письмам Шестернин догадывался, что она связана с петербургскими революционерами.

После ясных морозных дней во Владимире столица встретила его густым туманом, скрывавшим даже здания, и первое впечатление от Петербурга было тусклым и бледным. Но скоро напряженная культурно-политическая жизнь захватила его целиком.

Сергей Павлович посетил Эрмитаж, музеи, публичную библиотеку, слушал выступления профессоров в университете, участвовал в студенческих сходках. Побывал он и на уроках в одной из воскресных школ, где студенческая молодежь по вечерам занималась бесплатно с рабочими. Под видом изучения предметов естествознания студенты знакомили рабочих с основами республиканского и конституционного строя, рассказывали о положении рабочих на Западе и в России, о росте революционного движения. Шестернин видел, как жадно тянутся массы рабочих к знаниям, к революционной мысли.

В один из январских дней Софья Павловна попросила Сергея Павловича вечером обязательно зайти к ней на квартиру, где соберутся члены кружка марксистов, предупредила, чтобы Шестернин не привел за собой шпиков.

Приходили кружковцы по одному, шумно здоровались, шутили. Когда почти все были в сборе, вошел Владимир Ильич. Раздевшись, поздоровался с присутствующими и, отыскав глазами новичка, подошел к Шестернину.

— У нас сегодня представитель владимирцев. Очень рад, очень рад, много слышал о вас,— сказал Ульянов,

крепко пожав руку чуть растерявшегося Шестернина и присаживаясь рядом.— Знакомьтесь пока с товарищами, приглядывайтесь, а потом мы с вами поговорим как-нибудь особо, пообстоятельнее. Вы ведь, кажется, тоже юрист? А что собираетесь работать в Иваново-Вознесенском районе, это, батенька, замечательно. Там рабочие-текстильщики, им слова правды нужны больше, чем кому-либо. Там у вас будут возможности в пропаганде марксизма не меньше, чем в Орехово-Зуеве. Да и на нашу поддержку можете рассчитывать.

После короткого разговора с Шестерниным Владимир Ильич открыл собрание. Сергей Павлович внимательно слушал его, вглядываясь в черты лица руководителя петербургских марксистов. Первое, что отметил,— большой крутой лоб, худощавое лицо с небольшой бородкой. Но особенно привлекли внимание глаза Владимира Ильича. Казалось, они просматривали человека насквозь и никто не мог ничего скрыть перед этим взглядом.

Заметил, что Владимир Ильич немного картавит, но это «грассирование» придавало какую-то особенную мягкость его произношению. Ульянову на вид можно было дать 28—30 лет. В его речи чувствовалась необыкновенная начитанность, несокрушимая логика, горячий темперамент. Он говорил ярко и образно. Только потом Шестернин узнал, что Владимиру Ильичу, пользовавшемуся большим авторитетом у кружковцев, было всего 23 года.

Собрание затянулось допоздна. «При выходе,— вспоминал Шестернин,— как это часто бывает, мы несколько задержались. Владимир Ильич был в ватном пальто с мерлушковым воротником. Надвигая черную мерлушковую шапку на уши, он сказал какую-то веселую остроту. Все громко рассмеялись. «Ну, а теперь,— шутливо добавил Владимир Ильич,— ударим по всем трем». Позднее Сергей Павлович узнал, что эту поговорку Владимир Ильич использовал, когда предстояла большая работа.

Владимир Ильич и Шестернин вышли вместе. В ту

ночь они переговорили о многом. Шестернин рассказал Владимиру Ильичу о своем участии в революционных кружках городов Владимира и Шуи, учебе в Московском университете, о работе адвокатом в деревне, о тяжелой жизни крестьян и рабочих Владимирской губернии.

— Нужно обязательно объединить силы в самостоятельную марксистскую рабочую партию,— как бы в раздумье говорил Шестернину Владимир Ильич,— это наша первоочередная задача...

Потом он горячо доказывал необходимость непримиримой борьбы с народничеством, развивая мысли, высказанные им на собрании, поделился с Шестерниным планом создания единой организации в Петербурге.

После этой первой встречи Шестернин виделся с Владимиром Ильичем несколько раз. Близко познакомился и с соратниками Ульянова: всегда подтянутым, удивительно обаятельным Г. М. Кржижановским, спокойным и сдержанным В. А. Старковым, нервным и подвижным М. А. Сильвиным, коренастым, рассудительным и скромным А. А. Ванеевым. Все они были прекрасно образованными марксистами.

Между тем произошли изменения и в личных делах Шестернина. Как уже упоминалось, в ходатайстве Владимирского окружного суда министру юстиции Шестернин рекомендовался на должность судьи в уездном городе Шуе. Но, пока Сергей Павлович находился в Петербурге, открылась вакансия городского судьи в Иваново-Вознесенске, и он этим воспользовался. В Шую назначили другого кандидата, а Шестернин был очень доволен тем, что ему предстояло работать в самом крупном фабричном центре Владимирской губернии.

Это известие было хорошо воспринято и членами петербургского кружка. Собравшись незадолго до отъезда Сергея Павловича, они договорились, что через него будет осуществляться связь кружка с иваново-вознесенцами. Кружковцы дали Шестернину шифр, снабдили нелегаль-

ной литературой. В свою очередь Шестернин должен был присылать в Петербург сведения о положении иваново-вознесенских рабочих и особенно о стачках. Для этого был разработан особый вопросник, по которому и нужно было собирать сведения.

Во время одной из бесед Владимир Ильич обратил внимание на осведомленность Шестернина о подробностях стачки рабочих на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве в 1885 году. Узнав, что он давно собирает эти сведения, продолжая дело, начатое Н. Е. Федосеевым, Владимир Ильич сказал:

— Вам, Сергей Павлович, можно и нужно написать яркую агитационную брошюру об этой исторической стачке и непременно, непременно к будущему январю, к десятилетию выступления морозовцев[9].

Перед самым отъездом Шестернина из Петербурга Владимир Ильич дал ему адрес своей старшей сестры Анны Ильиничны, которая жила в Москве. Владимир Ильич очень рекомендовал познакомиться с сестрой, пояснив, что это будет полезно для работы в Иваново-Вознесенске.

Следуя совету Владимира Ильича, Шестернин встретился с Анной Ильиничной, а затем с другими московскими марксистами.

Возвратившись во Владимир, Шестернин поспешил с переездом в Иваново-Вознесенск. Теперь у него был четкий план действий, связи с Петербургом и Москвой.

...Иваново-Вознесенск дымил фабричными трубами. В центре города возвышались особняки фабрикантов, а чуть в стороне, на прилегавших улицах, теснились жалкие рабочие хибарки.

Первая встреча — с Ольгой Афанасьевной Варенцовой, с которой Сергей Павлович был знаком по революционной работе среди учащейся молодежи во Владимире, где они одновременно учились в гимназиях. Теперь эта совместная революционная работа получила продолже-

ние. Варенцова возглавляла в Иваново-Вознесенске работу первых марксистских кружков. Через нее Сергей Павлович познакомился с передовыми рабочими. Шестернину было поручено организовать и по возможности расширить связи с другими социал-демократическими организациями России — Петербургской, Московской, Нижегородской.

В то время в Иваново-Вознесенске и других рабочих центрах промышленного района практически не было книжной торговли. В частных магазинах и на базарах продавались только жития святых да различные лубочные книжки. По инициативе Шестернина была открыта книжная лавка, приказчиком которой стал рабочий-кружковец Николай Николаевич Кудряшов. В этой книжной лавке проходили нелегальные встречи рабочих. Здесь концентрировалась и отсюда распространялась литература, получаемая от социал-демократических организаций других городов. Она сыграла важную роль в классовом воспитании иваново-вознесенских текстильщиков[10]. Среди первых нелегальных изданий, полученных членами кружка, были работы В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах», «Речь рабочего Петра Алексеева». От Шестернина иваново-вознесенцы услышали о Владимире Ильиче Ульянове и его деятельности по объединению марксистских кружков в Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». По его примеру в Иваново-Вознесенске тоже был создан «Рабочий союз». С участием членов «Рабочего союза» осенью 1895 года на одном из крупных предприятий города вспыхнула стачка рабочих-текстильщиков.

АДРЕСОВАНО УЛЬЯНОВУ

«Мирный в обыкновенное время городок Иваново-Вознесенск в октябре нынешнего 1895 года представлял из себя военный лагерь. Стоявшие в городе войска ежеминутно готовы были ринуться в бой с врагом. Но кто же этот враг? Да не кто другой, как мирные обыватели

этого городка, которые своим трудом одевают чуть не половину России. Все дело в том, что ткачи Иваново-Вознесенской мануфактуры, принадлежащей четырем компаньонам — Витову, Новикову, Фокину и Зубкову, в числе более 2000 человек отказались работать за такое вознаграждение, которого не хватает даже на полуголодное существование».

Эти строки взяты из статьи, полученной из Иваново-Вознесенска, отредактированной В. И. Лениным и опубликованной в нелегальной печати в 1896 году[11].

Создание «Рабочего союза» вызвало подъем рабочего движения в крае. Когда в октябре 1895 года вспыхнула крупная стачка на фабрике Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры (ныне фабрика имени С. И. Балашова), то в соответствии с упомянутой выше договоренностью Сергей Павлович и помогавшая ему в сборе материалов Ольга Афанасьевна Варенцова, переписавшая для конспирации рукопись печатными буквами, послали в Петербург сообщение о начале забастовки. Вскоре оттуда прибыл М. А. Сильвин и передал для стачечников 200 рублей; примерно такая же сумма была получена и от Московского «Рабочего союза». Эта помощь была свидетельством солидарности рабочих крупных городов России.

* * *

...Директор Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры Свешников нервно ходил по кабинету, часто останавливался у окна, с тревогой наблюдая, как у ворот разрастается толпа рабочих.

Гнев переполнял его, с лица не сходили багровые пятна: после разговора с представителями рабочих он не мог успокоиться. Но дело принимало нежелательный для него оборот, и он старался взять себя в руки, чтобы действовать, действовать.

В другой ситуации он не задумываясь вызвал бы по-

лицию или казаков, чтобы разогнать забастовщиков, но сейчас, кажется, с этим торопиться не следовало. Слишком много обстоятельств не в пользу фабрикантов, налицо нарушение не только куцых фабричных законов, но и правил внутреннего распорядка на предприятии, подписанных, кажется, им же — директором Свешниковым.

Раздумывая об этом, он отошел от окна и стал крутить ручку телефонного аппарата, решив для начала переговорить со старшим фабричным инспектором Астафьевым, чтобы тот попытался уговорить рабочих начать работу.

Если это не поможет, тогда... тогда придется вызвать и полицию, а то и казаков из Владимира. Они-то не подведут, в этом Свешников был уверен. Не раз выручала нагайка фабрикантов и их верных слуг.

Тем временем у фабричных ворот собрались рабочие двух смен. Женщины сидели на бревнах у забора, другие стояли невдалеке, около полицейской будки, напротив только что отстроенного прядильного корпуса. Мужчины образовали одну большую толпу прямо у ворот и горячо обсуждали результаты неудачных переговоров с директором. Здесь и порешили начать забастовку.

Волнение рабочих было вызвано тем, что правление фабрики сбавило расценки за работу при перенайме на зимний период, даже не предупредив об этом своевременно нанимающихся.

Зимний период начинался с 1 октября, праздника «покрова», и продолжался до пасхи. Расценки на это время фабриканты снижали против летних, зная, что по окончании уборочных сельскохозяйственных работ в деревне крестьяне идут в город в поисках заработка и рабочих рук будет в избытке.

В первый же день каждого сезона рабочие приходили в фабричную контору, получали новые расчетные книжки у одного стола и вместе с паспортом передавали их на другой стол. Прием и передача документов означали,

что рабочий соглашался работать на новых условиях.

Но не всех желающих принимали на работу. Если рабочий почему-либо не нравился администрации, ему возвращали документы. Поэтому начало пасхи и особенно праздник «покрова» были тревожными моментами в жизни рабочего. «Каковы будут новые расценки?», «Примут ли меня?» — думал каждый, отправляясь в фабричную контору.

Иваново-вознесенский фабричный поэт Иван Фролов так писал об этом:

Время — тяжкий период
Для фабричных настает.
Жмет фабричного контора,
Как в тюремном замке вора.
Цены сбавят, пишут штраф,
На защиту нету прав.
И не охни, не вздохни,
Спорить — боже сохрани!
Кто не хочет подчиниться,—
Надо с фабрикой проститься.

С 1 октября 1895 года на всех предприятиях, как обычно, зимние расценки были снижены по сравнению с летними на 10 процентов. Зато на Иваново-Вознесенской мануфактуре их снизили на 20—25 процентов. Заработок рабочего в 8—12 рублей, которого и так хватало лишь на полуголодное существование, должен был стать еще меньше.

Из-за того, что руководство фабрики поздно вывесило новые расценки, многие рабочие не смогли с ними ознакомиться и согласились работать после 1 октября. Только через несколько дней, разобравшись, в чем дело, они заявили протест директору, потребовали установить прошлогодние расценки, но получили отказ. Тогда ткачи прекратили работу, объявив двухнедельную забастовку. Она началась 4(16) октября.

В тот же день начала действовать полицейская машина самодержавия.

Прибывший на фабрику фабричный инспектор Гончаров ограничился тем, что посоветовал рабочим начать работу, приняв новые расценки. Он ссылался на то, что, вероятно, затруднительные обстоятельства заставили хозяев понизить прежние расценки[12].

Это было явной ложью. Рабочие знали, что «Товарищество» в течение лета 1895 года выстроило и оборудовало громадную прядильную фабрику. Она обошлась в полтора миллиона рублей. Витов, Фокин и Новиков — члены «Товарищества» — имели, кроме того, по ситценабивной фабрике. Наконец, кто же не знал, что фабриканты начисляли себе громадные жалованья и прибегали к другим хитростям и уловкам, чтобы всячески уменьшить сумму чистой прибыли и заплатить в казну как можно меньше налога, а ссылками на «трудности» прикрывали нажим на рабочих[13].

После разговора со Свешниковым из Владимира приехал старший фабричный инспектор Астафьев, которого сопровождали жандармы во главе с полковником Вороновым. Он был более «откровенным», заявив рабочим, что «стал бы хлопотать за них, если бы те обратились к нему до забастовки, а теперь он будет настаивать, чтобы объявленные расценки не были повышены»[14]. Такое отношение еще больше убедило рабочих, что от начальства помощи ждать нечего.

Тем временем полицмейстер в срочном рапорте сообщал владимирскому губернатору: «Ткачи фабрики Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры в количестве 2 тысяч человек... соединившись воедино, на работу не вступили...»[15]

5(17) октября в паническом страхе правление фабрики Дербенева доносило полицмейстеру, что есть слухи, будто бы ткачи Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры подговаривают бросить работу ткачей их фабрики и фабрики Ивана Гарелина[16]. Полицмейстер спешно передал это сообщение владимирскому губернатору. Губерна-

тор Теренин оправдал надежды хозяев и в тот же день прислал телеграмму: «Объявить рабочим Иваново-Вознесенской мануфактуры: если не встанут на работу или не разойдутся по домам, то я прибуду лично с войском для водворения порядка...»[17] Еще через день губернатор телеграфировал властям Иваново-Вознесенска: «Приготовьте хорошее помещение для сибирского полка в составе 800 нижних чинов и для офицеров... и для двух сотен казаков»[18].

События развивались стремительно. Рабочие ежедневно сходились большими и малыми группами на улицах, площадях, квартирах и обсуждали свое положение. Весь город дышал борьбой.

Непосредственное участие в стачке приняли члены Иваново-Вознесенского «Рабочего союза» Михаил Багаев и Николай Махов. Они открыто выступали с речами перед бастующими. Многим тогда раскрыли глаза и запомнились слова Махова на массовом митинге.

— Напрасно вы ищете статей закона в свою пользу,— говорил он, обращаясь к рабочим.— Таких нет во всем фабричном законодательстве. Все они написаны в пользу хозяев. Даже тогда, когда статьи начинаются будто бы в защиту рабочих, они кончаются во вред им. Кем они написаны и для чего? Продажными юристами, чтобы скрутить, связать рабочих по рукам и ногам, заставить работать на хозяев за жалкие гроши, которых не хватает рабочему на хлеб, квартиру и одежду. О своем образовании и об образовании своих детей рабочему не приходится и думать. А хозяевам выгодно иметь темных, забитых, покорных: таких легче эксплуатировать.

Это было одно из первых открытых выступлений иваново-вознесенских революционеров перед рабочими.

Революционная пропаганда членов «Рабочего союза» усиливала организованность бастующих, их решимость добиваться выполнения своих требований.

8(20) октября губернатор двинулся из Владимира в

поход на рабочих во главе двух батальонов пехоты и двух сотен казаков. На следующий день к дому фабриканта Дербенева, где он остановился, пришли делегаты-стачечники в количестве 50 человек и предъявили требования: повысить объявленные расценки; удалить директора Свешникова, который мучает их непомерными штрафами, увольняет рабочих, десятки лет проработавших на этой фабрике, а теперь снижает заработки до 7—9 рублей в месяц, на которые невозможно жить.

Губернатор стал убеждать рабочих начать работу, или он совсем остановит фибрику. Он говорил, что не может повысить расценки, но предложит администрации фабрики ускорить ход ткацких станков, что позволит рабочим больше зарабатывать.

Рабочие возражали: плохая пряжа не выдержит увеличения скорости, будет рваться, а станки — простаивать. Эта беседа, как и последующие, не дала никаких результатов.

Тогда губернатор распорядился арестовать «зачинщиков». В ночь на 11(23) октября было арестовано 8 человек из числа тех, кто вел переговоры. Весть об аресте быстро распространилась и вызвала возмущение стачечников. Они пришли к дому Дербенева и потребовали от губернатора освобождения арестованных.

Вместо ответа губернатор отдал распоряжение полковнику Воронову разогнать рабочих. В это время стачечники разделились на группы и стали расходиться, но казаки бросились их преследовать, с ожесточением избивая нагайками. Избиению подверглись не только бастующие, но и все, кто оказался на улице. Казаки ударили учительницу, сбили с ног сорокалетнего учителя реального училища, нанесли несколько ударов конторщику и другим. Напали казаки и на ткачей фабрик Дербенева, Гарелина и Бурылина, которые шли на смену, и избили всех, кто не успел укрыться.

После этой дикой расправы переговоры рабочих с гу-

бернатором не возобновлялись, но среди рабочих стала распространяться мысль о необходимости пожаловаться на губернатора московскому генерал-губернатору, дяде царя Николая II. Рабочие не знали о том, что как раз в это время сам царь одобрил подобную расправу над рабочими Большой Ярославской мануфактуры. На докладе командующего войсками Московского военного округа Николай II собственноручно написал: «Весьма доволен спокойным и стойким поведением войск во время фабричных беспорядков».

Но в Иваново-Вознесенске многие рабочие еще верили в царя и высшую власть. Жалоба на владимирского губернатора была составлена, возили ее в Москву, но попасть к генерал-губернатору не удалось. Так рассеялась еще одна иллюзия. С этого времени рабочие решили собираться только по квартирам.

Продолжали совещаться и фабриканты. В результате стачки на многих предприятиях создалось критическое положение. Не хватало миткаля для ситцепечатных фабрик, возникла угроза их остановки, а это грозило хозяевам громадным ущербом. Они уже были готовы пойти на уступки рабочим, по фабричный инспектор Астафьев запугивал губернатора и фабрикантов призраком всеобщей стачки, если требования забастовщиков будут удовлетворены. Тогда хозяева пошли на хитрость. Через своих агентов они старались набрать на льготных условиях новых рабочих в деревнях. Сначала на ткацкой фабрике работало 20—30 человек, затем их набралось до 150. Этих рабочих ставили у станков ближе к окнам и освещали всю фабрику. Стачечники, конечно, понимали ухищрения фабрикантов. Однако и силы бастующих были на исходе. Голод заставил их 30 октября выйти на работу.

Стачка стала ярким свидетельством сплоченности рабочих. Это поняли и фабриканты и местная власть. Из города долгое время не выводились войска. По окончании стачки все арестованные ее участники были освобожде-

ны, ненавистный рабочим директор Свешников уволен. Кроме того, вскоре фабричная инспекция установила повышенный минимум заработной платы, что было равносильно повышению расценок.

После окончания стачки С. П. Шестернин составил о ней подробный отчет и через С. П. Невзорову переслал в Петербург, Ленину.

Владимир Ильич отредактировал этот отчет и подготовил к печати. В середине ноября 1895 года он сообщал Аксельроду в Цюрих: «У нас есть материал о стачке 1) у Торнтона, 2) у Лаферма, 3) об Иваново-Вознесенской стачке... Не посылаю его, потому что не было еще времени для переписки и потому что не рассчитываю поспеть к 1-ому выпуску сборника... Предполагаем издавать газету, куда и пойдет материал... Если Вы находите, что материал поспеет к 1-ому выпуску,— сообщите тотчас»[19].

Говоря о сборнике, Владимир Ильич имел в виду журнал «Работник»; предполагаемой же к изданию газетой была газета «Рабочее дело». Первый номер ее составлялся и редактировался Лениным.

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года Владимир Ильич и его товарищи были арестованы. Все материалы будущей газеты захвачены у А. А. Ванеева, в том числе и корреспонденция о стачке ткачей в Иваново-Вознесенске, написанная рукой Владимира Ильича.

30 марта 1896 года на допросе Ленин заявил жандармам: «Относительно предъявленных мне рукописей: 1) листок, на котором написано «Рабочее Дело» и по рубрикам указаны разные статьи; 2) рукопись о стачке ткачей в Иваново-Вознесенске; 3) стачка в мастерской механического изготовления обуви,— отобранных, по словам лиц, производящих допрос, у Анатолия Ванеева,— объясняю, что они писаны моей рукой... фактических объяснений о рукописях под рубриками 1), 2) и 3) я представить не могу»[20].

Отказ Ленина от показаний уберег авторов корреспонденции С. П. Шестернина и О. А.Варенцову от ареста.

Несмотря на захват материалов «Рабочего дела», рукопись о стачке увидела свет, так как второй ее экземпляр Ленин успел до ареста направить за границу. Статья о стачке ткачей была опубликована в первом номере журнала «Работник» за 1896 год, а также отпечатана на гектографе Московским «Рабочим союзом» и распространялась среди рабочих.

Так благодаря деятельности Владимира Ильича стачка ивановских ткачей получила широкую известность. Революционным эхом прокатилась она по России, призывая пролетариат к единству и борьбе против ненавистного самодержавия.

Рукопись статьи о стачке, подготовленная В. И. Лениным к печати на основе сообщений С. П. Шестернина, не сохранилась. Она значится в числе неразысканных ленинских работ[21]. Но на журнальных страницах легко узнаются уверенные строки вождя: «...Стачка... сделала свое дело. Она показала, что рабочие... могут стойко противопоставить притеснениям фабрикантов свою объединенную силу и что при более благоприятных обстоятельствах они могут и победить»[22].

ОСВОБОЖДЕНИЕ «КОЛУМБА»

На 61-й странице в книге воспоминаний Сергея Павловича Шестернина «Пережитое» короткая сноска, напечатанная мелким шрифтом: «В 1902 году по инициативе Ленина я ездил в Восточную Сибирь для организации побега Лалаянца. Побег удался, и Лалаянц по-прежнему продолжал революционную работу...» Больше у автора о выполнении этого серьезного и опасного задания не сказано ничего.

В архивных документах удалось разыскать подтверждение того, что Сергей Павлович действительно выполнил

его. В частности, это видно из справки-рекомендации, выданной Шестернину в 1927 году. Она подписана Надеждой Константиновной Крупской, Марией Ильиничной Ульяновой, Глебом Максимилиановичем Кржижановским и другими видными деятелями партии. В этом документе говорится: «Шестернин неоднократно оказывал помощь ссыльным, давал приют преследуемым революционерам и ездил в Сибирь для освобождения Исаака Христофоровича Лалаянца, находящегося в ссылке в Балаганске Иркутской губернии»[23]. Старый член партии Ф. В. Ленгник добавляет: «В 1902 году он (Шестернин.— *В. Т.)* из Самары, где я работал тогда в организации «Искры», был направлен в Сибирь для освобождения товарища Лалаянца».

Более подробно об этом рассказано в воспоминаниях самого И. Х. Лалаянца[24].

Исаак Христофорович Лалаянц вошел в социал-демократическое движение в конце 80-х годов прошлого столетия[25], будучи студентом Казанского университета. До этого, во время учебы в четвертом классе реального училища, он жил на одной квартире с Николаем Евграфовичем Федосеевым, учившимся тогда в седьмом классе гимназии. Разница в возрасте у них была существенной, но именно это знакомство оказало сильное влияние на Исаака Христофоровича. Федосеев часто беседовал с Лалаянцем по вопросам истории и литературы, давал читать из собственной библиотеки произведения русской классики.

Запомнился Лалаянцу случай, когда весной 1887 года неожиданно нагрянуло гимназическое начальство и произвело обыск в комнате Федосеева. Как выяснилось позднее, виновниками этого были хозяева квартиры — молодая чета: молчаливый, тихий муж и его экспансивная супруга. Хозяйка любила развлечения, часто посещала театры, концерты, организовывала у себя дома при-

емы, вечера. Нередко у молодых супругов собирались на вечеринки студенты, во время которых хозяйка задавала тон, слегка либеральничала, особенно в беседах с Федосеевым. Муж говорил редко, сидел смирно, якобы робея перед молодой красавицей женой, а потом уходил в игорный клуб. Жена сокрушалась по поводу этой «слабости» мужа. Позднее стало известно, что муж вместо клуба регулярно посещал жандармское управление, где говорил гораздо больше, чем дома...[26]

В 1888—1889 годах Лалаянц являлся активным членом одного из студенческих кружков, где с ним близко познакомился Шестернин. За участие в студенческом движении Исаак Христофорович был исключен из университета, а затем, после ареста Федосеева и разгрома его кружка, выслан из Казани.

Около трех лет Лалаянцу пришлось жить в разных городах, но он продолжал революционную работу. Последние месяцы Исаак Христофорович пробыл в Нижнем Новгороде, вел пропаганду в рабочих кружках Сормовского завода и в мастерских пароходства. Лишь осенью 1892 года вернулся в Казань, но ненадолго. Перед Новым годом жандармы совершили налет на подпольные организации. Среди арестованных оказался и Исаак Христофорович. Через несколько месяцев тюремного заключения он был вынужден по предписанию полиции покинуть Казань. Местом его нового жительства под негласным надзором полиции стала Самара.

Исаака Христофоровича не радовал тогда переезд в этот тихий губернский город. Он считал, что будет оторван от революционной среды. Однако все сложилось поиному. Как раз в этот период в Самаре жил Владимир Ильич, вокруг которого сгруппировался кружок социал-демократов.

Впервые В. И. Ленин и И. Х. Лалаянц встретились на квартире бывшего народовольца Долгова. Вечером, простившись с хозяином, они долго бродили по улицам,

оживленно разговаривая о революционной работе. Наконец, решили, что обо всем сразу не переговорить, и условились встретиться на следующий день.

«Так произошло мое знакомство с Владимиром Ильичем,— вспоминал позднее Исаак Христофорович.— Вернувшись домой, я долго не хотел ложиться спать, ходил из угла в угол по комнате, чувствовал какой-то радостный подъем в душе, перебирая в голове до мелочей все наши разговоры с ним. Он действительно произвел на меня тогда замечательное впечатление. В этом 23-летнем человеке удивительнейшим образом сочетались простота, чуткость, жизнерадостность и задорность — с одной стороны, солидность и глубина знаний, беспощадная логическая последовательность, ясность и четкость суждений и определений — с другой.

Самара сразу же перестала мне казаться такой глушью»[27].

Лалаянц вошел в кружок, образовавшийся вокруг Ленина, близко познакомился с семьей Ульяновых и ее друзьями.

После отъезда Владимира Ильича летом 1893 года в Петербург Лалаянц пробыл в Самаре около года, а потом снова был арестован по старому казанскому делу, осужден на 10 месяцев тюремного заключения, для отбывания которого был отправлен в «Санкт-Петербургскую одиночную тюрьму», как официально назывались тогда «Кресты».

Узнав о том, что Лалаянц в Петербурге, Владимир Ильич организовал посещение его товарищами по подпольной работе, чтобы помочь ему быть в курсе политической борьбы. Позднее, сразу же после освобождения Лалаянца, Ленин встретился с ним, обсудил планы дальнейших действий.

После этого Исаак Христофорович несколько лет жил в Екатеринославе (ныне Днепропетровск), где участво-

вал в создании местного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», по образцу Петербургского, в подготовке I съезда РСДРП, редактировал социал-демократическую газету «Южный рабочий».

Новый арест Лалаянца последовал в апреле 1900 года. Его отправили сначала в киевскую, затем в московские тюрьмы — Таганскую и Бутырскую. В «Таганке» судьба снова свела Лалаянца с родными Владимира Ильича — Марией Ильиничной и Марком Тимофеевичем Елизаровым. От них он узнал о подготовке Лениным издания «Искры».

Из Бутырской тюрьмы в марте 1902 года Лалаянц и был отправлен с большой группой политических заключенных в Сибирь, в Иркутскую губернию.

...Пока товарный состав с заключенными революционерами двигался к месту назначения в глубь России, товарищи Лалаянца по совместной революционной работе обдумывали план освобождения Исаака Христофоровича. Его знания и опыт были крайне необходимы.

По воспоминаниям Лалаянца, позднее узнавшего от Шестернина подробности организации побега, мысль об этом возникла у саратовских социал-демократов и была поддержана в Воронеже и Самаре. В то время в Самаре находилась одна из крупных искровских организаций в России, тесно связанная с Лениным. Здесь было подготовлено все необходимое для побега — вещи, паспорт, деньги. Возник вопрос: кому поручить переправить все это Лалаянцу? Нужен был «представительный» и вполне надежный товарищ. Выбор пал на давнего знакомого Лалаянца — Сергея Павловича Шестернина, бывшего тогда судьей в городе Боброве Воронежской губернии. Его кандидатура была согласована с Владимиром Ильичем.

Тщательно ознакомившись с планом организации побега, Шестернин вскоре отправился в опасный и дальний путь. Первоначально намечалось, что он поедет прямо в Иркутск, но в Красноярске местные революционеры,

считая это рискованным, взялись доставить все до Иркутска сами. От Иркутска до уездного городка Балаганска вещи и документы переправили иркутские товарищи. Шестернину же было рекомендовано срочно возвращаться и подготовить в некоторых городах конспиративные явки на случай, если Лалаянц заметит преследование.

Скоро Исаак Христофорович получил условную телеграмму, посланную якобы его женой: «Еду, встречай в Балаганске», а вечером того же дня к нему зашел ссыльный Михаил Франкфурт, имевший связь с иркутскими революционерами, и сообщил о получении им необходимых для побега Лалаянца вещей.

Опасаясь скорого этапирования к основному месту ссылки, в местечко Усть-Уды Балаганского уезда, Лалаянц решил побег не откладывать, а совершить его на следующее же утро, приурочив к моменту ухода на охоту студенческой молодежи, содержащейся на менее строгом режиме.

Вечер и ночь ушли на приготовления. Выяснилось, что Лалаянцу предстояло превратиться в ветеринарного врача, да притом «правительственного». Об этом ясно свидетельствовали тужурка с кантами и светлыми пуговицами с изображениями орла, форменная фуражка с кокардой, документы.

Рано утром Лалаянц переправился на лодчонке через могучую Ангару, затем, подняв со сна ямщика из ближайшего села Малышевка, он мчался в повозке к железнодорожной станции Черемхово, стараясь не опоздать к поезду.

А потом полный тревог путь на почтовом поезде до Красноярска, «сибирским экспрессом» до Самары, оттуда на пароходе до Саратова и далее через Вильно — за границу. Во время пути через Россию форма «правительственного» ветеринара производила нужное впечатление на железнодорожных служащих и полицейских чинов.

Были и радостные минуты. В Самаре Лалаянца встретила Мария Ильинична Ульянова. Она организовала ему ночлег, дала дополнительные разъяснения по переходу границы.

Встречи с Лалаянцем ждал и Владимир Ильич, находившийся тогда в Лондоне. 19 августа 1902 года, получив телеграмму от П. Б. Аксельрода из Цюриха о приезде Лалаянца, Ленин писал в ответном письме, называя Исаака Христофоровича по партийной кличке «Колумб»: «Дорогой П. Б.! Сию минуту получил телеграмму, что Колумб у Вас. Тысячу приветов старому другу! Прилагаю ему письмо[28]. Он, вероятно, отдохнет и осмотрится несколько у Вас,— а уже затем к нам...»[29]

В конце апреля 1903 года Ленин переехал с редакцией «Искры» из Лондона в Женеву. Здесь Лалаянц и встретился с Владимиром Ильичем. Исаак Христофорович стал заведовать типографией «Искры» и вел работу в «Заграничной лиге русской революционной социал-демократии». Его активная политическая деятельность как за границей, так и в России продолжалась до 1906 года, когда он был вновь арестован.

После двух лет предварительного заключения Лалаянц был приговорен военно-полевым судом к шести годам каторги с последующим вечным поселением в Восточной Сибири.

Сначала Исаак Христофорович содержался в петербургской тюрьме, затем был переведен в Шлиссельбургскую крепость, где просидел до 1913 года. По истечении срока тюремного заключения он был сослан на вечное поселение в Иркутскую губернию.

Осенью 1914 года, надломленный тюрьмами, каторгой, тяжелобольной, он отошел от партийно-политической деятельности, работал в Иркутске статистиком.

В 1921 году по предложению В. И. Ленина Лалаянц переехал в Москву и до конца своей жизни (умер в 1933 г.) находился на руководящей работе в Наркомате

просвещения, работал вместе с А. В. Луначарским и Н. К. Крупской. Его перу принадлежат воспоминания «У истоков большевизма»[30].

НАСЛЕДСТВО В ПОЛЬЗУ РЕВОЛЮЦИИ

История с получением в пользу большевиков наследства Николая Павловича Шмита — внука известного капиталиста Викулы Морозова, наследника мебельного фабриканта — «поставщика его императорского величества» Павла Александровича Шмита в целом известна[31]. Но лишь в немногих работах, и то очень кратко, упоминается о роли Сергея Павловича Шестернина в получении партией большевиков завещанных ей Шмитом материальных средств. Между тем об этом Шестернин оставил подробные воспоминания, написанные более полувека назад и опубликованные в 1933 году в журнале «Старый большевик»[32]. Подлинник воспоминаний (машинописный текст) с поправками С. П. Шестернина был обнаружен автором этого очерка в Ивановском партийном архиве[33], куда поступили другие рукописи Шестернина и материалы о нем, переданные родственниками Сергея Павловича. О его участии в реализации наследства Шмита упоминают многие видные деятели партии, но эти свидетельства находятся в разных архивах страны и на страницах старых изданий.

В частности, в характеристике, данной С. П. Шестернину в 1927 году Н. К. Крупской, говорится: «Шестернин исполнил ответственное поручение партии по получению наследства Н. П. Шмита... Выполнение этого плана потребовало значительного времени и было связано с большим риском, но, несмотря на то, что жандармерия усиленно наблюдала за имуществом Н. П. Шмита, Шестернину все-таки удалось выполнить задуманный план: он получил и реализовал все имущество и деньги... полностью перевел в Париж, в распоряжение партии»[34].

Дело о наследстве возникло в 1902 году, когда у Ни-

колая Павловича умер отец. На руках матери — Веры Викуловны — осталось четверо несовершеннолетних детей: Николай, Алексей, Екатерина и Елизавета. Старшим из них был девятнадцатилетний Николай. Но по тогдашним законам совершеннолетие наступало только в 21 год, и, следовательно, до наступления этого возраста дети не могли распоряжаться перешедшим к ним по наследству имуществом. Имущество же Шмитов было немалое: кроме мебельной фабрики в Москве и магазина, на их имя был записан капитал, заключавшийся в паях Морозовых. Вместе с наросшими процентами этот капитал составлял у братьев Николая и Алексея, по свидетельству С. П. Шестернина, приблизительно по 500 тысяч рублей и у каждой из сестер — по 60 тысяч.

В 1904 году Николай Шмит становится совершеннолетним и, чтобы избавиться от надоедливых и жадных опекунов и попечителей, вносит на имя младшего брата и сестер по 25 тысяч рублей в качестве причитающейся им доли в фабричном имуществе. После этого он стал единственным и самостоятельным владельцем фабрики. К этому времени Николай Павлович учился на естественном факультете Московского университета, принимал участие в студенческих сходках, подпольных собраниях рабочих, а затем вступил в РСДРП.

Под влиянием роста рабочего движения и марксистской литературы он решительно порвал со своим классом и перешел на сторону пролетариата.

Прежде всего Шмит стремился улучшить положение рабочих: ввел на своем предприятии 9-часовой рабочий день (вместо 11-часового), организовал библиотеку, медицинскую помощь, хорошую столовую, вступил в близкие отношения со своими рабочими, особенно с революционно настроенной молодежью. Рабочие уважали и любили Шмита за то, что он, как писали они ему в приветственном адресе, видел в каждом не только «работников дела, но и человека».

Зато фабриканты с лютой ненавистью относились к своему «собрату», называя его фабрику «чертовым гнездом» и всячески угрожая Шмиту за его нововведения...

В 1905 году вспыхнула первая русская революция. Рабочие Москвы запасались оружием, чтобы подняться на вооруженное восстание. Общее собрание рабочих фабрики Шмита, не имея претензий к Николаю Павловичу, постановило: выступить в поддержку требований пролетариев других предприятий. Решение об участии в вооруженной борьбе было принято всеми рабочими фабрики Шмита против четырех, которых за это по постановлению общего собрания решено было уволить.

Шмит исполнил волю рабочих. На фабрике была организована сильная боевая дружина, которую Николай Павлович снабдил деньгами и оружием. Эта дружина была наиболее сплоченной и организованной, дольше других сражавшейся на Пресне. Фабрика Шмита превратилась в крепость восставших.

После поражения московского восстания Шмит был арестован. Жандармы пытались вырвать у него сведения о связях с революционерами и имена руководителей большевистской организации на предприятии. Шмита зверски мучили. По свидетельству газеты «Утро», ему в течение 8 дней не давали спать, отказывали в пище и постоянно угрожали расстрелом. Потом Николай Павлович был брошен в одиночную камеру Бутырской тюрьмы.

Только после нескольких месяцев пребывания в заключении и семидневной голодовки Николаю Павловичу разрешили свидание с родственниками. Предчувствуя близкую расправу, он через сестру Екатерину Павловну сообщил свое решение о том, что в случае его гибели все принадлежащее ему имущество и средства должны быть переданы большевикам.

Предчувствие не обмануло Шмита: в ночь на 13 февраля 1907 года он был убит в тюрьме; тюремное начальство инсценировало самоубийство.

Встреча в Пикируки

О завещании Николая Павловича Шмита его сестры Екатерина и Елизавета сообщили члену ЦК РСДРП Леониду Борисовичу Красину, заведовавшему тогда партийной кассой и техникой. Однако, несмотря на то. что воля покойного была ясно выражена, у большевиков сразу же возникли трудности в получении средств.

С претензиями на них выступили меньшевики, они даже подали заявление в третейский суд, но их претензии были признаны необоснованными. Однако царские власти стремились не допустить перехода средств в пользу партии, боровшейся против самодержавия. Получить наследство можно было только кружным, скрытым путем.

План реализации наследства был предложен Л. Б. Красиным и согласован в деталях с В. И. Лениным. Надежда Константиновна Крупская в своих воспоминаниях, характеризуя деятельность Красина по обеспечению партии денежными средствами, отмечала, что «в 1906—1907 году в Куокалла, по Финляндской железной дороге, Красин заходил к Владимиру Ильичу, и они долго толковали по вечерам о делах»[35]. По рекомендации Владимира Ильича к осуществлению намеченного плана был привлечен С. П. Шестернин. По этому делу к нему в Москву несколько раз приезжал член заграничного большевистского центра Виктор Константинович Таратута и старый знакомый Красина Сергей Иванович Радченко.

В конце августа 1907 года Сергей Павлович получил телеграмму от Л. Б. Красина с просьбой срочно приехать в Петербург по указанному адресу.

До сих пор они не были лично знакомы, но Шестернин хорошо знал о Леониде Борисовиче и поэтому догадывался, что вызов в Петербург связан с каким-либо важным партийным делом.

Через несколько дней Сергей Павлович позвонил в дверь дома, где жил Красин. На звонок вышел сравнительно молодой человек, высокий, статный, с тонкими

чертами лица. Красин пригласил Сергея Павловича в свой кабинет.

— Очень рад познакомиться,— сказал Красин,— много наслышан о вас. А теперь о цели нашей встречи. Вы, конечно, знаете, что умерший в тюрьме Николай Павлович Шмит оставил партии значительный капитал, заключающийся в паях фабрики Морозова. Помнится, вы о ней и брошюру писали — о знаменитой на всю Россию стачке рабочих. А теперь партия просит вас помочь ей в получении этого капитала. Вы ведь юрист по образованию.

Шестернин ответил, что получил образование более десятка лет тому назад, после чего работал в Иваново-Вознесенске, Боброве, Ефремове и вот теперь — в Москве.

— То, что вы работаете в Москве и живете на легальном положении, наш козырь,— продолжал Красин.— У жандармов, вероятно, не вызовет подозрений, если вы как юрист займетесь хлопотами по очередному делу. Во всяком случае сразу таких подозрений может не быть. Это важно. И если вы согласны, Сергей Павлович, то нужно поторопиться: в Выборге вас будут ждать наши товарищи.

Шестернин без колебаний подтвердил свое согласие участвовать в деле, высказанное ранее при встречах с большевиками Таратутой и Радченко.

По дороге на Финляндский вокзал и в вагоне поезда Сергей Павлович невольно возвращался мыслями к встрече с Красиным, человеком, у которого внешнее обаяние так сочеталось с острым умом и пылким темпераментом.

Через несколько часов он был в чистеньком, по-фински благоустроенном Выборге. В гостинице «Бельвю» его встретил Виктор Таратута.

Дождавшись сумерек, они вместе направились в дачную местность Пикируки, находящуюся в лесу в 2—3 километрах от города и принадлежащую Лидии Христофоровне Гоби (партийная кличка «Ирина Петровна»), дочери профессора Петербургского университета, известного ботаника Х. Я. Гоби. Лидия Христофоровна была членом

большевистской партии, ведала техникой при Петербургском комитете. Здесь на даче в один из приездов останавливался Владимир Ильич[36].

Таратута и Шестернин, встреченные хозяйкой, вошли в небольшой двухэтажный деревянный дом, поднялись на верхний этаж, в просторную комнату.

О дальнейшем С. П. Шестернин писал в своих воспоминаниях: «Скоро сюда пришел Владимир Ильич, такой же простой и внимательный, каким он был 13 лет тому назад, когда впервые я встречал его несколько раз в январе и феврале 1894 года. Таким же, но еще более жизнерадостным, я видел Владимира Ильича, когда он в 1900 году возвращался из сибирской ссылки и некоторое время прожил в своей семье в г. Подольске... Владимир Ильич был тогда... полон планов о концентрации сил и об издании общероссийского партийного органа.

...Теперь, в 1907 году... пережита была революция 1905 года с ее тяжелым поражением, наступила мрачная реакция...»[37]

Кроме В. И. Ленина, В. К. Таратуты и С. П. Шестернина, со стороны большевиков на совещании присутствовал Д. С. Постоловский, бывший тогда членом ЦК РСДРП. Со стороны родственников Н. П. Шмита присутствовал его брат Алексей Павлович со своим попечителем А. Ф. Линком и зачем-то приглашенные этим присяжным поверенным молодые юристы А. М. Гинзбург, М. Л. Сухаревский, студент И. Л. Ашпиз.

В своих воспоминаниях С. П. Шестернин подробно изложил, как обстояло дело о наследстве с юридической стороны.

По тогдашнему закону имущество после покойного Шмита должно было перейти к несовершеннолетнему его брату Алексею, который до своего совершеннолетия (то есть до достижения 21 года) мог распоряжаться имуществом только с согласия своего попечителя и сиротского суда. В случае отказа Алексея от наследства имущество

должно было перейти к сестрам покойного — Екатерине Павловне и Елизавете Павловне — в равных частях.

В том и другом случае представители большевиков должны были иметь полную уверенность, что родственники Н. П. Шмита полностью передадут партии полученное ими наследство.

«Но в данном случае,— вспоминал Шестернин,— у нас не было этой уверенности: юноша Алексей Шмит был молод, политически в то время совсем не определился и, естественно, находился под влиянием своего попечителя Линка. А Линку мы все, особенно Владимир Ильич, не доверяли: он любил широко пожить и ранее, до совещания, распространялся на ту тему, что теперь-де реакция и лучше всего деньги Шмита истратить на издание легальной социал-демократической газеты или даже толстого журнала с большевистским уклоном, а его друзья говорили о культурных предприятиях, которым будто бы особенно сочувствовал покойный Шмит. Возможно, что под видом пожертвования на «культурные цели» или расходов на журнал часть капитала уплыла бы к меньшевикам»[38].

Со стороны большевиков на этом совещании выступал в основном Таратута. Линк, Гинзбург и Ашпиз вели себя беспокойно, горячились. Владимир Ильич, по свидетельству Шестернина, «не принимал участия в прениях, но внимательно всех слушал». Когда же в ответ на одно из возражений Линка и Ашпиза Таратута взял резкий тон, Владимир Ильич тотчас же дернул Таратуту за рукав.

В дальнейшем разговор шел о том, как безопаснее передать наследство партии. Все согласились, что в случае принятия наследства Алексеем Шмитом ему будет невозможно передать такой значительный капитал сразу же без разрешения сиротского суда и поэтому пришлось бы ждать три года до его совершеннолетия. Другое дело сестры, жившие в то время за границей: старшая сестра была уже совершеннолетняя, а младшая достигала совер-

шеннолетия в 1908 году. По всем этим соображениям совещание решило: Алексей Шмит подает заявление об отказе от наследства, а сестры принимают наследство и передают его партии. С этим участники совещания и разъехались из Выборга.

Странный брак

Возвратившись в Москву, адвокат Сухаревский составил заявление об отказе Алексея от наследства и подал его в Московский окружной суд. Шестернин же, собрав необходимые документы, возбудил в том же суде ходатайство об утверждении Елизаветы Павловны в качестве наследницы половины имущества, оставшегося после ее покойного брата Николая Шмита. Присяжный поверенный М. А. Критский такое же ходатайство возбудил от имени старшей сестры Екатерины Павловны. В окружном суде дело кончилось довольно быстро и без всяких препятствий.

Несколько больше времени потребовала процедура по определению размеров причитавшегося имущества и исчислению наследственных пошлин. Разгром царской артиллерией фабрики Шмита, ее складов, закупленного для новой фабрики оборудования и особняка значительно уменьшил капиталы Николая Павловича. В результате, согласно финансовому отчету фирмы Викулы Морозова от 15 марта 1908 года, все сохранившиеся после смерти Н. П. Шмита средства составили 257 96 рублей[39]. Сумма, которая должна была перейти в пользу партии, зависела и от того, как будут проданы паи, получаемые сестрами Николая Шмита.

По свидетельству племянника Шмита Е. Н. Андриканиса, со ссылкой на документы, его мать Екатерина Шмит вскоре получила половину наследства и в июне 1908 года передала большевикам 85 тысяч рублей. Остальные деньги были израсходованы ею на пособия рабочим фабрики, оставшимся безработными после ее разгрома, на компен-

сацию отказа Алексея Шмита от наследства, уплату пошлин по наследству и исков заказчиков, уплативших авансы и не получивших заказанную мебель.

Елизавета Павловна, которая не несла материальной ответственности за действия брата, передавала партии свою долю наследства целиком.

Шестернину предстояло добиться получения доли наследства Елизаветой Павловной и продать ее. Но возникал вопрос, как это сделать, чтобы не возбудить каких-либо подозрений со стороны фабрикантов Морозовых. Хотя Елизавета Павловна по достижении совершеннолетия формально могла распорядиться своим имуществом, это не соответствовало буржуазным традициям и могло вызвать нежелательные толки и даже протесты со стороны родственников. Другое дело, если девушка выходит замуж и вкладывает свое приданое в коммерческое предприятие мужа. Поэтому было решено Елизавету Павловну «выдать замуж», хотя фактически она состояла в гражданском браке с В. К. Таратутой. Подбором «жениха» занялся Л. Б. Красин.

Вначале кандидатом в «женихи» намечали Николая Евгеньевича Буренина. Сын крупных помещиков, пианист, он в тоже время был членом «боевой технической группы» при большевистском центре. Богатство, привилегированное положение и вхожесть в «высшее общество», частые поездки за границу — все это облегчало Буренину конспирацию.

Кандидатура была неплохой, и Л. Б. Красин писал в связи с этим Алексею Максимовичу Горькому: «...Придется убеждать Николая Евгеньевича жениться. Дело слишком важно, приходится всякую сентиментальность отбросить в сторону и прямо уговаривать Н. Е., так как мы не имеем другого кандидата. Важно, чтобы и вы и Мария Федоровна прониклись этими доводами, так как без вашего содействия я не уверен, чтобы нам удалось уговорить Г. Ф. ...»[40].

Принципиально вопрос был решен: Буренин после некоторых колебаний дал свое согласие, если другой кандидатуры не окажется. В свою очередь, он предложил привлечь к этому делу своего товарища по «боевой технической группе» Александра Михайловича Игнатьева. Последний не уступал Буренину в титулах: отец его был действительный статский советник, мать — помещица, дворянка. Брак с таким человеком для родственников Лизы Шмит был бы почетным и не мог вызвать каких-либо подозрений у Морозовых в вопросе передачи ее наследства.

В пользу Игнатьева, в то время студента Петербургского университета, было и то обстоятельство, что Буренин уже вел и другую партийную работу: через него осуществлялась связь с А. М. Горьким.

После долгих обсуждений двух кандидатур выбор пал на Игнатьева. Окончательно это решилось в Женеве, куда выехал Игнатьев на «смотрины» в большевистском центре.

Александр Михайлович тоже пытался отговориться от этого поручения, полушутя упрашивал не женить его, говорил, что привык к боевой опасной работе и боится, что Лиза быстро станет вдовой, хотя и фиктивной. Однако партийная дисциплина обязывала его подчиниться интересам организации.

В Женеве Игнатьев встретился с Елизаветой Павловной. Во время этой встречи были обговорены все дальнейшие действия. Скоро она написала дядюшке, что выходит замуж и хочет пожить за границей, вложив свой капитал в коммерческое дело мужа. Поэтому просила продать ее паи в наследстве и выдать деньги. Для оформления продажи обещала прислать доверенное лицо.

Обеспокоенный Викула Морозов ответил быстро; он старался убедить Лизу, чтобы она не брала капитал, поскольку он дает большую прибыль. Но Лиза твердо стояла на своем.

Тем временем молодая чета готовилась к бракосочетанию. Решено было венчаться в русской посольской церкви в Париже.

Внешне в жизни Игнатьева произошла перемена. Из профессионального революционера ему сразу надо было войти в роль беспечного богача. Только что он спасался от русских шпиков — и вдруг Париж, богатый отель, свидание с царским консулом — князем Кугушевым.

Позднее Игнатьев рассказывал при встрече Н. Е. Буренину, как князь, холеный царский чиновник, принял богатого «жениха». Поигрывая золотым браслетом, усадил Александра Михайловича в кресло в своем роскошном кабинете. Прежде всего он поинтересовался, знает ли гость Париж.

— Какие женщины! Какие лошади! Пальчики оближете! Хотите, я буду вашим чичероне? Такие местечки покажу...

Александр Михайлович ответил, что такие соблазны его мало интересуют.

— Мне интересны музеи, театры, опера...

Консул взял другой тон:

— А, понимаю, вы ме-це-нат,— протянул он.— Но почему вы женитесь на купчихе?— в тоне консула прозвучало презрение...

Жившие в Париже товарищи приняли участие в общем деле. Один из них, Александр Волковысский, эмигрировавший в Париж из-за преследования жандармами, взял на себя заботу приодеть «жениха». Он повел Александра Михайловича к лучшему портному.

Француз обхаживал его со всех сторон, не знал, где и как посадить, стремился пойти навстречу малейшей прихоти заказчика. Игнатьев не понимал причин такого внимания и, только получив шикарное пальто и сюртук, выяснил причину любезности портного. Во внутренних карманах были вшиты ленточки с напечатанными на них

фамилией владельца фирмы и именем заказчика «Compte Ignatieff» («Граф Игнатьев»).

Волковысский, так отрекомендовавший портному заказчика, сконфуженно объяснил, что ведь ничего плохого в этом нет, он посоветовался с товарищами, и они решили, что «для дела хорошо и портному удовольствие»[41].

Венчание состоялось по всем правилам в начале октября 1908 года. В назначенное время к посольской церкви, весело поблескивающей пестрыми изразцами и золотыми луковками среди серых доходных домов, подъехала карета с новобрачными. Соблюдая церемониал, под любопытными взглядами присутствующих они прошли в зал. В колеблющемся свете мерцали многочисленные иконы. После торжественной тишины было объявлено бракосочетание графа Игнатьева и девицы Елизаветы Шмит. Шафером у новобрачной выступал Михайлов, бывший репетитором детей фабриканта Шмита. В партийном подполье он был известен как «дядя Миша».

В зале еще звучал голос старенького благообразного протоиерея Андреева, а единодушное мнение русской колонии уже сложилось: еще один отпрыск аристократического древа продан купеческой мошне — о времена, о нравы!

Закончив положенные молитвы, священник повернулся к новобрачным, оглашая напутствия... Певчие грянули: «Исаия, ликуй!», публика расступилась, и темноглазый красавец граф провел свою супругу к карете с опущенными занавесками, которые скрывали Виктора Таратуту.

Нарядный кучер тронул вожжи, лошади резво побежали по выложенной камнем мостовой и скоро скрылись за поворотом.

Для видимости на имя Александра Михайловича была снята и обставлена квартира в несколько комнат, а Виктор Таратута числился «другом дома»...

Фактически Александр Михайлович жил в каком-то

захолустном районе, в комнатушке на седьмом этаже. У него постоянно ночевали товарищи, эмигрировавшие из России.

После оформления брака и получения необходимых документов Игнатьев стал владельцем всего движимого и недвижимого имущества супруги. Теперь надо было спешить с передачей полученного наследства партии, тем более, как стало известно, за этими деньгами уже охотились жандармы.

Как и предусматривалось, Игнатьев и Елизавета Шмит поручили Шестернину продать паи в морозовском деле.

Имея на руках определение окружного суда об утверждении в правах наследства, доверенность от имени Елизаветы Павловны Игнатьевой, урожденной Шмит, и копию свидетельства о ее браке, Сергей Павлович явился в контору товарищества мануфактуры Викулы Морозова с сыновьями для переговоров с главным директором товарищества Иваном Морозовым — дядей Елизаветы Павловны. То обстоятельство, что племянница хочет продать доставшиеся ей после брата паи и деньги вложить в «коммерческое дело» своего мужа, нисколько его не удивило: он признал это вполне естественным, но, как опытный коммерсант, хотел занизить цену принадлежащих Елизавете паев. Шестернин сделал вид, что не торопится с продажей, встал и направился к выходу. Хозяин просил его зайти через пару дней. Сергей Павлович так и сделал, а затем посещал Морозова несколько раз, но тот не спешил с прибавкой. После каждого такого посещения Шестернин посылал в Париж телеграммы с информацией о ходе дела. Наконец, цену за один пай удалось поднять до 1099 рублей.

Особенно медлить с продажей было нельзя, и, получив согласие от Елизаветы Павловны (а фактически от большевистского ЦК), Шестернин заявил Морозову, что согласен продать паи по этой цене, но при условии немедленной выплаты всей суммы. «Наконец,— вспоминает

Сергей Павлович,— наступил назначенный для расплаты день. Не скрою, я тогда очень волновался, ибо было бы очень обидно, если бы в последний момент жандармы арестовали меня вместе с громадным капиталом, принадлежащим партии»[42]. В 10 минут рысак доставил Шестернина с Варварки, где помещалась контора Морозовых, на Кузнецкий мост в отделение «Лионского кредита», где тотчас же и были сданы для перевода в Париж по телеграфу все причитающиеся Елизавете Павловне деньги.

Выходя из здания «Лионского кредита», Сергей Павлович от радости не чувствовал под собой земли: теперь, даже в случае его ареста, деньги были в безопасности. Но его не арестовали. Шестернин удивлялся тому, что департамент полиции и московская охранка, усердно наблюдавшие за этими деньгами, допустили, что у них из-под носа ушел такой громадный капитал.

Присланные деньги значительно улучшили финансовое положение партии, которая в то время крайне нуждалась в денежных средствах. Ведь после поражения первой русской революции резко сократились поступления членских взносов, до минимума упала выручка от продажи печатных изданий, прекратились пожертвования либералов. Партийная касса фактически была пуста. Не было денег для продолжения V (Лондонского) съезда партии, для очередных взносов в Международное социалистическое бюро, редакции газеты «Пролетарий» нечем было платить за статьи.

В этих условиях получение хотя бы части наследства Шмита имело большое значение для оказания помощи революционерам-профессионалам, для обеспечения работы типографий, посылки в Россию транспортов литературы. Поскольку дело с получением наследства развивалось благоприятно, летом 1908 года в письме Воровскому В. И. Ленин, говоря о созываемой за границей конференции при редакции газеты «Пролетарий», писал: «Обязательно устройте так, чтобы могли съездить за границу.

Деньги вышлем на поездку всем большевикам... Убедительно просим писать для нашей газеты. Можем платить теперь за статьи и будем платить аккуратно»[43]. Несколько позднее Владимир Ильич, высылая часть членских взносов в Международное социалистическое бюро, сообщил секретарю бюро К. Гюисмансу, что «партия вскоре сможет уплатить также и остальную сумму»[44].

В середине декабря 1908 года В. И. Ленин выехал в Париж. В это время он выяснял и положение с получением наследства Шмита. Сохранилось его письмо от 13 декабря 1908 года Гюисмансу, в котором Владимир Ильич писал:

«Что же касается доклада и уплаты 300 франков, то отвечу Вам на это через несколько дней. Завтра я уезжаю в Париж, где отныне обоснуюсь. Именно из-за этого отъезда я не в состоянии ответить Вам сейчас. Через 3—4 дня Вы получите мой адрес»[45].

Немногим более чем через месяц (19 января 1909 г.) В. И. Ленин выслал Гюисмансу недостающую сумму[46].

То, что именно получение средств, завещанных Шмитом, улучшило финансовое положение партии, подтверждает Н. К. Крупская. В своих воспоминаниях о В. И. Ленине она писала:

«...Фиктивный брак дал возможность сразу же получить наследство, деньги переданы были большевикам. Вот почему и говорил Ильич так уверенно о том, что «Пролетарий» будет платить за статьи и делегатам будут высланы деньги на дорогу»[47].

С получением партией наследства Н. П. Шмита деятельность Шестернина по этому делу не прекратилась. Примерно в марте 1909 года он был вызван в Париж.

Первым делом Сергей Павлович явился к Таратуте и Елизавете Павловне, а затем вместе с Таратутой отправился к Владимиру Ильичу. Об этом посещении В. И. Ленина Шестернин вспоминал: «Квартира, в которой тогда жил Владимир Ильич с Надеждой Константи-

новной, поразила меня своей простотой. Столы, скамьи, табуреты из соснового дерева, некрашеные, много книг — таково было более чем незатейливое убранство маленькой, но чистенькой квартирки... Чувствовалось во всем, что хозяева любят чистоту и порядок. Во время своего пребывания в Париже я был в квартирах нескольких наших эмигрантов и по совести могу сказать, что обстановка у Владимира Ильича была самая демократическая»[48].

Начались снова совещания, в которых участвовал и Владимир Ильич. Здесь Шестернин узнал, что Игнатьев согласился на фиктивный брак только при том условии, что ему будет обеспечен и развод. Сергею Павловичу предложили принять на себя хлопоты и по этому делу.

По тогдашним законам дело это могла решить Петербургская духовная консистория, и потребовалось несколько поездок Шестернина в Петербург. Секретарь, главный вершитель всех консисторских дел, сразу почувствовал, что здесь можно хорошо поживиться, и долго ничего не предпринимал, ссылаясь на перегруженность консистории другими делами. Пришлось с жалобой на «саботаж» обратиться в так называемый святейший синод. После этого дело немного подвинулось вперед, а перед допросом свидетелей, которые должны были установить «прелюбодеяние» Игнатьева, дело опять затормозилось. Тогда по соглашению с приятелями Игнатьева, которые должны были фигурировать в качестве свидетелей, Шестернин заявил в консистории, что они будто бы уже переехали на жительство в Иваново-Вознесенск и что желательно поэтому дело незамедлительно переслать в этот город. Таким образом, ссылка на «перегруженность» консистории отпала. Дело было быстро отправлено в Иваново-Вознесенск, где допрос свидетелей производился уже не духовными отцами, а мелким полицейским чиновником. Ему просто продиктовали показания свидетелей... Таким образом, в течение одного дня было сделано то, на что

в консистории понадобилось бы несколько месяцев. Далее дело уже пошло быстро. На основании свидетельских показаний консистория вынесла решение: брак расторгнуть и возложить на Игнатьева, как на виновную сторону, «церковную эпитимью и семилетнее безбрачие». Решение консистории после беседы Шестернина с обер-прокурором было утверждено святейшим синодом.

О дальнейшей судьбе материальных средств, завещанных большевистской партии Николаем Павловичем Шмитом, известно из документов, поступивших в начале 70-х годов в Институт марксизма-ленинизма, а до этого хранившихся в течение нескольких десятилетий в архиве парижских адвокатов — отца и сына Дюко де ла Ай. Эти документы за 1909 — 1912 годы о так называемых «держательских деньгах», о которых не раз упоминается в Полном собрании сочинений В. И. Ленина.

В условиях сложной внутрипартийной борьбы и постоянных необоснованных претензий меньшевиков на средства, завещанные Н. П. Шмитом, В. И. Ленин, стремясь к упрочению единства партии, передал деньги большевиков на хранение трем немецким социал-демократам — К. Каутскому, Ф. Мерингу, К. Цеткин, так называемым «держателям», с условием, чтобы эти средства расходовались только на общепартийные цели. В случае продолжения фракционной деятельности меньшевиков средства должны были быть возвращены большевикам. Но ликвидаторы-меньшевики нарушили эту договоренность, начав новую тяжбу о «держательских деньгах». Это и явилось причиной обращения В. И. Ленина к адвокату Жоржу Дюко де ла Ай с просьбой вести дело большевиков.

После смерти адвоката письма В. И. Ленина и другие материалы по этому делу перешли к сыну адвоката Жану Дюко де ла Ай, где и хранились до недавнего времени.

В передаче их в Институт марксизма-ленинизма большую роль сыграл Робер Лонге, правнук Карла Маркса[49].

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ

Очерк «Поручается «Руслану» освещает эпизоды подпольной революционной деятельности Сергея Павловича Шестернина. Но, естественно, разговор в нем шел и о многих других активных участниках революционного движения. Хотелось бы кратко коснуться их дальнейшей судьбы.

Сергей Павлович Шестернин (1864—1944) после победы Великой Октябрьской социалистической революции заведовал Хамовническим военным комиссариатом в Москве, а с образованием в декабре 1917 года Высшего совета народного хозяйства почти десять лет проработал в нем юрисконсультом. Перейдя в 1928 году на пенсию, Сергей Павлович продолжал вести большую общественную работу. Под руководством М. И. Ульяновой в течение восьми лет на общественных началах вел работу в бюро жалоб при Центральной контрольной комиссии. По просьбе А. И. Ульяновой-Елизаровой он написал воспоминания о Н. Е. Федосееве, сотрудничал в журнале «Старый большевик», а в 1940 году был опубликован его большой труд — «Пережитое», в котором Сергей Павлович осветил многие вопросы социально-экономической жизни дореволюционной России и истории революционного движения.

До революции, в целях конспирации, С. П. Шестернин официально не оформил свое членство в партии, сделал он это в советское время[50].

Его имя увековечено в названии одной из улиц города Иванова.

Ольга Афанасьевна Варенцова (1862—1950) стала видным деятелем революционного движения, активной участницей трех революций. В начале 900-х годов возглавляла создание и деятельность крупной социал-демократической организации «Северный рабочий союз», которая одной из первых встала на позиции ленинской «Искры». Впоследствии вела революционную работу в Аст-

рахани, Вологде, Москве, Петербурге, Ярославле. Прошла через тюрьмы и ссылки. В 1916 году работала в литературной группе Московского областного бюро ЦК РСДРП. С первых дней Февральской буржуазно-демократической революции стала секретарем Военного бюро при Московском комитете большевиков. Принимала активное участие в Октябрьских событиях, являлась одним из руководителей боевых операций в городском районе.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции полностью раскрылись организаторские способности Ольги Афанасьевны. Более года она работала в бюро военных комиссаров. Затем, в августе 1919 года, ЦК партии по просьбе Иваново-Вознесенской парторганизации направил Ольгу Афанасьевну в текстильный край, где земляки избрали ее секретарем губкома партии. На IX съезде РКП(б) была избрана членом Центральной контрольной комиссии, затем работала в Институте марксизма-ленинизма.

Перу О. А. Варенцовой принадлежит ряд работ по истории революционного движения в России: «Объединительный съезд РСДРП», «Организационный комитет по созыву II съезда РСДРП», «Северный рабочий союз и Северный комитет РСДРП», за которые ей была присвоена ученая степень кандидата исторических наук.

За заслуги в революционном движении Ольга Афанасьевна Варенцова награждена орденом Ленина. Ее именем названы теплоход Эстонского пароходства, улица и одно из текстильных предприятий в Иванове, в центре ее родного города установлен величественный памятник мужественной революционерке[51].

Имя Николая Павловича Шмита увековечено в названии проезда на легендарной Красной Пресне в Москве, где ему установлен памятник[52].

Сестры Николая Шмита Екатерина и Елизавета после возвращения из-за границы жили в Москве. Когда Елизавета Павловна весной 1919 года приехала в столицу с

пятью маленькими детьми, В. И. Ленин и Н. К. Крупская помогли ей с устройством. Семью Елизаветы Павловны поселили в жилом корпусе малого Николаевского дворца в Кремле. По предложению Ленина Совет Народных Комиссаров за заслуги перед партией и революцией назначил ей пожизненную персональную пенсию.

Екатерина Павловна вернулась с семьей в Россию в 1916 году. До конца своей жизни она была членом партии и принимала активное участие в общественной жизни. Ее муж Н. А. Андриканис в советское время работал юрисконсультом[53]. Сейчас в Москве живет сын Екатерины Павловны Евгений Николаевич Андриканис, видный кинематографист, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР. Им написана книга о Николае Шмите[54].

Виктор Константинович Таратута (1881—1926) после возвращения в 1919 году из-за границы находился на ответственной хозяйственной работе в качестве управляющего делами Высшего совета народного хозяйства, заместителя председателя химического отдела ВСНХ, председателя правления Банка для внешней торговли[55].

Александр Михайлович Игнатьев (1879—1936) после расторжения фиктивного брака связал свою судьбу с Ольгой Каниной, которая тоже принимала активное участие в боевой революционной работе: в 1905 году с риском для жизни доставляла взрывчатые вещества из Финляндии в Петербург. А Александр Михайлович в тот период организовал в своем имении Ахиярви склад для переброски из-за границы в Россию оружия и нелегальной литературы. В 1913 году он окончил Петербургский университет, затем был призван на военную службу.

После Октябрьской революции находился в Красной Армии: был инспектором противовоздушной обороны Петрограда. Им был создан первый оптический прибор для корректировки стрельбы по самолетам. На демонстрации изобретателем этого прибора в Главном артиллерийском

управлении в июне 1920 года присутствовал В. И. Ленин. В 1920 — 1925 годах являлся торгпредом СССР в Финляндии, в 1925—1929 годах работал в советском представительстве в Берлине[56]. В последующие годы вел научную работу, стал известным изобретателем. А. М. Игнатьевым изобретены самозатачивающиеся резцы, на которых в годы первой пятилетки была достигнута наивысшая по тому времени производительность станков. В. В. Куйбышев помог ученому-новатору оборудовать специальную лабораторию (ЛАРИГ — лаборатория резания Игнатьева), на базе которой позднее был организован Всесоюзный научно-исследовательский инструментальный институт[57].

Многие годы материалы об Игнатьевых собирал живущий в Москве их сын — Михаил Александрович, работавший до ухода на пенсию адвокатом. Часть материалов передана им в Историко-революционный музей «Красная Пресня»[58].

Косвенное отношение к получению партией наследства Н. Шмита имел и Н. Е. Буренин, на которого пал сначала выбор как на возможного «жениха». Может быть, поэтому он постоянно интересовался делом о наследстве, а позднее, в советское время, рассказал об этом в своих воспоминаниях[59], сохранив для истории ценные свидетельства и живые подробности не только о ходе самих событий, но и об их участниках.

Нужно отметить, что Николай Евгеньевич на протяжении всей жизни не порывал дружеских связей с Александром Михайловичем Игнатьевым. Однажды, в 1915 году, Буренин по поручению большевиков вел революционную пропаганду среди матросов Кронштадта. Для выполнения этого задания он привлек матроса с миноносца «Сибирский стрелок» Николая Верещагина, бывшего рабочего, сына маляра депо Москва-Сортировочная. По поручению Буренина он распространял большевистские листовки среди команд миноносцев и линкора «Петропавловск». Выслеженный полицией, Верещагин был схва-

чен и заключен в плавучую тюрьму. Но в новогоднюю ночь ему удалось бежать. Преследуемый выстрелами, Верещагин доплыл до берега, затем, запутывая преследователей, добрался до дома Буренина в Петербурге, находившегося на Рузовской улице.

Каково же было удивление Николая Евгеньевича, когда почти в самую полночь, открыв на стук дверь, он увидел обмороженного товарища. Матроса отогрели, подлечили. Но дом, находившийся под надзором полиции, не мог долго служить надежным укрытием. Необходимо было срочно подыскивать надежное место.

Для Верещагина было полной неожиданностью, когда ему сообщили, что он будет направлен на службу в качестве вестового у неизвестного ему поручика. Этим поручиком, согласившимся укрыть беглеца, был Александр Михайлович Игнатьев, находившийся в то время на военной службе. Лишь позднее матрос узнал, что Игнатьев и Буренин были давними соратниками по революционной работе.

Уже в советское время сослужило службу и мастерство Верещагина как слесаря-инструментальщика. Он деятельно включился в работу по изготовлению опытного образца прибора для стрельбы по воздушным целям, изобретенного Александром Михайловичем.

После победы Октябрьской революции Н. Е. Буренин отдался своему любимому делу — искусству. Он работал в Комиссариате театров и зрелищ, затем в театральном отделении отдела народного образования Петроградского Совета, откуда в 1921 году был отозван на дипломатическую работу. В течение ряда лет Николай Евгеньевич был заместителем торгпреда РСФСР в Финляндии, потом работал в советском торгпредстве в Германии.

Н. Е. Буренин внес вклад в освещение истории революционного движения не только своими яркими воспоминаниями. Его заслугой является нахождение и доставка на Родину многих ценных документов и материалов,

находившихся за границей. В частности, в 1934 году в Швейцарии им были разысканы и привезены в СССР несколько десятков писем В. И. Ленина и Н. К. Крупской, адресованных А. В. Луначарскому. Эти письма переданы на хранение Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Кроме того, Н. Е. Буренин передал ценные материалы Институту мировой литературы имени А. М. Горького, музеям Москвы и Ленинграда[60].

---

[1] См.: Шестернин С .П. Пережитое. (Из истории рабочего движения 1880—1900 гг.) Иваново, 1940; Старый большевик, 1933, № 2(5), с. 133—135.

[2] См.: Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг., т. 1. М., 1969, с. 107.

[3] Там же, с. 157.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 324—325.

[5] Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России. (Сборник воспоминаний). М.— Пг., 1923, с. 110.

[6] Там же, с. 109—110.

[7] Шестернин С. П. Пережитое, с. 89.

[8] Партийный архив Ивановского обкома КПСС (далее ПАИО), ф. 282, оп. 3, д. 1602, л. 12.

[9] В 1895 году С. П. Шестернин написал брошюру «Десятилетие морозовской стачки». Она была нелегально издана за границей в 1897 году «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», а в 1901 году повторно опубликована в газете «Искра».

[10] См.: Шестернин С. П. Пережитое, с. 99—104.

[11] Работник, 1896, № 1—2, с. 75; См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 568.

[12] Рабочее движение в России в XIX веке, ч. 1, т. IV. М., 1961, с. 125.

[13] См.: Шестернин С. П. Пережитое, с. 116.

[14] Там же, с. 117.

[15] Экземплярский П. М. Очерки по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске. Вып. 1. Иваново-Вознесенск, 1924, с. 26.

[16] См. там же.

[17] Там же, с. 27.

[18] Там же.

[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 10—11.

[20] Там же, с. 445.

[21] См. там же, т. 2, с. 563.
[22] Работник, 1896, № 1—2, с. 79.
[23] ПАИО, ф. 282, оп. 3, д. 1602, л. 11.
[24] Пролетарская революция, 1929, № 8—9, с. 107—130.
[25] БСЭ. 3-е изд., т. 14, с. 127; Правда, 1933, 19 июня; Вопросы истории КПСС, 1965, № 8, с. 101—105.
[26] Федосеев Николай Евграфович... с. 25—27.
[27] Пролетарская революция, 1929, № 1(84), с. 43.
[28] Письмо, адресованное И. Х. Лалаянцу, не сохранилось.
[29] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 219.
[30] Лалаянц И. Х. У истоков большевизма. Вып. 1 и 2. М.—Л., 1930—1931.
[31] См.: Ленинский сборник XXXVIII, с. 6—7, 32—77, 81—138, 170; 1905 год в Москве. (Историко-революционный очерк. Ход событий и памятные места). М., 1955, с. 200—211; Андриканис Евг. Хозяин «Чертова гнезда». 4-е изд. М., 1980; Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. М.— Л., 1928, с. 35, 143, 232, 246, 258.
[32] Старый большевик, 1933, № 5(8), с. 146—159. Воспоминания С. П. Шестернина с сокращениями были опубликованы в следующих изданиях: Наш Ильич. (Москвичи о Ленине. Воспоминания, письма, приветствия). М., 1969, с. 105—112; Великие незабываемые дни. М., 1970, с. 301.
[33] ПАИО, ф. 282, оп. 1, д. 164, лл. 1—16.
[34] Там же, оп. 3, д. 1602, л. 11.
[35] Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья, с. 139.
[36] См.: Буренин Н. Е. Памятные годы. Л., 1967, с. 158.
[37] ПАИО, ф. 282, оп. 1, д. 164, лл. 7—8; Старый большевик, 1933, № 5(8), с. 146—159.
[38] Там же, л. 9.
[39] Андриканис Евг. Хозяин «Чертова гнезда», с. 227—228.
[40] Г. Ф.— «Герман Федорович» — партийная кличка Н. Е. Буренина.
[41] Буренин Н. Е. Памятные годы, с. 173—175.
[42] ПАИО, ф. 282, оп. 1, д. 164, л. 13.
[43] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 160.
[44] Там же, с. 164.
[45] Там же, с. 169.
[46] См. там же, с. 170.
[47] Воспоминания о Ленине, т. 1. М., 1968, с. 342.
[48] ПАИО, ф. 282, оп. 1, д. 164, лл. 13—14.
[49] Ленинский сборник XXXVIII, с. 6—7, 32—77, 81—138, 170; Правда, 1971, 30 нояб.

[50] См.: Революционеры текстильного края. Ярославль, 1980, с. 295—298.

[51] См.: Депутаты первого Совета. Биографии, документы, воспоминания. М., 1980, с. 78—84.

[52] См.: Андриканис Евг. Хозяин «Чертова гнезда», с. 234—238.

[53] См.: Ленинский сборник XXXVIII. М., 1975, с. 36; Кравченко Е. К. Поручения Ильича.— В кн.: Они встречались с Ильичем. М., 1960, с. 19—23.

[54] См.: Выстробец А. Евгений Андриканис. М., 1981.

[55] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 506.

[56] См. там же, т. 53, с. 475.

[57] См.: Молчанов В. Деньги для революции.— Правда, 1979, 7 июля; Львов Л. Техник из подполья.— Изобретатель и рационализатор, 1969, № 4, с. 8—13.

[58] См.: Правда, 1979, 7 июля.

[59] См.: Буренин Н. Е. Памятные годы, с. 165—175.

[60] См. там же, с. 196—199.

ЗНАМЯ НАД ТАЛКОЙ

РЕПОРТАЖ ИЗ 1905 ГОДА

В ТЕ ГРОЗОВЫЕ ДНИ

Иваново-Вознесенская всеобщая политическая стачка текстильщиков, начавшаяся 12(25) мая 1905 года и продолжавшаяся 72 героических дня,— одна из ярчайших страниц революционной борьбы пролетариата России в период первой русской революции. Она послужила началом новой волны пролетарского движения после трагических событий 9 января и сыграла важную роль в пробуждении чувства солидарности у рабочего класса. Достижением всемирно-исторического значения явилось создание в ходе стачки первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов.

То, что первопроходцами в этом грандиозном, поистине великом деле преобразования общества стали под руководством большевиков рабочие Иваново-Вознесенска, не было случайным явлением. Авангардная роль пролетариата текстильного края обусловливалась объективными причинами и явилась результатом его многолетней борьбы с самодержавием и капиталом.

Для Иваново-Вознесенска начала 900-х годов была характерна исключительно высокая концентрация рабочего класса. Классовая рознь здесь проявлялась особенно зримо. Здесь, как, пожалуй, нигде, резко противостояли богатство владельцев фабрик и ужасающая нищета рабочих. Все это давало возможность большевикам эффективно вести организаторскую и агитационную работу среди пролетариата города.

Иваново-Вознесенская партийная организация, насчитывающая в этот период до 400 человек, была целиком большевистской. Под руководством О. А. Варенцовой, Ф. А. Афанасьева и других опытных большевиков в про-

мышленном районе была воспитана целая плеяда талантливых деятелей партии из рабочих, таких, как С. И. Балашов, Ф. Н. Самойлов, Н. А. Жиделев, А. С. Киселев, Н. Н. Колотилов, М. П. Сарментова, Е. А. Дунаев и другие. Они целеустремленно и умело готовили рабочих к решающим классовым боям.

Важное значение для организации, целенаправленности и перспектив этой борьбы имели решения III съезда РСДРП, проходившего в конце апреля — начале мая 1905 года под руководством В. И. Ленина. Съезд выработал тактику большевиков на всех этапах развития первой русской революции. Единственным средством свержения самодержавия съезд признал всенародное вооруженное восстание. В ленинской резолюции по этому вопросу особое место уделялось массовым политическим стачкам, которые, как отмечалось в документе, «...могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания»[1].

Большевики текстильного края горячо одобрили решения съезда, восприняли их как практическую программу действий. Началу всеобщей стачки предшествовала большая подготовительная работа, проводящаяся под руководством ответственного секретаря Иваново-Вознесенской группы Северного комитета РСДРП Ф. А. Афанасьева. На помощь иваново-вознесенцам приехали представители социал-демократических организаций других городов: Московский комитет направил сюда М. В. Фрунзе, А. В. Мандельштама и других профессиональных революционеров, Северный комитет РСДРП — Н. И. Подвойского, А. К. Гастева из Ярославля и А. С. Самохвалова — из Владимира[2].

Особую роль в подготовке и проведении стачки сыграл двадцатилетний М. В. Фрунзе. Он приехал в Иваново-Вознесенск 6 (19) мая. Ознакомившись с обстановкой, Фрунзе отметил тогда прочность связей большевиков с рабочими фабрик и заводов, где действовали партийные ячейки. Позднее, вспоминая о своем первом впечатлении,

Фрунзе писал: «Видное участие, которое принимали в жизни партии сами рабочие... чрезвычайно удивило и поразило меня... Как руководящий коллектив, так и районные организации... состояли к этому времени исключительно из рабочих... Не думаю, чтобы на территории России нашлось еще много мест, подобных Иваново-Вознесенску в этом отношении»[3].

В то же время Фрунзе увидел и то, что на некоторых фабриках большевистские организации были малочисленны и их влияние на рабочих недостаточно.

8(21) мая состоялось совещание партийных организаторов. На нем Фрунзе внес предложение переместить часть рабочих партийцев на эти предприятия, что и было сделано.

На другой день, 9(22) мая, в окрестном лесу состоялась городская партийная конференция с участием представителей рабочих от фабрик и заводов. После Ф. А. Афанасьева («Отца») и С. И. Балашова («Странника») слово было предоставлено Фрунзе, получившему партийное имя «Трифоныч». Его выступление о революционной ситуации в стране и задачах партийной организации в связи с подготовкой всеобщей стачки произвело сильное впечатление на присутствующих. На конференции были выработаны 26 основных требований, в том числе экономические: установление 8-часового рабочего дня, отмена штрафов, повышение заработной платы, учреждение социального страхования, пенсионного обеспечения, медицинского обслуживания и другие; и политические: созыв Учредительного собрания, обеспечение права на свободу слова, печати, стачек и союзов[4].

Через два дня, 11(24) мая 1905 года, была созвана вторая городская партийная конференция. В ней приняло участие более 80 представителей от фабрик и заводов. Были заслушаны доклады с мест, еще раз рассмотрены и утверждены требования к властям и предпринимателям. Конференция приняла решение — начать забастовку

12(25) мая и одобрила обращение ко всем рабочим и работницам города, поручив большевистскому центру издать его в виде листовки и распространить среди текстильщиков в первый день стачки. Было решено, что начнут стачку рабочие фабрики Бакулина, где действовала более сильная, сплоченная большевистская организация во главе с Е. А. Дунаевым и М. П. Сарментовой[5].

Город был накануне революционной грозы.

О том, как началась и проходила героическая революционная борьба текстильщиков против эксплуататоров, как в ходе ее был создан первый Совет рабочих депутатов — прообраз нынешних органов народовластия, и рассказывается в хронике первых четырех дней стачки — документальном репортаже из 1905 года.

ЧАС ПРОБИЛ!

День первый. 12(25) мая 1905 года. Четверг. С утра на улицах города, на фабриках и заводах распространялась листовка Иваново-Вознесенской группы РСДРП «Ко всем рабочим и работницам гор. Иваново-Вознесенска». В ней говорилось:

«Не хватает сил больше терпеть! Оглянитесь на нашу жизнь,— до чего довели нас наши хозяева. Нигде не видно просвета в нашей собачьей жизни! Довольно! Час пробил! Не на кого нам надеяться, кроме как на самих себя. Пора приняться добывать себе лучшую жизнь! Бросайте работы, присоединяйтесь к вашим забастовавшим товарищам. Выставляйте 26 требований, изданных нашей группой. Присоединяйте к ним, кроме того, свои местные частные требования! Собирайтесь для обсуждения ваших нужд в городе и за городом!»[6]

Как и было решено на проходящей накануне партийной конференции, первыми остановили станки текстильщики фабрики Бакулина. Собирались во дворе фабрики. Затем ворота распахнулись, и рабочие двинулись в город. Путь стачечникам преградили полицейские и казаки во

главе с полицмейстером Кожеловским. Гарцуя на коне, он злобно выкрикивал угрозы, приказывая забастовщикам вернуться. Полицейские тоже приняли воинственный вид, приготовившись по первому приказу пустить в ход плети и нагайки.

И здесь помогла предусмотрительность организаторов стачки. Перед выходом рабочих со двора один из руководителей городской партийной организации Семен Балашов передал Евлампию Дунаеву, возглавлявшему вместе с Матреной Сарментовой выступление бакулинцев, свежий номер газеты «Вечерняя почта» или «Северный край», в котором был опубликован какой-то царский указ.

— Держи, Евлампий, может, пригодится,— улыбнулся Семен Иванович.— Ежели что, скажи, что разрешены, мол, стачки. Пока читает цепной пес, мы пройти сможем.

Такой прием себя оправдал. Когда движение было остановлено казаками и возникла тревожная пауза, из рядов рабочих выступил Евлампий Дунаев с газетой в руках и, подойдя близко к полицмейстеру, стал неторопливо разворачивать газету. Потом поднял ее над головой и обратился к Кожеловскому.

— Видел, что написано? Не имеешь права разгонять,— говорил он, глядя в глаза полицмейстера.— Не думает ли дядя Ваня (полицмейстера звали Иваном), что он сильнеее царя?

Среди рабочих пошел одобрительный гул.

— А не пропустишь — сами пройдем!— вдруг сердито сдвинул брови Дунаев.

Кожеловский был так озадачен, что даже не обиделся на «дядю Ваню». А Дунаев в это время обернулся к рабочим, крикнул:

— Идемте, товарищи, нам нечего бояться!— И двинулся мимо полицмейстера и казаков.

Ободренные рабочие смело пошли за ним, полицейские и казаки расступились, освободив дорогу бастующим[7].

Густая лавина людей разливалась по близлежащим улицам, медленно двигалась к городской площади. По пути к ним присоединялись рабочие других фабрик — Бурылина, Маракушева, Дербенева...

В первый день стачки забастовали рабочие 44 предприятий. Текстильщиков поддержали металлисты, железнодорожники, печатники, рабочие кустарных мастерских. Прекратили работу около 30 тысяч человек.

В центре города состоялся грандиозный митинг. По поручению партийной организации его открыл Евлампий Дунаев. Как вспоминали участники стачки, на плечи рабочих поднялся рябоватый, худощавый, среднего роста человек, с глубоко запавшими глазами, одетый в сильно поношенную блузу. В своем выступлении он образно и резко высмеивал предпринимателей и царские власти.

— Товарищи,— говорил он,— между прочим, вы ведь знаете — наши фабриканты, ведь они отцы наши, благодетели,— и тут же, сделав паузу, добавил: — Кровопийцы, сукины дети![8]

Позднее Андрей Сергеевич Бубнов, слушавший это и многие другие выступления Дунаева, характеризуя его роль в стачке, написал о нем в своих воспоминаниях: «Дунаев... превосходно знал массу, понимал ее, умел к ней подойти, объяснить ей на своем живом, образном картинном языке то, что было непреодолимо трудно объяснить подчас самому умелому, самому опытному... агитатору»[9].

Потому не случайно первый массовый митинг в первый день стачки было поручено открыть именно Дунаеву. Его выступление произвело огромное впечатление на рабочих. После Дунаева выступил профессиональный революционер, представитель Московского комитета РСДРП Борис Морковин, подвергший резкой критике самодержавный строй, раскрывший унизительное положение рабочих.

Когда он говорил, начали отворяться до того накрепко захлопнутые окна городской управы, а в них появлялись

«любопытные» в чиновничьих и офицерских мундирах.

Но теперь революционер их не опасался, жандармы и полиция были бессильны. Вот они, десятки тысяч рабочих, заполнивших площадь. Они с неослабным вниманием слушали ораторов, поддерживая их возгласами.

На митинге было решено вновь собраться всем бастующим на следующее утро на этом же месте, на городской площади (ныне площадь Революции), чтобы обсудить, как продолжать борьбу.

Поздно вечером на берегу Талки состоялось заседание комитета большевиков. На нем были рассмотрены итоги первого дня стачки и намечен план на следующий день — 13(26) мая. Решено было от имени бастующих предъявить фабрикантам требования, выработанные на партийных конференциях.

Стачка началась.

ПОЛПРЕДЫ БАСТУЮЩИХ

День второй. 13 (26) мая. Пятница.

Утро выдалось необычно тихим, не видно было спешащего на работу люда. Фабричные трубы безжизненно подпирали небо.

Около девяти часов окраины ожили. Бастующие густыми толпами потянулись из всех рабочих кварталов к главной городской площади, где на 10 часов был назначен массовый митинг. К этому времени вся площадь и значительная часть прилегающих улиц были сплошь запружены народом.

В центре площади, как раз напротив здания городской управы, собрались руководители партийной организации. Около одиннадцати часов кто-то принес табуретку, и на нее поднялся Евлампий Дунаев. Мгновенно наступила тишина.

Осмотрев толпу, Дунаев после паузы, длившейся несколько секунд, начал свою речь. Он говорил о необходи-

мости бороться до тех пор, пока требования бастующих не будут удовлетворены предпринимателями. Призывал к революционному порядку, организованности и стойкости. Только это может обеспечить успех борьбы.

Потом снова помолчал и, указав рукой в сторону торговых рядов, где столпились в стороне под защитой казаков служащие фабрик и торговцы, сказал:

— Напрасно эти люди закрыли свои лавочки и магазины. Мы не воры, не грабители, не жулики какие-нибудь, а честные рабочие-труженики, никогда не жившие на чужой счет или чужим трудом. Всю жизнь свою мы содержим своим собственным трудом множество всяких эксплуататоров и дармоедов, праздных бездельников. Поэтому пусть эти закрывшие лавки и магазины люди не меряют нас на свой аршин. Пусть они знают, что честные труженики-рабочие совсем не то, что они...[10]

Когда Дунаев кончил говорить, в толпе пронесся гул одобрения.

После этого по инициативе социал-демократической организации было предложено провести сборы в пользу бастующих. Кандидатами в сборщики назвали 10—15 рабочих, хорошо известных, особо надежных. Единодушным поднятием рук собрание их утвердило. Облеченные доверием сразу же приступили к делу, обходя бастующих, собирая в фуражки трудовые медяки и мелкие серебряные монеты.

В то же время загремели замками и ставнями торговцы. Выступление Дунаева, поведение рабочих успокоили их. Они тоже бросали разную мелочь в фуражки сборщиков, но делали это не очень охотно. Многие из торговцев спрашивали сборщиков:

— Когда же это все у вас кончится?

— Что «это»?— ответил один из них, большевик Федор Самойлов.

— Да вот это самое,— продолжали они, кивая на собравшихся,— забастовка-то ваша, что ли?

— Да ведь она же только что началась, а вы хотите, чтобы она кончилась.

— Но это беспорядок...

— А когда хозяева с нас три шкуры дерут, это порядок? Вот когда хозяева удовлетворят наши требования, тогда и закончим забастовку.

После этого спрашивающие угрюмо замолкали и уходили в свои лавки.

Когда сборщики вернулись, у каждого оказалась почти полная фуражка медяков, серебряных монет и мелких бумажек. Этим было положено начало стачечной кассе...[11]

А на импровизированную трибуну поднимались новые ораторы: они говорили о требованиях, выдвинутых рабочими, объясняли, почему надо бороться за эти требования, рассказывали, как и за что борются рабочие во всей России и в других странах.

Не молчали и женщины. Особенно запомнилось многим выступление ткачихи, члена партии Матрены Сарментовой («Марты») с фабрики Бакулина. Она рассказала об унизительном, тяжелом положении, каторжном труде работниц, призвала подруг вместе с мужчинами стойко бороться против эксплуататоров, во всем поддерживать большевиков. Тем, кто слушал ее, казалось, что эта высокая, замученная работой женщина, поднявшись над толпой и распрямившись, стала как бы еще выше ростом.

Во время первых выступлений выяснилось, что табуретка не самый удобный предмет, заменяющий трибуну. Поэтому прикатили от ближайшего магазина бочку из-под сахара. На нее первым поднялся Михаил Лакин, заварщик с фабрики Грязнова, стройный тридцатилетний рабочий с красивым, серьезным лицом. Слова о жизни рабочих он подбирал умело.

В первые минуты его выступления на многих лицах появились радостные улыбки, всюду слышался шепот одобрения. Закончив свою речь, Лакин с трибуны не уходил. Постояв несколько минут со слегка склоненной голо-

вой, он затем поднял ее, повернулся к подъезду городской управы и торжественно, выразительно начал читать стихотворение Некрасова «Размышления у парадного подъезда»[12].

Тогда оно было мало известно в рабочей среде и прочитанное с большим подъемом и проникновенностью произвело исключительное впечатление на бастующих.

На митинге постановили избрать депутатов от рабочих для ведения переговоров с властями и предпринимателями. Для этого решили разбиться по фабрикам, но здесь, на площади, это оказалось практически невозможным. В связи с этим было предложено провести выборы на Талке, где все и собрались вечером.

Но и здесь сначала пришлось провести организационную работу. Вначале каждый из организаторов пытался собрать рабочих своего предприятия выкриками, но от этого пришлось отказаться. Рабочие без конца переходили от одной группы к другой, спрашивали:

— Где наша фабрика?

В этот день были избраны делегаты лишь от нескольких предприятий. Для более четкой организации решили изготовить цветные флажки — опознавательные знаки фабрик и заводов, около которых и собирались потом рабочие каждого предприятия.

Выборы депутатов заняли три дня. Они проходили во время массовых собраний как на берегу Талки, так и в городе.

День третий. 14(27) мая. Суббота.

На городской площади вновь состоялось массовое собрание. На нем было предоставлено слово старшему фабричному инспектору Свирскому, которому фабриканты поручили высказать бастующим их мнение. Свирский объявил, что предприниматели отказываются обсуждать требования рабочих на общем собрании и предлагают рассмотреть их по предприятиям. Рабочие отвергли этот маневр хозяев и потребовали обсудить их в присутствии

всех бастующих. Свирскому было поручено проинформировать фабрикантов о том, что забастовка будет продолжаться до тех пор, пока хозяева не выполнят предъявленные им требования, и что бастующие выделяют для ведения переговоров своих представителей — депутатов от всех предприятий.

Власти между тем делали все, чтобы прекратить стачку. В город были стянуты войска, после чего сюда прибыл и владимирский губернатор Леонтьев[13]. С тревогой смотрел он из окна управы на массовое собрание рабочих, слушал долетавшие до него речи ораторов.

Вечером собрались на свое очередное совещание и фабриканты во главе с городским головой Дербеневым. Они приняли решение не уступать стачечникам[14].

РОЖДЕНИЕ СОВЕТА

День четвертый. 15(28) мая. Воскресенье.

Город проснулся рано. В рабочих кварталах начали собираться большие группы стачечников, обсуждающих новости и события последних дней. Жители рабочего района Ямы с тревогой смотрели на скакавшую рысью к центру города только что прибывшую в Иваново-Вознесенск сотню казаков. Со стороны вокзала промаршировал затем в полной боевой готовности батальон пехоты, через некоторое время прошла еще одна воинская часть.

Распространился слух, что на воротах фабрик хозяева вывесили какие-то объявления. Рабочие толпами двинулись к ближайшим предприятиям. Наиболее грамотным поручалось читать вслух.

У фабрики «Компания» объявление зачитывал двадцатитрехлетний рабочий-большевик Федор Самойлов.

— Рабочим иваново-вознесенских фабрик, прекратившим работу 12 мая 1905 года, владельцев фабрично-заводских предприятий объявление,— выкрикивал он, пробегая глазами крупно напечатанные строки. Потом, сорвав с ворот типографский листок, встал на лежавшую

рядом связку бревен и продолжал: — Господином старшим фабричным инспектором нам сообщено, что предложение наше обсудить просьбы и заявления своих рабочих, сообща с депутатами каждой фабрики отдельно, рабочими отклонено и они взамен этого предлагают нам вести переговоры с депутацией ото всех вообще рабочих, в присутствии многотысячной толпы, как рабочих, так и посторонних зрителей, на площади города...

— Это кого же они посторонними считают? Нашего брата с других фабрик, что ли? — вставил вопрос ткач Федор Колесников.

— Подтверждая свое согласие обсудить просьбы и нужды своих рабочих с их представителями, — продолжал читать Самойлов, — мы вынуждены окончательно заявить, что переговоры с чужими рабочими и вообще с людьми, которые не имеют никакого отношения к нашему делу, мы признаем для себя неудобным, причем сама обстановка для предлагаемых нам переговоров на площади в присутствии тысяч людей не может способствовать тому спокойствию и самообладанию, с которыми должно быть обсуждено столь серьезное и важное дело, как вопрос об улучшении условий быта и труда.

— Ишь, как заговорили — «серьезное и важное дело...». А раньше-то чего думали? — выкрикнул кто-то.

— Так-то, когда припекло... — поддержали его.

— Давай, Федор, не томи. Чего они там хотят...

— Ввиду этого предлагаемую рабочими форму переговоров мы окончательно принять не мо-жем[15], — растягивая последнее слово, закончил чтение Самойлов и, как бы оценивая бумагу, повертел ее в руках. Рабочие ждали, думая, что читающий будет продолжать, но он поднял объявление над головой:

— Все, товарищи... Может, кто чего другого ждал?.. — и спрыгнул с бревен.

На его место сразу же поднялся один из руководителей стачки и городской партийной организации, рабочий

фабрики «Компания» Семен Балашов. Невысокого роста, с усами, делавшими его похожим на запорожца, в видавших виды сапогах, поношенной косоворотке, он окинул взглядом собравшихся, привычно нахмурил брови и начал говорить:

— Тут вот, смотрю, некоторые картузы поснимали. Господские милости приготовились слушать... Их «милости» ясны как белый день: работай, как вол, да благодари, если тебя плетью огреют.— Оглянувшись на стоявшего в стороне Самойлова, продолжал: — Как там, Федор, они пишут: «Принять нашу форму переговоров не могут»? Мутят нам головушки площадью да скоплением народа, а сами хотят опять нас разъединить... Не по душе господам это, не по силам наш рабочий кулак, так по пальчику хотят переломать. Не выйдет! — Голос его окреп.— Мы готовы и в самой управе заседать, только чтобы не по фабрикам, не в одиночку бороться. Господам эдак неудобно, зато и нам врозь никак нельзя.

На площадь, товарищи! Все на площадь. Там все решать будем.

Примерно через час в центре города уже кипел многотысячный митинг. Выступали партийные руководители, рабочие многих предприятий. Было предоставлено слово и старшему фабричному инспектору Свирскому. Он повторил в основном объявление фабрикантов и вынужден был торопливо закончить свое выступление под неодобрительный гул бастующих, призвав в конце «к спокойствию и благоразумию».

Кто-то из партийных активистов подвел итог собрания: всем бастующим идти на Талку, где провести выборы депутатов ото всех предприятий, которые этого еще не сделали, а затем к шести часам вечера всем выбранным представителям собраться в мещанской управе.

Представители властей вынуждены были согласиться на это, подтвердив право депутатов на неприкосновенность. От имени фабрикантов на переговоры с рабочими

уполномочивались трое фабричных инспекторов во главе со старшим фабричным инспектором Свирским.

В назначенное время бывшая Негорелая улица (ныне Советская) была запружена народом. Избранные бастующими депутаты проходили в здание мещанской управы. Власти попытались поставить у входа полицейских, но депутаты выразили протест, поддержанный окружавшими здание бастующими. Полицейским пришлось ретироваться, и полномочия доверенных проверяли несколько специально выделенных для этого депутатов.

Губернатор и городские власти еще надеялись, что представители бастующих обратятся к ним с покорнейшими просьбами об улучшении положения рабочих. Надеялись они и на то, что с полуторастами неподготовленных к «парламентской» работе текстильщиков легче будет справиться, направив совещание в нужное властям и хозяевам русло. Но с первых же минут заседания для них начались неожиданности. Депутаты начали выборы председателя Совета и секретарей. Председателем стал гравер Авенир Ноздрин, известный уже тогда и как поэт, автор вольнолюбивых стихотворений. Секретарем на первом заседании был избран электрик с фабрики «Компания» Иван Добровольский, несколько позднее эти же функции были возложены еще на двоих — большевика Николая Грачева и Ивана Суховского. Заместителем председателя Совета стал Николай Алексеев, казначеем Николай Найденов.

Пробным камнем стало обсуждение «воли» губернатора о беспрепятственном печатании его объявлений в типографии, рабочие которой тоже присоединились к забастовке. Но депутаты заявили, что «это всецело будет зависеть от желания тех рабочих, которые к этому будут призваны». В такой корректной, но твердой формулировке решение по этому вопросу и было записано в протоколе[16].

Старший фабричный инспектор после этого попытал-

ся оказать давление на председателя избранного Совета Авенира Евстигнеевича Ноздрина, напомнив ему об ответственности, которую берет на себя лично он и все депутаты в рассмотрении сложных вопросов. Но это давление не возымело никакого действия. В первом своем выступлении Ноздрин подверг резкой критике положение на фабриках и позицию фабричной инспекции, призванной как бы регулировать отношения между рабочими и предпринимателями, но на самом деле отстаивающей интересы хозяев.

Вместо ожидаемых просьб депутаты приняли решение вручить предпринимателям 26 требований бастующих, выработанных на конференции. Полной неожиданностью для Свирского и его коллег стал момент, когда Ноздрин, покинув место председательствующего, подошел к одному из депутатов и взял у него заранее приготовленные 50 конвертов, в которые были вложены отпечатанные типографским способом листки с требованиями бастующих. Свирскому было поручено вручить их каждому из фабрикантов и заводчиков. Это решение вновь было занесено в протокол.

В это время в помещение вошел невесть откуда взявшийся полицейский и стал шептать что-то на ухо Свирскому, полностью выдав его мнимую «нейтральность». Это вызвало возмущение депутатов, полицейскому было предложено немедленно покинуть заседание, что он и вынужден был сделать.

Свирский еще пытался как-то поправить свои позиции и оказать влияние на депутатов, склоняя их к уступчивости по отношению к фабрикантам и прекращению стачки. В своем выступлении он рассказал о приеме министром финансов депутации рабочих от Московского общества взаимной помощи, доказывая, что царские власти стремятся улучшить положение рабочих. Но депутаты никак не реагировали на призывы инспектора.

В то же время собрание депутатов постановило за-

крепить состав представителей от рабочих предприятий на все время стачки и переговоров с фабрикантами — «остаться в том же количестве, как и на этом заседании».

Следующее заседание было назначено для обсуждения ответов фабрикантов на предъявленные им требования бастующих.

Первое заседание Совета закончилось поздно ночью. Депутаты расходились, продолжая бурно обсуждать его работу.

Кто-то из женщин говорил:

— Вот вас бы, мужики, и надо назначить всеми делами править.

— Да и вы, женщины, не подвели бы,— отвечали ей.

Такие разговоры продолжались на ходу, по дорогам к рабочим окраинам[17]. Депутаты рассказывали обо всем, что происходило в мещанской управе, окружавшим их рабочим, не участвовавшим в заседании.

Орган революционной власти — первый в России Иваново-Вознесенский общегородской Совет рабочих депутатов был создан. Впереди была трудная и длительная борьба.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 121.

[2] См.: Депутаты первого Совета. Биографии, документы, воспоминания. М., 1980, с. 59—102.

[3] Фрунзе М. В. Собр. соч., т. 1. М.— Л., 1929, с. 507—508.

[4] Государственный архив Ивановской области (ГАИО), ф. 108, оп. 1, д. 839, лл. 1—5; Первый в России. Иваново-Вознесенский общегородской Совет рабочих депутатов 1905 г. в документах и воспоминаниях. М., 1975, с. 29—34.

[5] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 181, л. 6.

[6] Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации. 1900—1917 гг. Иваново, 1957, с. 62.

[7] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 181, лл. 6—7; См.: 1905 год в Иваново-Вознесенском районе. Иваново-Вознесенск, 1925, с. 74—75; Самойлов Ф. Н. По следам минувшего. М., 1954, с. 63.

[8] См.: 1905 год в Иваново-Вознесенском районе, с. 219.

[9] Рабочий край, 1925, 26 мая; 1905 год в Иваново-Вознесенском районе, с. 231—232.

[10] См.: Самойлов Ф. Н. Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении 1903—1905 гг. М., 1922, с. 41—42.
[11] См.: Самойлов Ф. Н. По следам минувшего, с. 66—67.
[12] 1905 год в Иваново-Вознесенском районе, с. 88.
[13] См.: Пролетарий, 1905, 17 (4) июня.
[14] Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф. 14, оп. 3, д. 1463, лл. 71—72; см.: Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году. Сборник документов и материалов. Иваново, 1955, с. 113.
[15] Там же, оп. 1, д. 1463, л. 73; см.: Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году, с. 116—117.
[16] Там же, оп. 3, д. 1463, л. 86; Первый в России, с. 27—28.
[17] См.: 1905 год в Иваново-Вознесенском районе, с. 99.

КОРРЕСПОНДЕНТ ЛЕНИНА

В своих воспоминаниях о встрече группы делегатов (в числе которых был и М. В. Фрунзе) с В. И. Лениным на IV (Объединительном) съезде РСДРП, проходившем в Стокгольме весной 1906 года, К. Е. Ворошилов писал: «Мы удивлялись тому, как хорошо информирован В. И. Ленин о положении дел в той или иной партийной организации, представителями которых мы являлись. Он знал ход стачки иваново-вознесенских текстильщиков, начавшейся 12 мая 1905 года и продолжавшейся 72 дня, знал о зверском убийстве черносотенцами в Иваново-Вознесенске замечательных революционеров-большевиков Ф. А. Афанасьева и О. М. Генкиной... о первом в России городском Совете рабочих депутатов...»[1]

Об этом же свидетельствуют корреспонденции, помещенные в большевистской газете «Пролетарий», выходившей в то время за границей под руководством Владимира Ильича, и переписка редакции с местными партийными организациями России, которую в основном вела Н. К. Крупская. В частности, сохранилось письмо, написанное Надеждой Константиновной 23 марта 1905 года. В нем она сообщала о ходе подготовки к III съезду партии, предлагала передать эти сведения в Иваново-Возне-

сенск и Ярославль, просила чаще писать в редакцию о положении дел в районе деятельности Северного комитета РСДРП[2].

Вспыхнувшая в Иваново-Вознесенске майская стачка увеличила поток писем в ленинскую газету о революционной борьбе текстильщиков. Корреспонденция о ее начале была получена с поразительной оперативностью и напечатана в четвертом номере «Пролетария», вышедшем 4(17) июня. «У нас творятся небывалые дела,— говорилось в статье,— в час дня 12 мая стали 4 фабрики: Бакулина, Бурылина, Никанора Дербенева и Маракушева. К вечеру стали решительно все фабрики»[3]. Дальше подробно рассказывалось о событиях в городе в первые два дня стачки, о массовых собраниях рабочих и начале выборов депутатов.

Оперативная и регулярная информация о ходе стачки в Иваново-Вознесенске позволила В. И. Ленину уже через две недели использовать в своей статье «Борьба пролетариата и холопство буржуазии» факт о нападении 3(16) июня казаков и полиции на бастующих рабочих, собравшихся на берегу Талки. «Побоище в Иваново-Вознесенске» он назвал одним из главных политических событий той недели[4].

Несколько позднее, осенью 1905 года, в статье «Кровавые дни в Москве» Ленин дал оценку выступлению текстильщиков: «Иваново-Вознесенская стачка, — писал он,— показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки. Теперь это брожение... стало превращаться в восстание»[5].

Кто же являлся корреспондентом В. И. Ленина, чьи письма помогли вождю следить за борьбой рабочих текстильного края?

Трудность в определении авторов заключалась в том,

что с целью конспирации статьи публиковались без подписей, а переписка с редакцией велась под партийными кличками, условными инициалами, с использованием многочисленных шифров. В 1924 году историк Р. Хабас опубликовал в журнале «Пролетарская революция» в качестве приложения к своей статье «Создание большевистского центра и газеты «Вперед» список из 270 нерасшифрованных псевдонимов, встречающихся в газетах «Вперед» и «Пролетарий» за 1905 год, с обращением к участникам революционного движения помочь раскрыть их[6]. Тем не менее многие из этих псевдонимов остались нерасшифрованными и поныне, в том числе и ряд псевдонимов авторов, писавших об иваново-вознесенской стачке.

В архивах и библиотеках Москвы, Иванова, Ярославля, Владимира, Костромы мною были просмотрены сотни томов документов, подшивки газет периода первой русской революции, многочисленные воспоминания большевиков-подпольщиков. Все это позволило определить, что редакцию «Пролетария» и лично В. И. Ленина о ходе стачки информировало несколько корреспондентов, подлинные имена которых до сих пор оставались неизвестными. Они скрыты псевдонимами «Попович», «Рюрик», «Ю. Ю.», «Рабочий К. А.» и другими. Сначала удалось расшифровать первый из них.

АЛЕША ПОПОВИЧ

«От Поповича» — так было подписано письмо в редакцию «Пролетария» для В. И. Ленина от 11—12 (24—25) июня 1905 года. Ранее оно датировалось июлем — в связи с неясностью начертания названия месяца[7]. В письме рассказывалось о ходе стачки в Иваново-Вознесенске, деятельности Совета рабочих депутатов и роли большевистской организации в революционной борьбе текстильщиков и, в частности, говорилось:

«...В наших краях произошло событие, которое по

своему непосредственному значению стоит выше 9 января — ивановское восстание.

...В Иванове настроение боевое. После бойни там необходимы не литература, не агитация, а пули! А всякое словоизвержение кажется или декламацией, или просто издевательством. К тому же все Иваново уже признало почти депутатское собрание временным правительством и социал-демократическая организация имеет невиданный авторитет.

...Движение в Иванове проведено по типу большинства, социал-демократическая организация не только давала массе лозунги, нет, она была царем в этом деле; каждая деталь, каждое столкновение, давление — все было руководимо организацией. ...Меньшевики в наших краях — убожество: в теории они еще, так сказать, «гуляют», а на практике идут под нашим руководством»[8].

Письмо это предназначалось для информирования вождя о внутрипартийной обстановке в местной организации, содержало оценку стачки, первого в России общегородского Совета рабочих депутатов и революционной ситуации в целом. Написанное на трех листах мелким убористым почерком, сверху письмо имело пометку: «Лично для Вас, не для печати».

«Попович» сообщал В. И. Ленину о создании в Иваново-Вознесенске агитационной коллегии и кружка по подготовке агитаторов из местных рабочих, просил прислать большевиков-профессионалов, программу для пропагандистских занятий и литературу о III съезде партии, рекомендовал опубликовать в «Пролетарии» передовую статью о стачке текстильщиков, выдвигал ряд других предложений, в том числе о вооружении рабочих. Изучение письма позволило установить, что оно было послано без подписи, а пометка в конце его «От Поповича» сделана рукой Н. К. Крупской.

Письмо характеризовало автора как опытного большевика. Слова «мы здесь фактически остаемся пошехонца-

ми», «в наших краях произошло событие» показывали, что он является местным работником. В то же время «Попович» сообщал о решении организовать на Севере конференцию и просил выделить для участия в ней представителя Центрального Комитета. Это говорило о том, что он хорошо осведомлен о работе Северного комитета РСДРП, а вопросы, задаваемые им о делах за границей, свидетельствовали о его близости к руководству партии. По характеру письма и сделанной автором приписке можно было предположить, что автор был знаком с редакцией «Пролетария» и лично с В. И. Лениным.

Начались долгие и вначале безрезультатные поиски человека с «подходящей» биографией. Жизненный путь видных местных большевиков не совпадал с тем, каким он вырисовывался из письма. Стачкой руководили в основном местные партийные работники, а тех, которые раньше имели связь с редакцией «Искры» и Лениным (О. А. Варенцова, С. П. Шестернин, В. А. Носков, Ф. И. Шеколдин), в этот период в Иваново-Вознесенске не было.

Тогда круг поиска был расширен и в поле зрения взяты активные работники Северного комитета РСДРП. В частности, привлекло внимание то, что в дополнении к письму «Попович» сообщал о проведении маевки в Ярославле.

Была сделана попытка найти его другие корреспонденции. К сожалению, письмо с такой подписью оказалось единственным. Но в нескольких номерах «Пролетария» в разделе «Почтовый ящик» (где редакция печатала краткие ответы своим корреспондентам) встретились строки, извещавшие «Поповича» о получении его писем. Характерно, что в следующем же номере «Пролетария» (№ 2), вышедшем после начала стачки в Иваново-Вознесенске, для «Поповича» был напечатан ответ: «Письмо получено, пишите»[9].

Называлось его имя и в переписке с другими автора-

ми. 5(18) июля 1905 года Н. К. Крупская пишет в Костромской комитет РСДРП: «Получили шифрованное письмо от Поповича и еще обстоятельное письмо от него же...»[10] Далее говорилось о посылке адресату трех тысяч рублей и рабочего с литературой, запрашивалось, как идет подготовка конференции, подробно рассказывалось о партийной работе в других крупных городах страны.

16(29) июля из Костромы за подписью «Ю. Ю.» редакции были посланы финансовый отчет Костромской организации за апрель — июнь и ответное письмо. В нем говорилось: «Большое Вам спасибо. Присылайте еще и еще, без конца еще (речь идет, очевидно, о литературе.— *В. Т.*). Никто к нам до сих пор не приезжал. Приезжего отправили туда, где был «Терентий», т. к. там теперь никого нет, а нужда постоянная в людях. Забастовка у нас скоро, возможно, кончится. Поповичу придется отсюда уезжать. Нам будет необходим хороший агитатор. Удивляюсь, что в «Пролетарии» так мало корреспонденции из Иванова. Я, Попович, Терентий посылали их вам массами. Неужто не доходят?»[11]

Это письмо подсказало, что под кличками «Попович» и «Ю. Ю.» действовали разные корреспонденты и что с ними был тесно связан популярный на Талке оратор Б. Морковин («Терентий»). Теперь в круг поиска включалась и Кострома, откуда было послано это письмо.

5 августа в Кострому последовал ответ Н. К. Крупской, написанный шифром «Поповича». Надежда Константиновна сообщала о получении писем и отчета Костромской организации, спрашивала, не арестованы ли некоторые работники, писала, что «хорошо бы иметь непосредственно адрес для писем в Иваново-Вознесенск. Наладить бы также корреспонденции из Шуи, Кохмы, Тейкова, Кинешмы»[12].

Отсюда следовало, что редакция «Пролетария» в этот период не имела непосредственной связи с Иваново-Вознесенском, а пользовалась адресами в другом городе, как

потом выяснилось — в Ярославле. В ответ на это письмо «Ю. Ю.» по поручению «Рюрика» пишет, что «Попович» временно уехал из Костромы, к сроку не вернулся, что с ним — неизвестно.

Вся эта переписка, взятая из архивов редакций газет «Вперед» и «Пролетарий» и жандармских документов (потому-то не все письма и доходили), позволила составить определенную картину о переписке редакций со своими корреспондентами, но поскольку в ней упоминались в основном нераскрытые партийные клички, то установить, кто под ними скрывался, было трудно.

Стремясь запутать жандармов, перехватывающих письма и охотившихся за их авторами, партийный центр пользовался несколькими псевдонимами на одних и тех же лиц. Однако после отъезда из Костромы или ареста ряда ответственных работников, хорошо знающих секреты конспирации, там возникли сложности в ведении переписки. В ответ на один из запросов Н. К. Крупской в Костромскую партийную организацию оттуда в «Пролетарий» пришел ответ: «Дорогие товарищи, ваше письмо получили. Мы не знаем тех, кого вы запрашиваете, и потому ничего ответить вам не можем...»[13]

Вот тогда-то в письме от 25 августа и последовало разъяснение. Надежда Константиновна писала: «Семен — это парикмахер, Ефим — рабочий из Воронежа, а Цыганов — последний, приехавший от нас». А рядом была строка, ставшая ключом в нашем поиске: «От вас так долго не было писем, что начали уже беспокоиться. Писали одновременно Поповичу...» Дальше два слова — «парижскому Иванову» — были зачеркнуты, а сверху подписано «Лаврентию»[14].

Получилась цепочка из нескольких звеньев: «Попович» — «парижский Иванов» — «Лаврентий». Из текста следовало, что все эти имена принадлежали одному лицу, и Надежда Константиновна как бы поясняла адресату, о ком идет речь.

Припомнились строки из других корреспонденций. В частности, о том, что в письме В. И. Ленину об иваново-вознесенской стачке «Попович» интересовался работой за границей. Вот эта фраза: «Как дела за границей: в Париже, например». Да, «Попович» интересовался именно Парижем!

После этого найти революционера, который вел работу в Костроме под кличкой «Лаврентий», а в Париже под фамилией «Иванов», уже не представляло большого труда. Это был Алексей Капитонович Гастев. Стала понятна и сама партийная кличка: к настоящему имени Алеша очень шло прозвание былинного богатыря.

Не удивительно, что этим именем подписаны немногие корреспонденции: Гастев имел еще несколько псевдонимов, и не только партийные — «Лаврентий», «Вершинин», «Степанов», но и литературные — А. Зорин, И. Дозоров, А. Набегов, И. Дальний и другие. Кличка же «Попович», как оказалось, в свое время не утвердилась в научном обороте историков и не вошла в справочные издания.

После установления ее принадлежности автором этого очерка были просмотрены документы и печатные материалы, имеющие отношение к Гастеву. Только в одном из них удалось найти краткое пояснение о том, что Алексей Капитонович имел такой партийный псевдоним.

Это было сделано в сборнике «Партия в революции 1905 года», вышедшем в Партиздате в 1934 году и ставшем библиографической редкостью. Причем само письмо Гастева там не публиковалось, а лишь при упоминании клички «Попович» была приведена в квадратных скобках фамилия Гастева, что указывало на введение этого пояснения составителями. Если учесть, что сборник готовился при жизни Н. К. Крупской и А. К. Гастева, то можно предположить, что расшифровка партийной клички была сделана с их помощью. Однако составители не оговорились, на основании каких данных раскрыт псевдоним,

и, возможно, поэтому в дальнейшем в печатных работах эта расшифровка не закрепилась. Она оказалась неиспользованной и в издании «Революционное движение в России весной и летом 1905 года», вышедшем в свет в 1957 году, где впервые в извлечениях публиковалось письмо «Поповича» В. И. Ленину.

Проведенное исследование и сличение почерков явилось новым обоснованным подтверждением того, что автором его был активный участник первой русской революции А. К. Гастев. Так через четыре десятилетия его партийный псевдоним снова был уточнен. Поиск помог также установить, что Алексей Капитонович являлся автором еще нескольких писем Ильичу, сохранившихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма за другими подписями и введенных в последние годы в научный оборот[14а]. Изучение этих писем и биографических материалов помогло более точно восстановить подробности жизненного пути А. К. Гастева, его вклад в революционное движение пролетариата Верхнего Поволжья, и в частности в создание и деятельность Советов рабочих депутатов 1905 года.

РЕВОЛЮЦИОНЕР

Алексей Капитонович Гастев родился 8 октября (28 сентября) 1882 года в семье учителя в городе Суздале Владимирской губернии. Едва ему исполнилось два года, умер отец. Воспитание продолжала мать, работавшая портнихой. Окончив городское училище и технические курсы, Гастев поступил в Московский учительский институт. Здесь приобщился к революционному движению и в 1901 году вступил в РСДРП. В 1902 году его как организатора студенческой демонстрации в память о Добролюбове исключили из института. Вскоре последовал первый арест за революционную работу на Наро-Фоминской фабрике, а затем высылка до суда под особый надзор полиции на родину.

И в родных местах он продолжает революционную работу[15].

Один из участников рабочего движения А. И. Скобенников пишет в своих воспоминаниях: «Даже провинциальный, глухой, город монастырей и церквей — Суздаль не остался в стороне от этого движения. Еще в 1902—1903 годах высланный в Суздаль Алексей Гастев забрасывал уже в молодежь идеи революции»[16].

В июле 1903 года последовал приговор суда. Об этом сообщила в 43-м номере ленинская «Искра»: «...студенту... Гастеву по обвинению в пропаганде среди рабочих фабрики Якунчикова — три года Вологодской губернии»[17].

Через год А. К. Гастев совершил побег и перебрался за границу — во Францию. По документам Иванова он жил в Париже, работал слесарем на одном из заводов и одновременно учился в Высшей школе социальных наук. Затем он переехал в Женеву. Документы подтверждают, что именно тогда произошло близкое знакомство Гастева с работой большевистского центра, а возможно, и лично с В. И. Лениным. Этим и объясняется его исключительная информированность о положении дел в партии, зримо проявившаяся в его письме Владимиру Ильичу.

По заданию ЦК РСДРП(б) весной 1905 года Гастев возвратился в Россию, работал в Петербургской большевистской организации, а летом поселился в Ярославле. Когда началась всеобщая стачка текстильщиков, Северный комитет направил его в Иваново-Вознесенск, где он вместе с другими большевиками вел большую организаторскую и пропагандистскую работу среди текстильщиков, выполняя одновременно роль корреспондента ленинской газеты «Пролетарий». К этому времени и относится письмо, в котором он сообщал В. И. Ленину о событиях в городе текстильщиков.

Стачка в Иваново-Вознесенске еще продолжалась, когда Гастев переехал по заданию партии в Кострому,

где тоже началась забастовка. Участник событий тех лет, избранный в ходе стачки секретарем Костромского Совета рабочих депутатов, П. Н. Караваев писал в своих воспоминаниях:

«Формы и методы руководства начавшейся забастовки уже были установлены на опыте шедшей несколько недель рядом с нами огромной иваново-вознесенской стачки. Чтобы подкрепить силы Костромской группы, из Иваново-Вознесенска были командированы на проведение забастовки завоевавшие там широкие симпатии двое работников «Лаврентий» (Гастев.— *В. Т.*) и «Терентий», он же «Федор».... (Б. В. Морковин.— *В. Т.*). Они и взяли на себя в дальнейшем руководящую роль в проведении костромской стачки, вплоть до ее конца»[18].

В то время как полиция усиленно разыскивала Гастева, он играл видную роль в Костромском комитете РСДРП, был избран в состав исполнительного комитета местного Совета рабочих депутатов, а несколько позднее (после С. В. Малышева) становится его председателем.

Весной 1906 года Костромская партийная организация посылает Гастева делегатом с правом решающего голоса на IV съезд партии, проходивший под руководством В. И. Ленина в Стокгольме. В своем выступлении на съезде Гастев отстаивал ленинские позиции по аграрному вопросу, голосовал за резолюции большевиков.

В июне во время работы Московской областной партийной конференции он был арестован и вместе с другими делегатами заключен в Бутырскую тюрьму. Суд приговорил его к трем годам ссылки в Архангельскую губернию. Но он пробыл там несколько месяцев, после чего бежал за границу. Некоторое время жил в Париже, затем в Женеве, где продолжал вести партийную работу.

В 1907 году он снова вернулся в Россию. Поселился в Петербурге. Жил нелегально под фамилией Васильева и Назарова. В это время в условиях реакции в стране развернулась работа по организации профессиональных

союзов, и Гастев целиком посвятил себя профсоюзному движению. Его избрали членом правления союза металлистов. В течение трех последующих лет он вел нелегальную работу на заводах и фабриках, часто выступал со статьями в журнале «Металлист» и других изданиях.

Угроза попасть в заключение заставила его в 1910 году снова эмигрировать в Париж, где он работал слесарем и продолжал участвовать в профессиональном движении, избирался секретарем Объединенного рабочего клуба, занимался изучением организации производства, вел литературную работу.

В январе 1913 года Гастев решил вернуться в Россию, но при переходе границы был задержан. И на этот раз его спасли подложные документы. После неудачных попыток устроиться на работу в Петербурге он поселился в Териоках (Финляндия), поступил на завод «Новый Айваз», активно сотрудничал в большевистских изданиях, особенно в «Правде»[19].

Из Финляндии Гастев перебрался в Петербург, устроился на завод «Сименс-Гальске», но вскоре по доносу провокатора был арестован и отправлен в очередную ссылку в Нарым. На этот раз побег долго не удавался. Он совершил его только через полтора года. Поселился в Новониколаевске (Новосибирск), участвовал в редактировании социал-демократической газеты «Голос Сибири»[20].

После победы Февральской революции А. К. Гастев возвратился в Петроград; его избрали членом исполнительной комиссии профсоюза металлистов, а затем секретарем Всероссийского союза металлистов.

Летом 1918 года Алексея Капитоновича в связи с чехословацким мятежом назначили членом чрезвычайного комиссариата Сормовского завода. Успешно выполнив задание, он переехал на Украину, где около двух лет работал заведующим отделом искусств и членом коллегии Наркомпроса Украины.

ПОЭТ

В первые годы Советской власти раскрылась другая грань таланта А. К. Гастева — его поэтическое дарование. В 1918 году в Петрограде, а в 1919 году в Харькове вышли из печати его поэтические сборники под названием «Поэзия рабочего удара». В них вошли литературные произведения, написанные в основном в дореволюционные годы. Сам автор об этом писал так: «Я не из тех, которые занимались художественной литературой потому, что предначертали себе определенные художественные пути жизни, а наоборот — эти пути жизни нельзя было реализовать и пришлось поэтому заняться художественной литературой... Тюремная обстановка, при которой можно быть спокойным, что «уже не арестуют», особенно располагала к тому, чтобы заняться такой невинной работой, хотя бы писать приходилось на чайных обертках и вообще случайных бумажных листах»[21].

Естественно, что в творчестве Гастева нашла отражение жизнь профессионала-подпольщика. Об этом говорят его рассказы-новеллы «Утренняя смена», «Штрейкбрехер», «Иван Вавилов», стихотворение «Думы работницы» и другие. Но главную ценность его литературного творчества составила поэтическая публицистика, воспевающая пафос индустриального труда, преобразующего мир. Произведения этого направления были написаны им как в дореволюционные годы, так и после победы революции.

Сборник «Поэзия рабочего удара» в 20-х годах был издан шесть раз, пользовался популярностью в стране, его перевели на польский и немецкий языки, печатали на языке эсперанто. Творчество Гастева получило высокую оценку А. М. Горького, В. В. Маяковского, В. Я. Брюсова, А. В. Луначарского.

В предисловии к последнему изданию сборника Гастева, вышедшему в 1971 году, поэт Семен Кирсанов писал:

«Чтобы понять его, надо вернуться к тому времени,

к годам еще не преодоленной разрухи и бедности страны... Надо понять эту еще не утоленную жажду железа, без которого не будет ни хлеба, ни поэзии, ни социализма! И вот в это-то безжелезье раздается фантастическое для того времени утверждение:

— Мы растем из железа!

Это был голос Гастева. Это он, когда и кирпич был еще редкостью, когда ломовые телеги изредка протаскивали по улицам напиленные ржавыми пилами бревна, встал над всем этим с такими словами:

В жилы льется новая, железная кровь.
Я вырос еще:
У меня самого вырастают стальные плечи и безмерно
сильные руки.
Я слился с железом стройки.
Поднялся.
Выпираю плечами верхние балки, крышу.
Ноги мои еще на земле, но голова выше здания...

Гастев и был поэтом опережения времени, с ногами на реальной земле, но с головой, уже возвышающейся над еще не выстроенным зданием... Не вера, а знание того, на что способен человек, освободивший свои руки для невиданного еще труда,— вот что вело перо Гастева»[22].

В его поэзии мир как бы преломлен в гигантском увеличительном стекле, где предметы укрупнены, дали приближены. Это не просто черта стиля, а форма видения. В стихотворении «Рельсы» он рисует не обыкновенные железнодорожные рельсы. Нет, они опоясали весь земной шар, ими человек приручил планету, в них воплощена «стальная прокованная воля», а завтра они будут подняты и нацелены в бездонные пространства, к «соседним, пока не разгаданным, чуждым планетам». И это «пока» у Гастева полно уверенности, что скоро гордо взовьется над миром «первое чудо вселенной, бесстрашный работник — творец человек». За этими строками зримо встают незабываемые события: запуск первого искусственного

спутника Земли, а вслед за тем полет в космическую высь первого «бесстрашного работника» космоса Юрия Гагарина.

В одно только трудно поверить: в то, что стихотворение Гастева на полстолетия опережало события.

Совершенно реальным стало и будущее Сибири, каким его показал Гастев в «Экспрессе», написанном в 1916 году: «Быстро минуем города без будущего. Они хотели стать острогами, но сами умерли как необитаемые тюрьмы...

Красноярск!

Это мозг Сибири!

Только что закончен постройкой центральный сибирский музей, ставший целым ученым городом. Университет стоит рядом с музеем... Это здесь создалась новая геологическая теория, устанавливающая точный возраст образования земного шара... это здесь нашли способ рассматривать движение лавы в центре земли; это здесь создали знаменитую лабораторию опытов с радием и открыли интернациональную клинику на 20 000 человек...

А вот прямо перед экспрессом точно растет и летит прямо в небо блестяще белый шпиль. Это Дом международных научных конгрессов... Если нужно выразить научно смелую идею, то всегда и всюду — в Европе и Америке — говорят: «Это что-то... красноярское»[23].

Трудом советских людей некогда глухой сибирский край стал таким, каким его представлял Гастев. Легко простить автору непринципиальную неточность, выразившуюся в том, что научным центром Сибири стал не Красноярск, а Новосибирск.

Значительное число своих произведений Гастев создал в застенках царизма, в скитаниях, при постоянной угрозе быть арестованным. Какой же нужно было обладать целеустремленностью и верой в торжество социалистических идей, чтобы задолго до победы народной власти сказать о своей Родине: «Страна огромных рек, безумных

буранов, бесконечных степей, страна, наполненная странниками, искателями и самородками, дает своеобразный патриотизм и призовет к жизни смелых выходцев для смелых дерзаний и дел. Мы уже чувствуем пришествие этих людей, первые колонны их уже выстраиваются»[24].

Профессиональный революционер-подпольщик Алексей Капитонович Гастев был в числе тех, кто встал в эти первые колонны.

УЧЕНЫЙ

С победой Великой Октябрьской революции А. К. Гастев становится активным участником социалистических преобразований в экономической жизни Советской республики. Тому, что он воспевал в своей поэзии, он отдавал и свой труд, направленный на формирование у трудящихся, ставших хозяевами страны, нового отношения к делу, овладение ими прогрессивными методами, на воспитание создателей новых, более совершенных средств производства.

«Рабочий становится творцом,— писал он,— полным распорядителем этих средств производства, которые не хранит в сберегательной кассе социализма, а для того же социализма все время совершенствует и развивает их...»[25]

В 1919 году, будучи на Украине, он организует «школу социально-инженерных наук». В 1920 году при ВЦСПС был создан Центральный институт труда (ЦИТ), который возглавил Гастев. Делу научной перестройки и рационализации производства он отдавал все силы. В ЦИТе ярко проявились его организаторские способности, научная эрудиция, огромный практический опыт и даже поэтический дар. Институт труда А. К. Гастев называл своим последним художественным произведением.

Разработки ЦИТа, сочинения Гастева, в которых всесторонне анализировались и изучались трудовые процессы, сразу же привлекли к себе всеобщее внимание. Памятка ЦИТа «Как надо работать», написанная Гастевым,

содержала в себе свод основных рациональных приемов труда и наиболее эффективного использования рабочего времени. Эту памятку можно было увидеть на каждом предприятии и в учреждении. Она была полезным советчиком в организации труда рабочему, инженеру, ученому.

В. И. Ленин одобрил программу деятельности ЦИТа. И, когда остро встал вопрос о финансировании института, Гастев был принят Владимиром Ильичем.

Алексей Капитонович позднее вспоминал об этой встрече: «Это было 3 июня 1921 года. Я был вызван к часу дня. Еще проходя через приемную Совнаркома, увидел, что на стене вывешено «Как надо работать» (Цитовская памятка).

В кабинете ровно в час Владимир Ильич ждал... Владимир Ильич быстро пошел в соседний кабинет и принес книги... Он сказал: «Вот все некогда, а обязательно, обязательно»... и начал с воодушевлением рассказывать о том, как многое необходимо было бы сделать в области труда... Владимир Ильич припомнил наши встречи, которые предшествовали настоящему разговору, и указал, что вопросы организации труда это есть самое главное, которое нужно теперь проводить...»[26]

Ленин поддержал просьбу ЦИТа о выделении средств на приобретение оборудования за границей. Зная об ограниченных возможностях в изыскании золотой валюты и о трудностях в области внешних закупок, он написал записку заместителю наркома финансов А. О. Альскому:

«Тов. Альский!

Хочется мне помочь товарищу *Гастеву*, заведующему Институтом труда.

Ему надо на 0,5 миллионов золотом прикупить. Этого, конечно, теперь мы не можем. Нельзя ли в Германии хоть кое-что купить на романовские?

Подумайте, узнайте точнее и постарайтесь исхлопо-

тать ему известную сумму. Такое учреждение мы все ж таки, и при трудном положении, поддержать должны.

С ком. приветом *Ленин*»[27].

Прощаясь, Владимир Ильич сказал Гастеву, чтобы в случае затруднений он снова обращался к нему.

Полностью удовлетворить просьбу ЦИТа тогда не было возможности. Наркомвнешторг изыскал лишь восемь тысяч рублей. «Но с тех пор,— писал Гастев,— я всегда чувствовал, что дело, за которое я взялся, находится в поле зрения этого беспримерного человека, и это настроение давало силы».

ЦИТ занимался не только научной организацией труда, но и работал на нужды обороны. Понимая, что в условиях капиталистического окружения молодой Советской республике постоянно грозила опасность, А. К. Гастев отмечал в одном из своих выступлений: «Страна должна быть ежечасно готова к мобилизации сил, к напряжению всей хозяйственной мощи. Военное столкновение с противником и экономическое состязание может закончиться в нашу пользу лишь в том случае, если к тому моменту, когда это столкновение разразится, мы будем обладать достаточно организованным народным хозяйством и достаточно высокой производительностью труда. Стало быть, вся задача дня состоит в том, чтобы суметь организовать народные производительные силы в тот короткий промежуток времени, который оставит нам история. Вся суть дела сводится именно к вопросу времени»[28].

Центральный институт труда внес весомый вклад в экономику республики. Начав в 1920—1921 годах с разработки метода рубки зубилом, уже через несколько лет ЦИТ стал обслуживать Совет Труда и Обороны, ВСНХ, наркоматы по военно-морским делам, путей сообщения, тяжелой и легкой промышленности. В 1938—1940 годах ЦИТ успешно внедрил научную организацию труда на

первоклассных предприятиях авиационной промышленности.

ЦИТ разработал методы подготовки высококвалифицированных рабочих в сроки, в 7—8 раз меньше, чем предусмотренные планами для ФЗУ, при этом стоимость подготовки одного рабочего высшего разряда была ниже в 24 раза. На учебных базах ЦИТа в 1921—1938 годах было подготовлено для страны свыше полумиллиона квалифицированных рабочих двухсот специальностей, двадцать тысяч инструкторов производства, контролеров, консультантов по научной организации труда.

Советское правительство высоко оценило деятельность А. К. Гастева. В 1926 году «За исключительную энергию и преданность делу» он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В этот период (в 1931 г.) Гастев, имея стаж подпольной работы в РСДРП с 1901 по 1908 год, вступил в ряды Коммунистической партии. За большие заслуги он был принят в члены ВКП(б) непосредственно Центральным Комитетом, без прохождения кандидатского стажа.

В 1928 году в Советскую Россию из-за границы вернулся А. М. Горький, хорошо знавший Гастева как поэта. Наслышанный о его новой работе и о «чудесах ЦИТа», Алексей Максимович сразу же посетил институт. Целый день он знакомился с работой поразившей его лаборатории. Прощаясь с Гастевым, он обнял его и сказал: «Теперь я понимаю, почему вы бросили художественную литературу. Это стоит одно другого»[29].

Руководя институтом, А. К. Гастев с 1932 года являлся председателем Комитета стандартизации при Совете Труда и Обороны, в 1935 году возглавлял советскую делегацию на Стокгольмском международном конгрессе по стандартизации. В эти же годы он редактировал журналы «Организация труда», «Установка рабочей силы», «Вестник стандартизации».

Жизнь А. К. Гастева оборвалась в 1941 году. Но людям он оставил бесценное наследие: как революционер — самоотверженный вклад в революционную борьбу, как поэт — вдохновенное творчество, воспевающее безграничные возможности человека-творца; как ученый — разработку основ научной организации труда, без которой сегодня невозможно представить могучую поступь нашей социалистической экономики.

---

[1] Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. М., 1968, с. 258—259.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, д. 314.
[3] Пролетарий, 1905, 17 (4) июня.
[4] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 310.
[5] Там же, т. 11, с. 314.
[6] См.: Пролетарская революция, 1924, № 11(34), с. 273—274.
[7] См.: Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель—сентябрь, ч. 1. М., 1957, с. 467—468.
[8] ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, д. 72, лл. 1—2.
[9] Пролетарий, 1905, 3 июня (21 мая).
[10] Партия в революции 1905 года. М., 1934, с. 304—305; Заре навстречу (Костромской Совет в 1905 году). Ярославль, 1977, с. 61—62.
[11] ЦГАОР СССР, ф. ДП 00, 1905 г., д. 5, ч. 51, лит. А, лл. 68—69.
[12] ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, д. 208.
[13] Там же, д. 257, л. 1.
[14] Там же, д. 462.
[14а] См.: Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905—1907 гг., т. 2, кн. 2. М., Мысль, 1982, с. 293.
[15] См.: Деятели революционного движения в России. (Биобиблиографический словарь), т. 5. Вып. 2. М., 1933, с. 19.
[16] Владимирская окружная организация РСДРП. 1892—1914. (Материалы к истории социал-демократической большевистской работы во Владимирской губернии). Вып. 3. Владимир, 1927, с. 341.
[17] Искра, 1903, № 43.
[18] 1905 год в Костроме. (Сборник статей). Кострома, 1926, с. 49.
[19] Северная правда, 1913, № 13 — письмо о забастовке на «Новом Айвазе»; № 15 — стихотворение «Мысль» (под псевдонимом «И. Дозоров»).
[20] Николаев В. Сибирская периодическая печать.— Каторга и ссылка, т. 43, с. 118.

[21] Гастев А. Поэзия рабочего удара. М., 1971, с. 15; Лит. газ., 1962, 9 окт.
[22] Кирсанов Семен. Слово о Гастеве.—В кн.: Гастев А. Поэзия рабочего удара, с. 3—4.
[23] Гастев А. Поэзия рабочего удара, с. 161—162.
[24] Лит. газ., 1962, 9 окт.
[25] Организация труда, 1925, № 4—5.
[26] Научная организация труда двадцатых годов. (Сборник документов и материалов). Казань, 1965, с. 145; Организация труда, 1924, № 1, с. 11.
[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 244—245.
[28] Научная организация труда двадцатых годов, с. 24; Организация труда, 1924, № 2—3.
[29] Организация труда, 1936, № 7.

ЛЕТОПИСЕЦ БОРЬБЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТКАЧЕЙ

Многообразными были задачи Иваново-Вознесенской организации РСДРП по руководству всеобщей политической стачкой текстильщиков 1905 года. Большевики стремились вести борьбу с фабрикантами и самодержавием в обстановке широкой гласности, чтобы обеспечить ей поддержку рабочих из близлежащих промышленных центров и других городов России, побудить их на стачки солидарности. Для этого использовалась прежде всего печать. Корреспонденции о событиях в Иваново-Вознесенске направлялись не только в газету «Пролетарий», выходившую в Женеве под руководством В. И. Ленина, но и в нелегальную газету Московского комитета РСДРП «Голос труда», в ярославский «Северный край», ставший в революционные дни 1905 года боевым органом Северного комитета РСДРП, и даже в некоторые либерально-буржуазные печатные органы.

Эти статьи и корреспонденции, по понятным причинам, печатались или без подписи, или под псевдонимами. Раскрыть псевдонимы очень важно, поскольку большевистские корреспонденты являлись, как правило, активными участниками революционного движения. Определение авторства позволяет лучше понять деятельность

большевистской организации в тот период, меру участия авторов в нелегальной работе и классовой борьбе пролетариата. Об одном из таких активных участников и летописцев иваново-вознесенской стачки 1905 года и рассказывается в публикуемом очерке.

ФАБРИЧНЫЙ ФЕЛЬДШЕР

Нельзя сказать, что о нем не упоминалось в исторической краеведческой литературе, в воспоминаниях современников. И все же имя Андрея Павловича Дьяченко мало о чем говорило, поскольку упоминания о нем были разрозненны, отрывочны и не позволяли составить сколько-нибудь достаточного представления об этом человеке и его роли в стачке. По мере накопления фактов возник вопрос: что за таинственный фельдшер постоянно оказывался на месте грозных событий, там, где требовалась медицинская помощь стачечникам?

При освещении периода до 1905 года о нем косвенно упоминает М. А. Багаев в книге «За десять лет. (Социал-демократическая организация в Иваново-Вознесенском районе в 1892—1902 гг.)», опубликованной в 1930 году. Это упоминание связано с приездом в текстильный край для нелегальной работы агента ленинской «Искры» Н. Н. Панина. М. А. Багаев писал: «Тотчас же по приезде в Иваново-Вознесенск Панин познакомился с И. К. Котоминым, участником первого шуйского кружка 1891—1892 годов, но отошедшим от партийной работы. Котомин имел свою кустарную мастерскую, в которой работал с двумя сыновьями, Александром и Иваном. Панин для виду устроился в этой мастерской в качестве токаря и привлек их (сыновей Котомина.— *В. Т.*) к помощи организации. Котомин же познакомил Панина с женой фельдшера фабрики Витовой (ныне в составе фабрики «Красная Талка») М. Е. Дьяченко, через которую установилась конспиративная переписка с центром «Северного рабочего союза»[1]. Далее Багаев рассказал об

аресте Марии Егоровны Дьяченко в 1900 году и ее высылке в марте 1903 года из Иваново-Вознесенска для жительства под гласным надзором «вне столиц и губерний столичных»[2].

Из других источников стало известно, что ссылку она отбывала в Костроме, где входила в местный комитет РСДРП. За участие в революционной работе в 1906 году была сослана на полтора года в Архангельск, но через год перешла на нелегальное положение и под именем Елизаветы Леонтьевны Андроновой приехала к знакомым в Москву. Приступ болезни привел ее на операционный стол. Врачам не удалось спасти ее жизнь[3].

М. А. Багаев назвал Марию Дьяченко не случайно. В то время она вела активную партийную работу, тогда как ее муж А. П. Дьяченко еще не являлся членом партии, хотя и участвовал в нелегальной деятельности.

Следующее упоминание об Андрее Павловиче встретилось в одном из бюллетеней, выпускавшихся в ходе стачки Иваново-Вознесенской группой Северного комитета РСДРП. Бюллетень, о котором идет речь, был выпущен в связи с кровавой расправой полиции и казаков над бастующими рабочими на берегу Талки 3(16) июня 1905 года. В нем были помещены требование общего собрания рабочих предать суду виновников этого злодеяния и описание зверств царских опричников.

В бюллетене, в частности, говорилось: «Появились астраханские казаки во главе с полицмейстером Кожеловским, и прежде чем мы успели опомниться, не то что разойтись, по крику Кожеловского казаки бросились на сидящую толпу с гиком и свистом. Нельзя описать той ужасной, невероятной картины, которая произошла. Лес оглашался стонами, рыданиями, криками злобы и проклятья, улюлюканьями пьяных казаков... Голос неистовавшего полицмейстера выделялся: «Бей их, сукиных детей, руби, режь! Дунаева мне, Дунаева!» и т. д. Он злорадно хлопал в ладоши, сатанински хохотал. Зверски,

бесчеловечно избивались мы тяжелыми, со свинцом на конце, нагайками... Казаки выезжали из леса и снимали как куропаток людей с (железнодорожной) насыпи. ...Толпа подхватила двух раненых с насыпи и понесла к витовскому фельдшеру: когда последний вез их после перевязки в больницу для чернорабочих, толпа на улицах навзрыд рыдала. Судорожно сжимались кулаки, со всех сторон неслись проклятья убийцам...»[4]

А. П. Дьяченко упоминается также в связи с выходом царского манифеста осенью 1905 года и последовавшими затем в Иваново-Вознесенске черносотенными погромами. И вновь фабричный фельдшер оказался каким-то образом возле раненых, доставленных в городскую больницу.

Один из руководителей городской парторганизации, депутат первого Совета Ф. Н. Самойлов вспоминал:

«Царский манифест 17 октября 1905 года застал меня в больнице для чернорабочих. Утром 18 или 19 октября дежурный фельдшер Дьяченко пришел ко мне в палату с сияющим лицом, держа в руках газету.

— Ну, поздравляю вас с конституцией! — сказал он, обращаясь ко мне. — Наконец дожили, мечты претворяются в действительность!

Я поднял на него недоумевающие глаза. В ответ он подает мне «Русское слово» и говорит:

— Читайте!

Я беру газету и быстро читаю манифест, в котором царь оповещает своих подданных о «неслыханной смуте» в стране и о «даровании населению гражданских свобод», о созыве «доверием народа облеченных народных представителей» и прочее. Помолчав несколько секунд, спрашиваю Дьяченко:

— А что это по-вашему значит?

— Как что значит? — говорит он. — Разве вы не понимаете, что у нас нет уже самодержавия? Царь сам отказался от него и дает конституцию.

— Ну,— говорю я,— это еще бабушка надвое сказала, даст или нет царь конституцию. Во всяком случае «дать» ее он может, только уступая силе, а этой силой является революция»[5].

Получив такое известие, Ф. Н. Самойлов, несмотря на совет врача полечиться еще, поспешил выписаться из больницы.

«Перед выходом из больницы,— вспоминал он далее,— я зашел в хирургическое отделение, где лежал рабочий В. Г. Картаев, тяжело раненный в ногу во время расстрела на Талке 3 июня. У него была раздроблена кость коленного сустава. Когда я вошел, он лежал на койке кверху лицом, вытянув ноги. Простреленная нога была забинтована и лежала на особой деревянной подставке. Он был бледен, как бумага. Лицо осунулось, глаза горели лихорадочным огнем. За время пребывания в больнице он перенес несколько тяжелых операций, обессиливших его до крайней степени. В беседе с Картаевым я высказал свое мнение о манифесте. Он согласился со мной, и беседа эта несколько оживила его. На бледном, измученном лице показалась слабая улыбка»[6].

Из сказанного видно, что Дьяченко проявлял особую заботу о раненых рабочих и находился среди них практически пять месяцев. Можно предположить, что это «шефство» осуществлялось по заданию партийной организации. Что же касается отношения к манифесту, то, безусловно, опытный большевик Ф. Н. Самойлов, впоследствии выдвинутый рабочими депутатом в Государственную думу, мог скорее оценить его суть. Не все тогда сразу разобрались в маневре самодержавия. Так могло быть и с Дьяченко.

Но уже через несколько дней события недвусмысленно дали понять, что царизм намерен расправиться с революционными борцами, избрав орудием для этого черную сотню.

22 октября от рук черносотенцев погиб руководитель

Иваново-Вознесенской партийной организации Федор Афанасьевич Афанасьев. Находившийся вместе с ним профессиональный революционер «Павел Павлович» (И. Д. Мордкович) был тяжело ранен. Ф. Н. Самойлов так вспоминал об этом: «У «Павла Павловича» оказалась сильно разбита голова: из виска текла кровь и он был весь окровавлен. А «Отца» мы подняли уже мертвым... «Павлу Павловичу» была оказана медицинская помощь, кажется, фельдшером ближайшей фабрики Витовой...»[7]

Какие-либо сомнения в достоверности того, что эту помощь оказал именно А. П. Дьяченко, отпадают, если мы обратимся к воспоминаниям другого активного участника стачки, большевика, депутата Совета Ивана Петровича Косарева: «Громилы входят в круг казаков и зверски избивают «Павла Павловича» и Ф. А. Афанасьева... Когда казаки отъехали на несколько сажен, «Павел Павлович» поднял голову и встал. Бежит, шатаясь из стороны в сторону, по направлению к нам. Мы его встретили. Он очутился среди нас. «Павел Павлович» был отправлен к тов. Дьяченко, фельдшеру Витовской фабрики, на квартиру, и там ему была оказана первая медицинская помощь»[8].

Из сказанного становится очевидным, что большевики имели с Дьяченко настолько прочную связь, что даже смогли поместить у него дома своего раненого товарища.

Все это побудило меня заняться поиском архивных документов о жизни и деятельности фельдшера. Удалось найти письмо Дьяченко в истпартотдел Иваново-Вознесенского губкома ВКП(б) от 8 сентября 1931 года[9]. Как явствовало из письма, к этому времени Андрей Павлович жил в Москве, был персональным пенсионером. О себе он сообщал, что в партию вступил в Иваново-Вознесенске в 1905 году, участвовал в революционном движении, входил в боевую дружину, хорошо знал по совместной подпольной работе О. А. Варенцову, Е. А. Володину, Н. Н. Панина, Ф. А. Афанасьева, М. В. Фрунзе, А. С. Буб-

нова, С. И. и Е. С. Балашовых, А. С. Самохвалова и других. Имел подпольную кличку «Никандр». А. П. Дьяченко рассказывает в основном о своей деятельности в Иваново-Вознесенске. Вот несколько выдержек из письма:

«По делу Н. Н. Панина в 1901 г. был обыск в квартире и в городской больнице, но безрезультатный...

Участвовал в 72-дневной забастовке, занимался ее описанием в «Северном крае»...

По поручению большевистского комитета во время налета 3 июня (1905 г.) казаков на бастующих и Совет рабочих депутатов отвозил двух товарищей, раненых пикетчиков, в чернорабочую больницу. Драгуны их чуть было не отбили, а над моей головой сверкали шашки...

Во время выступления в дни обманного манифеста стоял в первом ряду при освобождении товарищей из иваново-вознесенской тюрьмы перед взводом готовых стрелять солдат...

В квартире моей на Ямах... были склад оружия, нелегальной литературы и партийная касса.

В ноябре 1905 года был уволен с фабрики через полицмейстера Кожеловского. В списке погромщиков, явившихся на фабрику Витовой, был указан к расправе первым. Спасла ошибка в их записи — вместо «Дьяченко» выкрикнули «Данченко»...

Тогда же (октябрь) по поручению Иваново-Вознесенского комитета тайно вывез из чернорабочей больницы видного оратора «Павла Павловича» и с его женой Женей (Е. П. Горской) отвез по явке в Ярославль к товарищу «Инженеру». «Павел Павлович» имел тринадцать ран...

Вместе с товарищем «Странником» и «Странницей» (С. И. и Е. С. Балашовы) ночью хоронили «Отца» (Ф. А. Афанасьева)...

В боевом отряде (дружине), членом которого я был... с тов. «Уральцем» всадили несколько пуль в ноги шпиона и провокатора — конторщика бывшей фабрики Вито-

вой... Несколько раз устраивали боевую слежку за жандармским ротмистром Левенцом»[10].

Эти сведения дали возможность разыскать документы об А. П. Дьяченко в других архивах страны, в частности в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма и Центральном государственном архиве РСФСР. Они позволили полнее проследить жизненный путь А. П. Дьяченко (1875—1935).

Родился он в городе Чугуеве Харьковской губернии. Рос без отца. Тринадцати лет лишился матери, умершей от болезни. Воспитывался у родственников. После окончания фельдшерской школы в 1894 году приехал в Иваново-Вознесенск и устроился па фабрику Витовой. Через два года перешел работать в больницу для чернорабочих. Затем вместе с женой (тоже медиком) работал на других предприятиях, в том числе на фабрике Ясюнинских в Кохме. В 1904 году вернулся в Иваново-Вознесенск, устроился в городскую больницу, но за связь с искровцем Н. Н. Паниным по требованию городского головы фабриканта Дербенева был уволен. После этого на несколько месяцев с трудом устроился на фабрику Кокушкина и Маракушева, а затем вернулся на фабрику Витовой.

Осенью 1905 года Андрей Павлович вступил в РСДРП. Вскоре за активную революционную деятельность вновь уволен и из-за полицейских преследований вынужден уехать из Иваново-Вознесенска. Скрываясь от слежки, устроился в больницу («приемный покой») при станции Перово Московско-Казанской железной дороги. После смерти жены в 1907 году один воспитывал четверых детей.

Бурные события 1917 года снова вовлекли его в революционную работу. Во время Октябрьской революции работал в железнодорожном госпитале, одновременно входил в боевую тройку по охране Казанского вокзала, мастерских и депо.

Как отметил в упомянутом письме сам А. П. Дьяченко, в период иваново-вознесенской стачки 1905 года он регулярно направлял корреспонденции о борьбе текстильщиков в газету «Северный край». По документам центральных архивов удалось установить, что с целью конспирации его корреспонденции публиковались под псевдонимами «Никандр», «Весна», «Осколок», «Одинокий», «Ивановец», некоторые его заметки шли без подписи.

Начало журналистской деятельности Андрея Павловича относится к 90-м годам, когда в газете «Фельдшер» была напечатана его статья «Бытовые условия и болезни мастеровых рабочих города Иваново-Вознесенска». Позднее эта статья была автором расширена и напечатана в трех номерах «Северного края». Но особенно активной его корреспондентская работа стала в 1905 году, с началом первой русской революции. Уже 9 февраля он напечатал заметку о стачках солидарности иваново-вознесенских и кохомских текстильщиков с рабочими Петербурга. «Петербургские события (9 января) отразились здесь на рабочем люде заметно»[12], — писал он. Под этой корреспонденцией, очевидно, впервые стояла подпись «Осколок».

18 марта появилась заметка под тем же псевдонимом о взяточничестве городского санитарного фельдшера[13]. 27 марта была опубликована заметка о насаждении в Иваново-Вознесенске «божественного чтения», о распространении повсюду религиозной литературы. В этой статье уже острее чувствовалась политическая позиция автора.

«Наш город находится в религиозной осаде,— писал он.— Чего только не придумают наши истинные христиане и патриоты для отвлечения сограждан от запросов более важных, современных...» Далее рассказывалось, что единственная в городе публичная библиотека работает всего несколько часов в день, там царит теснота, нет не-

обходимых условий для занятий («даже негде раздеться»). Автор подчеркивал стремление иваново-вознесенцев к подлинной культуре, к настоящей литературе, в которой они «ищут ответа на свои умственные запросы»[14].

Еще более острой была следующая корреспонденция Дьяченко. В ней автор рассказал о том, как по примеру рабочих экономические требования к хозяевам предъявили приказчики. Они потребовали сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы, улучшения бытовых условий, вежливого обращения со стороны хозяев и т. д. Используя этот не столь уж частый случай, автор умело подводил читателя к мысли о том, что хозяева не могут обходиться без тех, кто им служит, и в пределах возможного в условиях цензуры напоминал о тяжелом положении рабочих и необходимости для них активно бороться за свои права.

«Надо полагать,— говорилось в корреспонденции,— что торговцы пойдут навстречу мирной просьбе своих служащих. Всех приказчиков насчитывают до 1000 человек. Если требования приказчиков будут удовлетворены, то это будет служить большим искушением для фабричных рабочих, а их здесь до 40 000 человек»[15].

16 апреля А. П. Дьяченко поместил критическую заметку «Администратор-собственник полицмейстер Кожеловский»[16].

Необходимо пояснить, почему «Северный край» мог публиковать столь острые корреспонденции. Дело в том, что в редакцию буржуазной газеты пришли большевики. Произошло это после II съезда РСДРП, когда в Ярославле значительно усилилось революционное движение. «Северный рабочий союз» был преобразован в Северный комитет РСДРП, в состав которого и вошла Иваново-Вознесенская группа. Руководителями большевиков в Ярославле были В. Р. Менжинский и Н. В. Романов, являвшийся членом редакционной коллегии «Северного края». С его помощью к сотрудничеству в газете привлекалась

революционно настроенная молодежь. Были установлены связи с политическими ссыльными. В 1904 году Н. В. Романов стал заведующим отделом печати редакции, а В. Р. Менжинский (свободно владевший несколькими европейскими языками) — военным отделом. Их влияние все более усиливалось[17]. Н. И. Подвойский вспоминал: «Северный союз» свил свое гнездо среди земских служащих. Впоследствии удалось свить гнездо в аппарате газеты «Северный край». Степень нашего влияния можно оценить тем, что одно время в редакции газеты играл руководящую роль тов. Менжинский. Фактически почти весь технический аппарат редакции и экспедиции «Северного края» находился в наших руках. Мы имели своих людей в коллегии редакции, своих корректоров, экспедиторов и т. д. Все это помогло нам использовать ту или другую часть аппарата «Северного края» в наших партийных целях и особенно, конечно, использовать этот аппарат для связи. В 1904 году аппарат «Северного края» в значительной степени являлся штаб-квартирой нашей организации, где назначались явки, происходили всевозможные встречи, откуда исходили «распоряжения»[18].

Цензура и губернатор в июне 1904 года закрыли газету. Но с января следующего года она стала выходить вновь. Благодаря усилиям Менжинского и других большевиков газета, распространявшаяся в Ярославской, Владимирской, Архангельской, Тверской, Новгородской, Олонецкой и Вятской губерниях, была целиком поставлена на службу партии. Так подцензурная газета превратилась в орган партийной пропаганды и агитации.

Самые крупные революционные события весны и лета 1905 года — восстания матросов на броненосце «Потемкин» и в Либаве, всеобщая политическая стачка и деятельность первого в России общегородского Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, забастовка в Лодзи — освещались на страницах «Северного края» в

телеграммах, корреспонденциях, перепечатках из других газет, комментировались в передовых статьях.

Всеобщая политическая стачка иваново-вознесенских текстильщиков приковала внимание всей России. Сведения о ней проникали в официальную русскую печать в сильно урезанном виде, а местной прессе было вообще запрещено касаться этой темы. Тем не менее «Северный край» публиковал материалы о стачке регулярно. Редакция была прекрасно осведомлена о ходе борьбы текстильщиков. В Иваново-Вознесенск от Северного комитета РСДРП были направлены Н. И. Подвойский, А. К. Гастев, А. С. Самохвалов. Последний являлся официальным представителем «Северного края», заведовал его отделением в Иваново-Вознесенске. Именно через него в основном и осуществлялась связь редакции с местными корреспондентами, в числе которых был хорошо известен И. А. Волков. Нередко посылал в редакцию свои материалы А. С. Самохвалов, печатавшийся под псевдонимом «А. Салов». В числе самых деятельных корреспондентов был и А. П. Дьяченко. Если собрать его статьи и заметки воедино, то получится довольно обстоятельная хроника стачки.

Как известно, она началась 12(25) мая 1905 года. Краткое сообщение о ней, присланное Дьяченко, было опубликовано в «Северном крае» (без подписи) через два дня. В нем говорилось:

«12 мая у нас забастовали рабочие трех фабрик: Н. Дербенева, Бакулина и Бурылина. К вечеру того же дня прекратились работы и на других фабриках. Утром 13 мая на некоторых фабриках работы возобновились, но забастовщики остановили их, переходя огромными толпами с фабрики на фабрику. В городе всюду царит порядок... Рабочие держат себя в высшей степени корректно»[19].

Учитывая требования цензуры, корреспондент сдержан в изложении материала, придает ему некоторую ней-

тральность. И все же он объективно освещает выступление текстильщиков.

В номере за 20 мая газета напечатала специальную подборку «Письма из Иваново-Вознесенска». Подборка открывалась второстепенным материалом. Но под ним была подверстана заметка Дьяченко о первых пяти днях стачки, о том, что она приобретала все больший размах и что экономическая борьба перерастала в политическую... Говорилось уже и о деятельности депутатов Совета:

«Пятый день (12—16 мая) продолжается забастовка всех фабрик и заводов нашего города, число забастовавших день ото дня увеличивается; теперь к забастовавшим фабричным рабочим присоединяются каменщики, плотники, столяры и рабочие других цехов.

Ежедневно на площади перед зданием городского управления собирается огромная толпа рабочих (тысяч до 60), слушающая речь ораторов. Забастовка носит экономический характер, хотя было несколько попыток придать ей политический оттенок. Ведутся переговоры через депутатов от рабочих и старшего фабричного инспектора Владимирской губернии Свирского с фабрикантами, и хотя между фабрикантами раскол — одни готовы идти на уступки, другие нет, обе стороны — рабочие и фабриканты — до сих пор ни на какие уступки не идут. Ежедневно по вечерам фабриканты собираются на совещание в здании городского управления, а рабочие устраивают за городской чертой грандиозные сходки...»[20]

В газете за 22 мая Дьяченко рассказывает о влиянии иваново-вознесенской стачки на весь промышленный район: «Десятый день всеобщей забастовки. Рабочие продолжают упорно держаться. Хозяева тоже не идут на уступки. 19 мая сюда прибыла от забастовавших рабочих г. Шуи делегация с просьбой поддержать товарищей. Идут вести о начавшихся забастовках в округе, в с. Тейкове, с. Песцове, Кохме...»[21]

Одновременно, видимо, чтобы отвлечь внимание цензуры, автор пространно пишет о неудовлетворительной постановке санитарного надзора в городе.

Своеобразно прокомментировал корреспондент в номере за 12 июня объявление губернатора Леонтьева от 8 июня, в котором тот взывал «к успокоению благоразумной части рабочего населения» и метал громы и молнии в адрес непослушных. Губернатор уверял, что большинство рабочих хочет приступить к работе, и приглашал сделать это на следующий же день — 9 июня «на прежних условиях» — то есть условиях, существовавших до забастовки. Дьяченко, процитировав объявление, добавил к нему всего три строки, которые полностью опровергли доводы губернатора. «Но, судя по настроению рабочих,— писал автор,— надо думать, что работы на фабриках в назначенный день не начнутся»[22].

Дьяченко подробно рассказал в газете о массовой демонстрации рабочих на площади перед зданием городской управы 23 июня. Тысячи бастующих вновь самым решительным образом заявили о своих требованиях. «Это была,— вспоминал один из руководителей большевистской организации С. И. Балашов,— грандиозная картина. Вся площадь и прилегающие к ней улицы были сплошь запружены сидящими рабочими. Ни проходу, ни проезду, и городская дума оказалась отрезанной среди грозного моря сидящих рабочих»[23].

Власти еще до прихода бастующих приняли меры: выставили на площади наряды солдат и полицейских, на прилегающих улицах сосредоточили казаков и драгун. В свою очередь рабочие на случай нападения полиции, уходя с площади после митинга, разобрали мостовую и запаслись булыжниками.

Мы знаем об этой знаменитой «сидячей демонстрации» по многим документам и воспоминаниям участников. Корреспондент «Северного края» осветил ее на страницах газеты тоже очень достоверно и впечатляюще, показал

страх властей перед решимостью рабочих. А. П. Дьяченко писал:

«23 июня огромная толпа забастовщиков пришла на городскую площадь к зданию городского общественного управления и, вызвав начальника губернии и старшего фабричного инспектора Свирского, заявила им, что они, забастовщики, утомленные продолжительной забастовкой и крайне раздраженные поведением фабрикантов, до сих пор не желающих вступить с ними в личные переговоры, в которых они, бастующие рабочие, видят единственное средство, ведущее к решению забастовки мирным путем, пришли в последний раз спросить фабрикантов, чего они хотят: «мира или войны», то есть желают ли они, наконец, начать с рабочими личные переговоры или же будут держаться прежнего образа действий.

Депутаты рабочих заявили при этом начальнику губернии, что если фабриканты не начнут немедленно же личные переговоры с рабочими, тогда они, депутаты, слагают с себя свои полномочия и больше не отвечают за поведение рабочей массы»[24].

Это была прямая угроза со стороны бастующих. Дьяченко сообщил и о том, как она повлияла на «хозяина губернии». «Губернатор ответил, что он сегодня же передаст фабрикантам заявление рабочих и завтра пришлет рабочим ответ фабрикантов. После этого забастовщики двинулись к реке Талка»[25].

Этот цикл корреспонденций А. П. Дьяченко завершился рассказом о 68-м дне стачки под заголовком «Впечатление ивановца»[26]. Автор писал о силе рабочих, хотя и измученных голодом, длительной борьбой, но несломленных, непокоренных.

Тема стачки продолжала звучать в статьях А. П. Дьяченко и после ее окончания. На страницах «Северного края» он подробно рассказал о черносотенных погромах в Иваново-Вознесенске в октябре и ноябре 1905 года, о гибели Ф. А. Афанасьева и О. М. Генкиной, о продол-

жении борьбы текстильщиков с фабрикантами и самодержавием. Эти материалы печатались до тех пор, пока газета находилась в руках большевиков[27].

СТРАНИЦА «ВЕЛИКОГО ПОЧИНА»

Трудно передать волнение, которое вызвал во мне самоотверженный журналистский труд Андрея Павловича Дьяченко по освещению иваново-вознесенских событий пятого года. Оно еще более возросло, когда выяснилось, что в работе В. И. Ленина «Великий почин» (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»)[28] почти полностью процитирована корреспонденция А. Дьяченко, опубликованная 7 июня 1919 года в газете «Правда» под названием «Заметки субботника»[29]. Что это — случайное совпадение или же корреспонденцию написал тот же ивановский большевик? Предстоял новый кропотливый поиск сведений об авторе, сведений достаточно полных, исключающих сомнения.

Известно, что работа «Великий почин» была написана В. И. Лениным 28 июня 1919 года, в один из самых тяжелых периодов существования Советского государства, когда борьба против внутренних и внешних врагов приняла особенно острый характер. Молодая Республика Советов была окружена огненным вражеским кольцом.

Выдающееся значение для возникновения «великого почина» сыграл исторический доклад вождя о внешнем и внутреннем положении Советской республики, сделанный 3 апреля 1919 года на чрезвычайном заседании пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. В. И. Ленин призвал рабочих напрячь все силы для разгрома интервентов и белогвардейцев, для преодоления голода, хозяйственных трудностей и прежде всего для восстановления железнодорожного транспорта. «Работа по транспорту,— говорил Ленин,— требует величай-

шего напряжения. Нужно, чтобы рабочие на каждом собрании ставили себе вопрос: чем мы можем помочь транспорту?»[30]

В ответ на ленинский призыв в среде московских железнодорожников зародилась идея организации коммунистического субботника. Об этом событии сохранилась краткая протокольная запись собрания членов ячейки РКП(б) депо Москва-Сортировочная Казанской железной дороги. Обсудив угрозу, создавшуюся для Советской республики в связи с приближением колчаковских войск к Волге, участники собрания признали необходимым напрячь все силы, работать не покладая рук до полной победы над белогвардейцами. Рабочие говорили о непорядках на железнодорожном транспорте, о саботаже технического персонала, о многочисленных «больных» и «полубольных» паровозах и вагонах. И о том, что коммунисты в такой ответственный для страны момент не имеют права оставаться в стороне. Учитывая все это, решили в субботний день, на который приходился религиозный праздник «благовещение», пойти в мастерскую ремонтировать паровозы, нужные для отправки маршрутных поездов на фронт[31].

Партийная ячейка депо Москва-Сортировочная провела первый субботник 12 апреля. Обсудив благородный почин своих товарищей, большевики Казанского железнодорожного подрайона на общем собрании приняли решение: *«Коммунистическую субботу* ввести во всем подрайоне до полной победы над Колчаком»[32].

В соответствии с этим решением 10 мая 1919 года по окончании обычного рабочего дня, ровно в 6 часов вечера, 205 коммунистов и сочувствующих — рабочих и служащих, мужчин и женщин — явились на коммунистический субботник. За шесть часов напряженной работы они отремонтировали 4 паровоза и 16 вагонов, разгрузили и погрузили 9300 пудов различных грузов.

В. И. Ленин прозорливо увидел в этом начало комму-

нистических форм труда. В своей работе в качестве примера он сослался на субботники, состоявшиеся в различных городах страны, а также почти полностью привел корреспонденцию А. Дьяченко из газеты «Правда» о двух субботниках, проведенных коммунистами Москвы.

Первый из них состоялся на деревообделочном заводе Казанской железной дороги. В числе тридцати его участников был и Дьяченко. Они перекатили с помощью деревянных катков и веревок на расстояние в несколько сотен метров и погрузили на железнодорожную платформу паровой котел весом в 600—700 пудов. Во время второго субботника эти же тридцать человек, работая на станции Перово, отремонтировали колесные пары для тринадцати вагонов»[33].

Подробности об авторе этой корреспонденции следовало искать в Москве. Действительно, в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма и Центральном государственном архиве РСФСР были обнаружены биографические материалы о Дьяченко, в том числе автобиография, копии жандармской переписки о нем, анкеты разных лет. К автобиографии Андрей Павлович приложил и неполный список своих публикаций. В нем-то последней строкой он записал: «1919 год. Газета «Правда» — «Заметки субботника». Вошли почти полностью в брошюру В. И. Ленина «Великий почин»[34].

«Заметки субботника» были написаны А. П. Дьяченко в период его работы фельдшером в больнице при Казанской железной дороге, где он проработал в общей сложности более двенадцати лет. Хорошо зная его стиль по корреспонденциям в «Северном крае», нетрудно было определить автора и в «Заметках субботника»: те же простота слога, яркость, образность показа событий. Только настроение просматривалось уже иное — светлое, бодрое, чувствовалась уверенность в победе над трудностями, вера в силу рабочей солидарности.

Ранее, в 1905 году, рассказывая о подневольном труде

рабочих, об унижении их достоинства хозяевами и властями, о злодеяниях полиции и черной сотни, он писал: «Не радуйтесь! Тьма не может торжествовать»[35]. Эта тьма канула в прошлое в 1917 году. И Дьяченко, развенчивавший мир капитала, теперь, с победой революции, освещал на газетных страницах начало новой жизни.

Вот некоторые выдержки из корреспонденции «Заметки субботника», процитированной Владимиром Ильичем:

«Прошла неделя. Руки и плечи у нас отдохнули, и мы едем на «субботник» теперь уже за 9 верст, делать вагоны. Это — в Перово. Товарищи взобрались на крышу «американца» и звучно и красиво поют «Интернационал». Поездная публика прислушивается и, видимо, удивлена. Мерно стучат колеса, и мы, не успев влезть наверх, висим вокруг «американца» на лестницах, изображая «отчаянных» пассажиров. Вот и остановка, мы уже у цели, проходим длинный двор и встречаем радушного тов. комиссара...

— Работа есть, людей-то мало! Всего 30, а выпустить за 6 часов из среднего ремонта нужно чертову дюжину вагонов! Вот стоят размеченные скаты колес, есть не только пустые вагоны, еще и полная цистерна... но ничего, «приспособимся», товарищи!

Работа кипит. Я с пятью товарищами работаю важками, т. е. рычагами. Эти 60 и 70-пудовые колесные пары под напором наших плеч, двумя важками, направляемые тов. «закоперщиком», живо и лихо перепрыгивают у нас с одних путей на другие. Одна пара убрана,— новая на ее месте. Вот уже всем им есть место, и мы это изношенное старье быстро-быстро по рельсам «сплавляем» в сарай... Раз, два, три,— подхвачены они на воздух железным вертящимся важком, и их уж нет на рельсах. Там, в темноте, идет стук молотков, то быстро, как пчелы, работают товарищи у своих «больных» вагонов. И столярят, и малярят, и крышу кроют,— работа кипит на

радость нашу и тов. комиссара. А там понадобились наши руки и кузнецам»[36].

Мирный труд для Андрея Павловича Дьяченко прервался в октябре 1919 года, когда он добровольцем ушел на фронт, на борьбу с Деникиным. Был политкомиссаром головного эвакопункта 9-й армии, эвакуировал лечебные учреждения. Затем являлся военкомом санитарного поезда, перевозившего больных тифом красноармейцев. Переболел им сам и в июне 1921 года был демобилизован[37].

Некоторое время работал на Украине, потом в одной из больниц Москвы. Одновременно вел партийную работу, избирался членом Моссовета. За плодотворную деятельность и разработку новых методов лечения был награжден почетными грамотами Московского областного отдела здравоохранения, в 1927 году был удостоен звания героя труда. И на протяжении всей трудовой жизни Андрей Павлович регулярно печатался: в научных изданиях, центральных и местных газетах.

В заключение приведу высказывания об этом человеке активных участников революционного движения.

Ольга Афанасьевна Варенцова: «Знаю тов. Андрея Павловича Дьяченко по Иваново-Вознесенской организации большевиков. В 1901—1904 годах он был тесно связан с организацией, оказывал ей всякое содействие. В 1905 г. принимал активное участие в забастовке, работая под руководством [большевиков], а затем как член партии. В конце декабря 1905 г. входил в боевую тройку, затем ввиду погромного движения черносотенцев вынужден был переселиться в Москву, где продолжал работу. В 1917 г. в Октябрьские дни входил в тройку по охране Казанского вокзала и мастерских»[38].

Михаил Александрович Багаев: «Андрей Павлович Дьяченко принимал участие в рабочем революционном движении в Иваново-Вознесенске с 1901 года. В частности, я с ним встречался как с работником Иваново-Вознесенской организации революционного марксистского на-

правления первого состава «Искры» в 1901 году, когда я, как член ЦК «Северного рабочего союза», проверял работу Иваново-Вознесенской организации. В это время наш председатель Н. Н. Панин привлекал к работе А. П. Дьяченко и его жену как своих помощников. В 1905 г. во время своего пребывания в Иваново-Вознесенске я также видел А. П. Дьяченко в рядах нашей большевистской организации... Можно сказать, что Андрей Павлович Дьяченко составлял ту единичку, из которых строилась наша партия...»[39]

Так стало известно более подробно еще об одном борце за победу революции, самоотверженном рабочем корреспонденте, стоявшем у истоков борьбы за победу революции в нашей стране.

---

[1] Багаев М. А. За десять лет. (Социал-демократическая организация в Иваново-Вознесенском районе в 1892—1902 гг.). Иваново, 1930, с. 115.

[2] Там же, с. 128—130.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 749, л. 15.

[4] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 146, л. 6; Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году, с. 183.

[5] Самойлов Ф. Н. По следам минувшего. М., 1948, с. 115—116.

[6] Там же, с. 116.

[7] Самойлов Ф. Н. Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении 1903—1905 гг. М., 1922, с. 79; Его же. По следам минувшего, с. 119.

[8] 1905 год в Иваново-Вознесенском районе. Иваново-Вознесенск, 1925, с. 153.

[9] ПАИО, ф. 282, оп. 4, д. 31, л. 1—2.

[10] Там же.

[11] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 749; ЦГА РСФСР, ф. 539, оп. 1, д. 425.

[12] Северный край, 1905, 9 февр.

[13] См. там же, 18 марта.

[14] Там же, 27 марта.

[15] Там же, 15 апр.

[16] Там же, 16 апр.

[17] См.: Девяткина А. В. Большевики в редакции «Северного края» (1904—1905 гг.).— Краеведческие записки Ярославского краеведческого музея. Вып. 2, 1957, с. 155—182.

[18] Там же, с. 159.
[19] Северный край, 1905, 15(28) мая.
[20] Там же, 20 мая (2 июня).
[21] Там же, 22 мая (4 июня).
[22] Там же, 12(25) июня.
[23] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 181, л. 8.
[24] Северный край, 1905, 1 июля, № 162.
[25] Там же.
[26] Там же, 22 июля.
[27] См. там же, 2, 21, 22 авг., 14, 30 сент., 8, 28 окт.
[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 1—29.
[29] Там же, с. 10—12.
[30] Там же, т. 38, с. 249.
[31] См.: Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии в 1919—1920 гг. М., 1950, с. 49—50.
[32] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 6.
[33] См. там же, с. 10—12; Правда, 1919, 7 июня.
[34] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 749, л. 46.
[35] Северный край, 1905, 28 окт.
[36] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 11—12.
[37] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 749, лл. 21 об.— 28.
[38] Там же, л. 23.
[39] Там же, л. 20.

РЕЛИКВИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОПЕИ

Музей первого в России общегородского Совета рабочих депутатов в Иванове ежедневно посещают многочисленные группы экскурсантов, ветераны партии и труда, молодежь. Часто бывают гости из других городов страны, из-за рубежа. Поистине неизгладимое впечатление производит на каждого побывавшего здесь большая панорамная фотография, на которой запечатлен многотысячный митинг иваново-вознесенских рабочих на берегу Талки в исторические дни всеобщей политической стачки 1905 года.

Этот многократно увеличенный снимок — один из фотодокументов, отразивших борьбу текстильщиков за свои права в годы первой русской революции. Подлинники их бережно хранятся в партийном архиве Ивановского областного комитета партии, Центральном музее Революции

СССР в Москве, Ивановском объединенном историко-революционном музее. Таких снимков несколько. В печати же обычно публиковались лишь два из них: на одном — наиболее удачном по композиции — общий вид собрания бастующих, на другом запечатлены члены Совета рабочих депутатов[1]. Именно благодаря этим фотоснимкам мы имеем возможность через десятилетия как бы присутствовать при исторических событиях на Талке, видеть в лицо многих депутатов первого в России общегородского Совета.

Однако до последнего времени оставался неизвестным автор фотоснимков — реликвий грозовых событий первой русской революции. Ответ дали архивные документы того времени и воспоминания участников иваново-вознесенской стачки.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

В начале поиска возникло несколько версий. При изучении репродукций снимков, запечатлевших митинг, возник вопрос: не жандармерия ли зафиксировала массовые собрания рабочих и выступавших ораторов, чтобы позднее предъявить улики привлеченным к ответственности за стачку? Но это предположение сразу же отвергается при осмотре второго снимка: депутаты Совета спокойно позируют фотографу. Известно, что в ходе стачки Совет выступал как орган революционной власти и не представлял губернатору и полиции никаких других документов о своей деятельности, кроме требований и протестов. Значит, можно утверждать, что и сфотографировать депутатов по воле «отцов города» тогда едва ли бы удалось.

Отпадает и предположение о том, что снимки сделаны каким-либо фотографом по собственной инициативе. Уж очень оживленно было на Талке, в митингах участвовали тысячи рабочих, их охраняли дружинники и рабочая милиция. В этих условиях, при существовавшей тог-

да технике фотографирования, скрытно сделать снимки было невозможно.

Остается одно: снимки сделаны по инициативе Совета. Но кем и с какой целью?

«СОБСТВЕННОСТЬ РАБОЧЕЙ КАССЫ»

Обратимся к подлинникам. По ним видно, что снимки выполнены умелым мастером и с помощью хорошего аппарата. Все они тонированы в коричневый цвет, наклеены на картон и оформлены виньетками, как это делали профессиональные фотографы.

Подтверждением того, что снимки изготовлены с ведома Совета и находились в его распоряжении, служат надписи на обороте оригиналов: «Собственность кассы рабочих, пересъемка не дозволяется» или просто «Пересъемка не дозволяется». Анализ почерка показал, что надписи, как правило, сделаны секретарем Совета Николаем Павловичем Грачевым, являвшимся одновременно членом продовольственной комиссии, работавшей в тесном контакте с финансовой комиссией Совета. Через них оказывалась материальная помощь бастующим. Поскольку снимки — собственность рабочей кассы, они, несомненно, распространялись с целью ее пополнения. Сведения об этом должны содержать протоколы заседаний Совета, но большая часть их не сохранилась. Оставалось надеяться на свидетельства участников стачки.

Первое упоминание о фотосъемках встретилось в воспоминаниях С. И. Балашова. Он был одним из руководителей стачки, членом городского комитета партии, возглавлял пропагандистскую группу, а как депутат — и стачечную комиссию, которая вела переговоры с властями и фабрикантами от имени бастующих и Совета. Семен Иванович был хорошо осведомлен о всех сторонах подготовки и проведения стачки.

Характеризуя обстановку в лагере бастующих, он писал: «Ежедневно с утра рабочие тянулись кучками и це-

лыми фабриками... на Талку... Даже мелкие торговцы семечками, квасом и другими припасами выезжали на Талку и вели бойкую торговлю. Город на день замирал, а Талка оживала. Там жизнь била ключом, читались газеты «Северный край», «Вечерняя почта», бюллетени [местной группы РСДРП о ходе стачки и деятельности Совета рабочих депутатов], обсуждались экономические и политические вопросы, проводилась съемка общих и депутатских собраний своим фотографом, произносились речи, пелись революционные песни...»[2]

Здесь ценно указание: снимки делались не посторонним, а «своим фотографом». И еще одна важная деталь, позволяющая судить, почему Совет разрешил сфотографировать депутатов, изготовить и распространить снимки. Балашов упоминал о фотосъемках после событий 23 мая, то есть после массовой демонстрации бастующих, проведенной в центре города, когда они решительно настаивали на удовлетворении своих требований фабрикантами. К этому времени стачка набрала такую силу, что депутатам уже не было смысла скрывать свою деятельность. Вместе с тем затянувшаяся борьба с каждым днем обостряла материальные трудности бастующих, и распространение фотоснимков позволяло пополнить кассу.

Нашлись сведения и о том, по какой цене продавались фотографии. В воспоминаниях депутата Совета от рабочих фабрики Дербенева Петра Степановича Волкова об этом говорится: «Я помню такую вещь. Когда у нас не хватало средств... мы начали делать фотографии Совета... Было два вида: снимок общего собрания — массовый (примерно 30 тысяч человек) и снимок заседания Совета рабочих депутатов. Оба подписывали, продавали... массовый — по два рубля, а заседания Совета — по рублю»[3].

Снимки распространялись не только в Иваново-Вознесенске, но и в других городах страны как через городскую парторганизацию и Совет, так и через родных и близких депутатов. Известно, например, что определенное чи-

сло фотографий было отправлено тогда во Владимир, Кострому, Ярославль, Воронеж, Вологду, Москву, Харьков, Иркутск. На это, в частности, указано в письме председателя Совета Авенира Евстигнеевича Ноздрина Ф. А. Кондратьеву. Федор Алексеевич вместе с О. А. Варенцовой, М. А. Багаевым и другими был организатором первых в Иваново-Вознесенске марксистских кружков в начале 90-х годов. Позднее вместе с социал-демократами А. А. Евдокимовым и Н. И. Маховым он был выслан в Харьков. А. Е. Ноздрин 30 июня 1905 года направил землякам подробное письмо о ходе стачки, а несколько позднее, когда туда поехал один из ее участников (кто именно — не установлено), послал с ними фотоснимки для распространения среди харьковских рабочих. В небольшом письме, направленном вскоре, в двадцатых числах июля, Ноздрин пояснял Кондратьеву: «Я Вам послал несколько фотографических снимков, снятых во время наших сходок на Талке. Несколько экземпляров из них мы Вам дарим, а остальные просим использовать для нашей стачечной кассы»[4]. Здесь речь идет, очевидно, о значительной партии фотоснимков, ибо фраза «несколько снимков» в первом случае означает число их видов, а во втором — число экземпляров. Известно, что из Харькова иваново-вознесенские стачечники получили значительную финансовую помощь.

Из этого же письма следует, что в Харьков были посланы лишь фотографии общего собрания бастующих. О другом снимке говорилось: «К сожалению, разбит негатив нашего депутатского собрания, когда оно будет переснято, я постараюсь его Вам выслать»[5].

Узнав эту деталь, я сличил имеющиеся снимки членов Совета. Они действительно оказались двух видов. На обоих в центре запечатлены председатель А. Е. Ноздрин и секретарь Н. П. Грачев, но рядом с ними сняты другие депутаты. Отсюда можно заключить, что один снимок был сделан, как свидетельствует С. И. Балашов, вскоре после

23 мая, а другой — в конце июня или в июле, после того, как арестованные 3 июня А. Е. Ноздрин и Н. П. Грачев через две недели заключения вместе с другими депутатами были освобождены из тюрьмы по требованию бастующих. Оба снимка сделаны примерно на одном и том же месте, у лесной сторожки, около которой осенью 1905 года, в дни разгула реакции, от рук черносотенцев погиб руководитель Иваново-Вознесенской большевистской организации Федор Афанасьевич Афанасьев.

ФОТОГРАФЫ СОВЕТА

Но кого именно С. И. Балашов назвал «своим фотографом»?

Им оказался один из активных участников стачки — заместитель председателя Совета, депутат от фабрики Н. Гарелина рабочий-гравер Николай Дмитриевич Алексеев[6].

Вот что вспоминал рабочий той же фабрики, депутат Совета и член финансовой комиссии Николай Михайлович Найденов: «Фабриканты отказались удовлетворить требования, которые предъявили им иваново-вознесенские рабочие в начале всеобщей стачки. Предстояла упорная борьба. Чтобы продержаться как можно дольше, Совет... решил создать финансовую комиссию. Ей поручили изыскивать денежные средства для помощи особо нуждающимся семьям стачечников. В числе других депутатов в эту комиссию выбрали и меня. Первый взнос в стачечную кассу составил более 400 рублей, собранных по предложению Евлампия Дунаева самими рабочими. Но этих средств было недостаточно. Тогда нашли другой источник пополнения кассы — решили фотографировать собрания рабочих на Талке и заседания Совета... Поручили это одному из членов финансовой комиссии Н. Алексееву. Спрос на фотографии был очень большой. Их покупали не только сами иваново-вознесенцы, но и рабочие соседних городов»[7].

Интересные подробности приводит и А. Е. Ноздрин, рассказывая о черносотенных погромах в Иваново-Вознесенске в конце октября 1905 года. Сам он остался тогда в живых лишь благодаря заботе товарищей, но его квартиру разорила черная сотня, была уничтожена библиотека и рукописи. «В числе моих близких знакомых,— читаем мы в его воспоминаниях,— жертвой террора стал учитель технического училища Михаил Моисеевич Якуб... Когда Н. Д. [Алексееву] нужно было сделать фотографические снимки с Талки, ему нужен был большой фотоаппарат, за которым, по моему указанию, он и обратился к Михаилу Моисеевичу... В городе Якубы были и другие (фамилия распространенная), но черносотенцы нашли того Якуба.., чей фотоаппарат побывал на Талке, и за это его погромщики разнесли...»[8]

На этом первоначально поиск и был закончен. Но после опубликования материала в местной газете «Рабочий край»[9] к автору очерка пришел Аркадий Афанасьевич Кириллов — сын участника иваново-вознесенской стачки 1905 года Афанасия Ивановича Кириллова. Как и Н. Д. Алексеев, А. И. Кириллов был гравером, но работал в 1905 году на другом предприятии — на фабрике Грязнова. По свидетельству сына, очень увлекался фотографией, имел даже редкий по тому времени стереоскопический фотоаппарат (правда, самодельный), который позднее он передал местному музею. Афанасий Иванович владел фотоделом в совершенстве, занимался внедрением фотогравировальной технологии в текстильное производство на ивановских фабриках.

Аркадий Афанасьевич принес несколько документов и фотоснимков, бережно хранимых в их доме. В частности, в сохранившемся в семейном архиве списке членов общества взаимопомощи фабричных граверов значатся и А. Е. Ноздрин, и А. И. Кириллов. О близком знакомстве Афанасия Ивановича с председателем первого Совета Ноздриным и фотографом Н. Д. Алексеевым

особенно красноречиво свидетельствует фотоснимок, выполненный Кирилловым и датированный 8 июня 1904 года. На нем рядом, среди членов правления общества, запечатлены Ноздрин и Алексеев. На другом групповом снимке Кириллов заснят вместе с Ноздриным.

Но самая, пожалуй, интересная находка в семейном архиве Кирилловых — фотография того самого общего собрания — митинга бастующих на Талке летом 1905 года. На обороте рукой Кириллова записан рецепт проявителя. Видимо, это был пробный отпечаток. Да и весь комплект сохранившихся фотографий 1903 — 1905 годов — их размер, тональность, качество картона, на который они наклеивались (с виньетками),— показывает, что их изготовление, вероятно, осуществлялось одним мастером.

В ходе дальнейшего поиска стали известны еще некоторые подробности. Оказалось, что А. Е. Ноздрин и А. И. Кириллов в 1905 году жили на одной улице — 1-й Борисовской (ныне ул. III Интернационала). Эта деталь оказалась важной для последующего изучения документов. Аркадий Афанасьевич, показывая документы, дополнял их содержание некоторыми подробностями, которые слышал от отца. В частности, он припомнил, что об участии Афанасия Ивановича в изготовлении фотоснимков были опубликованы воспоминания старого большевика, депутата Совета 1905 года Н. М. Найденова. Выше уже приводилась выдержка из его воспоминаний, опубликованных в мае 1955 года в газете «Рабочий край». Но в этой статье, а также в архивных материалах об интересующем нас факте не упоминалось. Пришлось обратиться в областную научную библиотеку и снова перечитать все, что так или иначе связано с именем Николая Михайловича. А ларчик, оказывается, открывался просто. Воспоминания, напечатанные в газете «Рабочий край», были сокращенным вариантом его выступления на научной сессии Института истории Академии наук СССР,

проходившей в Иванове в 1955 году и посвященной 50-летию первой русской революции.

В отличие от газетной публикации в тексте выступления освещалась роль в изготовлении фотоснимков не только Н. Д. Алексеева, но и А. И. Кириллова. В частности, Николай Михайлович говорил: «До забастовки работала подпольная типография, но она была очень громоздка, шрифт истерся, букв не хватало. Типография была Афанасьевым («Отцом») — секретарем партийной организации — сдана на хранение Т. П. Гужову (депутату Совета.— *В. Т.)*. Мы больше пользовались гектографом: работа на десяти легких гектографах давала в час 100 отпечатков. В начале мая из Москвы была получена новая легкая удобная типография и дело с печатью наладилось. На гектографе работал Василий Иванов («Инквизитор»). Но под типографию трудно было найти помещение: вначале она находилась на Лежневской улице, затем на Крестовой (ныне ул. Звездная)...

Кроме типографии, в хозяйстве партийной организации была и фотография на 1-й Борисовской, фотографом был А. И. Кириллов»[10]. Найденов, очевидно, имел в виду то, что фотоснимки печатались на квартире Кириллова.

Прояснилась и роль А. И. Кириллова. Найденов назвал и того, кто производил съемки (Н. Д. Алексеев), и того, кто изготовлял фотоснимки.

Очевидно, взяв фотоаппарат у М. М. Якуба, большевики рассчитывали использовать для печатания снимков фотолабораторию Кириллова. Поскольку фотографий изготовлялось много, для продажи не только в Иваново-Вознесенске и близлежащем районе, но и во многих других городах страны, то Н. Д. Алексееву трудно было делать это одному. Поэтому к изготовлению фотоснимков и был привлечен Афанасий Иванович Кириллов. В отношении участия его непосредственно в проведении фотосъемки свидетельств пока не обнаружено. В своей краткой автобиографии он лишь упоминает, что неоднократно бывал

на Талке в дни стачки. К сожалению, вопрос об исторических снимках возник уже после того, как и Н. Д. Алексеева, и А. И. Кириллова не стало.

* * *

В ходе поиска удалось выяснить еще одну интересную деталь истории фотоснимков: о них вскоре после окончания иваново-вознесенской стачки узнали в редакции газеты «Пролетарий», выходившей тогда под руководством Владимира Ильича Ленина в Женеве. Корреспондент за подписью «Ю. Ю.» из Костромы в письме в редакцию от 5(18) августа 1905 года спрашивал: «Имеются ли у вас фотографии собраний ивановских рабочих на Талке? Если нет — напишите, вышлем. Очень интересные картины»[11].

Подтверждением того, что это письмо было получено, является ответ Н. К. Крупской от 25 августа (7 сентября): «Фотографических карточек ивановских рабочих у нас нет, пришлите»[12]. К сожалению, уточнить по документам, получила ли редакция «Пролетария» эти снимки, не удалось.

Такова история уникальных фотографий — ровесниц и свидетельниц рождения и деятельности первого в России Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов. Фотоснимки, как и бюллетени о ходе стачки, выпускавшиеся в те дни городской парторганизацией, были своеобразной формой пропаганды. Они не только помогали пополнять стачечную кассу, но и являлись действенным средством революционнго воспитания пролетариата Иваново-Вознесенска, всей России.

Уникальные фотографии 1905 года и фотоаппарат, при помощи которого они сделаны, сейчас хранятся в Центральном музее Революции СССР.

---

[1] См. публикации снимков в изданиях: 1905 год в Иваново-Вознесенском районе, 1925, с. 105, 109; Первый в России. Иваново-Воз-

несенский общегородской Совет рабочих депутатов 1905 г. в документах и воспоминаниях. М., 1975; Депутаты первого Совета. Биографии, документы, воспоминания. М., 1980, с. 10—11, 14—15.

[2] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 181, л. 8—9; Первый в России, с. 173—174.

[3] Там же, д. 329, л. 21; Первый в России, с. 180.

[4] Там же, д. 248, л. 26об.; Первый в России, с. 96.

[5] Там же.

[6] См. биографию Н. Д. Алексеева в кн.: Депутаты первого Совета, с. 105—107.

[7] Рабочий край, 1955, 25 мая.

[8] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 248, л. 18.

[9] Рабочий край, 1975, 27 апр.

[10] Материалы научной сессии Института истории Академии наук СССР совместно с общественными организациями гор. Иванова, посвященной 50-летию первой русской революции 1905—1907 гг. (г. Иваново, 8—9 июня, 1955 г.).— Доклады Института истории АН СССР. Вып. VIII. М., 1955, с. 68.

[11] ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, д. 257, л. 1—2.

[12] Там же, д. 462.

ПО СЛЕДАМ АРХИВА ПЕРВОГО СОВЕТА

Деятельность первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов стала яркой страницей революционного творчества пролетариата в период первой русской революции. Потому-то и важны здесь каждый штрих, каждая деталь.

Ныне мы располагаем обширным и разнообразным фактическим материалом о создании и деятельности первого Совета, собранным под одну обложку в документальном издании «Первый в России»[1], выпущенном в 1975 году издательством «Советская Россия».

В сборник вошла часть сохранившихся документов самого Совета — протокол первого организационного собрания, ряд постановлений и заявлений властям, бюллетени и листовки. Их дополняют переписка участников стачки и депутатов Совета с редакцией ленинской газеты «Пролетарий» и комитетами РСДРП других городов, публикации большевистских и буржуазных газет, сведе-

ния из жандармских архивов, воспоминания активных участников стачки и депутатов Совета. Все это в совокупности дает довольно полную картину его функционирования как органа революционной власти.

И все же приходится сожалеть о том, что в распоряжении историков нет многих подлинных документов Совета, в частности, большинства протоколов его заседаний. Где они? Этот вопрос стоит перед историками уже несколько десятилетий.

Попытки найти архив Совета предпринимались неоднократно в разные годы, но безуспешно. И все-таки, пока не будет неопровержимых свидетельств его гибели, поиск необходимо продолжать. Об одном из путей такого поиска и рассказывается в этом очерке.

ОЧЕВИДЦЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

О судьбе архива Совета существуют два свидетельства. Член партии с 1905 года Мария Константиновна Дианова в статье, опубликованной в 1925 году в сборнике «1905 год в Иваново-Вознесенском районе», ссылаясь на воспоминания участника стачки, парторганизатора одного из районов города Михаила Яковлевича Мулова, писала, что в 1904—1905 годах документы находились у руководителя Иваново-Вознесенской большевистской организации Федора Афанасьевича Афанасьева. «Партийный архив он хранил в корчаге, зарытой в земле в лесу за Боголюбовской слободой, по дороге к Кохме». На случай своего ареста он якобы указал это место М. Я. Мулову. «После «Отца»,— читаем дальше,— хранил архив «Странник» (С. И. Балашов), держал тоже зарытым в земле, в банке из-под ландрина. Когда во время Октябрьской революции хотели извлечь архив из земли, банка оказалась проржавевшей и все протоколы истлевшими: ценно, однако, то, что в руки жандармов архив не попал, так как это грозило полным разгромом организации...»[2]

А вот утверждение Тимофея Порфирьевича Гужова,

в 1905 году члена РСДРП, депутата Совета: «Городским районом руководил тов. Балашов. Собрания ответственных организаторов были на его квартире. В это время Федор Афанасьевич жил вместе с Балашовым... После одного собрания тов. Афанасьев оставил меня одного... и предложил мне сделать мой дом явочной квартирой для приезжих. Я дал согласие, и на меня возложено было еще хранение партийного архива... Архив... хранился у меня вплоть до Октябрьской революции, выдержал десятки обысков...»[3] По словам Т. П. Гужова, в архиве находилось несколько десятков номеров газет «Искра», «Вперед», брошюры, листовки и «письменные материалы ивановской стачки». Все это в 1918 году было вручено С. И. Балашову.

Как видим, сведения противоречивы. Очевидно, речь идет о разных частях архива партийной организации. Действительно, протоколы, списки членов и другие документы парторганизации за дореволюционный период не сохранились. Они могли погибнуть при обстоятельствах, сообщенных М. Я. Муловым. Что же касается материалов, перечисленных Т. П. Гужовым, то они после революции были переданы С. И. Балашовым на хранение в Ивановский партийный архив. Остается неясным, что имел в виду Т. П. Гужов под «письменными материалами ивановской стачки». Вполне возможно, что листовки и бюллетени местной группы РСДРП. Они тоже сохранились.

Интересны были бы свидетельства самого С. И. Балашова. Но в его воспоминаниях ничего об этом не сказано. Однако в партархиве сохранился малоизвестный документ более чем полувековой давности — копия письма истпартотдела Иваново-Вознесенского губкома партии от 3 мая 1922 года в Истпарт ЦК РКП(б), в котором говорится: «По сообщению одного из участников рабочего движения в нашей губернии тов. Балашова С. И. («Странника»), в 1906 году был послан в Центральный Комитет

нашей партии с тов. «Павлом Павловичем» (кличка) материал по истории забастовки 1905 года и нашего Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов. Были посланы все бюллетени Совета рабочих депутатов[4], листовки, брошюры, воззвания, комплект газет «Северный край», «Вечерняя почта», а также все *протоколы заседаний Совета рабочих депутатов* (выделено мной.— *В. Т.)* [Среди этих документов] была записка (письмо) министру внутренних дел с требованием Учредительного собрания за подписью 30 тысяч рабочих нашего города»[5]. В письме содержалась просьба сообщить, не сохранились ли эти документы. Однако отыскать их не удалось.

Но кто такой «Павел Павлович»? Какова его судьба? Доставил ли он бесценный груз адресату? Если нет, то куда девались эти документы?

ДВА ДНЯ «ПАВЛА ПАВЛОВИЧА»

Это имя связано с трагической страницей в истории текстильного края — черносотенными погромами в Иваново-Вознесенске в октябре 1905 года. Реакция жестоко мстила рабочим за их летнее выступление. 22 октября жертвой стал один из пионеров рабочего движения в России, выдающийся большевик-ленинец, ответственный секретарь местной большевистской организации Федор Афанасьевич Афанасьев. Находившийся вместе с ним «Павел Павлович» лишь случайно избежал гибели.

Он был приезжим, профессиональным революционером. Его появление в городе ткачей, вероятно, было связано с организацией Всероссийской политической забастовки. Пробыл он здесь недолго. Лишь немногие из иваново-вознесенцев знали его подлинное имя. Оно не названо даже такими видными партийными работниками 1905 года, как С. И. Балашов, А. В. Мандельштам, А. С. Самохвалов, Ф. Н. Самойлов и другие. Под псевдонимом «Павел Павлович» он значился в литературе более четырех десятилетий.

Чтобы раскрыть псевдоним, пришлось просмотреть многочисленные публикации участников событий 1905 года. Помогли работы ранних лет, ставшие библиографической редкостью. Самой первой, хотя и неполной, расшифровкой следует, вероятно, считать упоминание «Павла Павловича» как Попова в предисловии О. А. Варенцовой к книге воспоминаний Ф. Н. Самойлова, изданной в 1922 году[6]. В 1925 году краевед И. И. Власов в книге о Ф. А. Афанасьеве привел фамилию «Павла Павловича» уже с инициалами — И. П. Попов[7]. Других указаний о нем в печатных работах не нашлось.

Из воспоминаний иваново-вознесенских большевиков нам известно лишь о двух днях его работы в текстильном крае. 21 октября 1905 года он выступил на городском митинге, проходившем под председательством Ф. А. Афанасьева, с резкой критикой самодержавия и царского манифеста.

На следующий день «Павел Павлович» принял участие в демонстрации. Когда ее участники направились к тюрьме, находившейся в рабочем районе города — Ямы, чтобы добиться освобождения арестованных, он вместе с Ф. А. Афанасьевым, в качестве «парламентера» от рабочих, вел переговоры с преградившими им путь казаками. Член РСДРП с 1902 года, депутат первого Совета И. П. Косарев так пишет об этом эпизоде: «В третьем часу мы ушли с площади к тюрьме для освобождения арестованных товарищей. Из тюрьмы вышли Косяков и другие. Ананьина в «красной» тюрьме[8] не оказалось, и демонстрация направилась по Шереметьевской улице к ямской тюрьме... Около ямской тюрьмы стоял отряд казаков. Руководил демонстрацией «Павел Павлович». Фигура его встает живо в моем воображении. Человек высокого роста. Окладистая русая борода. Орлиный нос. Длинные волосы выбиваются из-под фуражки. В руке небольшой красный флажок. Он вступает в переговоры с казацким вахмистром. Последний, наведя справку, со-

общил, что Ананьина в ямской тюрьме нет. Тогда мы направились тем же путем на Талку...»[9]

К вечеру часть наиболее сознательных рабочих во главе с руководителями парторганизации собралась на левом берегу Талки. «На противоположном берегу,— рассказывает о дальнейших событиях И. П. Косарев,— появляется отряд казаков. Вахмистр кричит и просит выслать делегацию для переговоров... Идут парламентариями «Павел Павлович» и Федор Афанасьевич Афанасьев. Когда они подошли к казакам, последние окружили их кольцом. Вахмистр кричит, обращаясь к «Павлу Павловичу»:

— Ты говорил, что мы вас боимся и согласны идти с вами на компромисс? Давай теперь поговорим...

В это время от станции с пьяным криком бежит толпа черносотенцев...»[10]

Далее автор воспоминаний рассказал о том, как черносотенцами был убит Ф. А. Афанасьев и ранен «Павел Павлович», которого товарищи сначала отвели в находившуюся поблизости сторожку, а затем на носилках, наскоро сделанных из кольев и мешков, переправили на квартиру к фельдшеру фабрики Витовой, связанному с большевиками. До выздоровления «Павла Павловича» укрывали на конспиративной квартире, затем переправили в Ярославль, а оттуда в Кострому[11].

ЗА НИМ ОХОТИЛАСЬ ОХРАНКА

Сведения о дальнейшей судьбе «Павла Павловича» удалось отыскать в жандармских документах, из которых выяснилось, что в ночь с 11 на 12 сентября 1907 года И. П. Попов был схвачен охранкой во время массовых арестов активных работников Московского окружного комитета РСДРП[12]. При обыске на его квартире обнаружили нелегальную литературу и фотографии митингов рабочих на Талке и депутатов Иваново-Вознесенского Совета. Как уже рассказывалось ранее в одном из очер-

ков, этими фотографиями интересовалась редакция «Пролетария», что видно из письма Н. К. Крупской Северному комитету РСДРП от 25 августа 1905 года. Но о документах Совета в жандармских материалах не упоминалось.

Вторично И. П. Попов был задержан тоже в Москве в ноябре 1910 года на нелегальном собрании[13]. Полиция допустила тогда промах, освободив арестованных после ничего не давшего обыска. Однако через полгода охранка спохватилась. По запросу из Петербурга жандармский подполковник Турчанинов сообщал туда: «В начале 1911 года в отделении получены сведения, что поименованный И. П. Попов является одним из активных по 1905 году представителей Российской социал-демократической рабочей партии, работал в указанное время в партийном подполье в городе Иваново-Вознесенске и носил там партийный псевдоним «Павел Павлович». Начатые на основании изложенного розыски И. П. Попова оказались безрезультатными вследствие того, что он к указанному моменту уже успел скрыться из Москвы и, по слухам, выехал за границу»[14].

Через год Петербургское охранное отделение всполошилось снова, но, очевидно, тоже с опозданием. Его глава в письме от 19 апреля 1913 года срочно запрашивал Москву: «По имеющимся сведениям в Петербург месяца полтора тому назад приезжал из-за границы видный социал-демократ, который проживал в 1908 году в Москве по паспорту на имя Ивана Петровича Попова и был арестован... По тем же сведениям это лицо было известно в Иваново-Вознесенске, Костроме и Ярославле под кличкой «Павел Павлович»[15]. Далее запрашивались подтверждения этих сведений и фотография Попова.

Чем закончились эти хлопоты, установить не удалось. Оставалось загадкой — настоящая это или лишь «паспортная» фамилия революционера-профессионала.

На этом сначала и прервался мой поиск. Но однажды,

занимаясь в Центральном государственном архиве РСФСР по другой теме и просматривая документы участников революционного движения, случайно встретил в картотеке ничего не говорящую мне фамилию И. Д. Мордковича. А рядом с ней в скобках стояла другая — Попов. Это, конечно, привлекло мое внимание.

На другой день я с волнением раскрыл давно никем не смотренную папку с биографическими сведениями и воспоминаниями Израиля Давыдовича Мордковича (1882—1953)[16]. Из документов явствовало, что под псевдонимом «Павел Павлович» и под имепем Ивана Петровича Попова (по подложному паспорту) он вел партийную работу в Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске, Костроме, Ярославле. В 1917 году отошел от партийной работы, но в годы первой русской революции его революционная деятельность была активной и, как свидетельствуют документы, он был тесно связан с большевистским центром, выезжал в Женеву и Париж. Этот период его биографии в данном случае и представляет особый интерес.

Сообщая, что «Павел Павлович» увез материалы Совета в 1906 году, С. И. Балашов, к сожалению, не указал месяца. Не была ли отправка документов связана с приездом в тот же период В. И. Ленина из Женевы в Россию, с его пребыванием в Петербурге и Финляндии? Куда выехал «Павел Павлович» с этими документами для передачи ЦК партии? Каким был его путь? Задерживался ли он в то время охранкой? Может быть, и сейчас материалы первого Совета лежат в каком-либо архиве среди жандармских или следственных материалов? Все эти вопросы требуют ответа. Тем более что в автобиографии И. Д. Мордковича есть краткое упоминание о том, что именно в 1906 году он встречался в Петербурге с Владимиром Ильичем Лениным, Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой[17].

Ставшие известными факты и установление лица, при-

частного к отправке материалов в большевистский центр, заслуживают внимания всех, кто работает с историческими документами. Это открывает новые конкретные пути дальнейшего научного поиска документов первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов, указывает на необходимость расширения географии поиска, не ограничиваясь архивами Москвы, Ленинграда, Иванова, как это было раньше, включения в его сферу многих городов, в том числе, например, Ижевска, где в последние годы жил И. Д. Мордкович. Даже на первый взгляд незначительные новые факты из документов или мемуарных источников могут раскрыть судьбу ценнейших для изучения Советов 1905 года исторических материалов, а может быть, помогут и найти их.

---

[1] Первый в России. Иваново-Вознесенский общегородской Совет рабочих депутатов в 1905 г. в документах и воспоминаниях. М., 1975.

[2] 1905 год в Иваново-Вознесенском районе. Иваново-Вознесенск, 1925, с. 57.

[3] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 200, л. 3—8.

[4] Здесь автором письма допущена неточность: бюллетени издавались Иваново-Вознесенской группой Северного комитета РСДРП.

[5] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 597, л. 3.

[6] См.: Самойлов Ф. Н. Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении 1903—1905 гг. М., 1922, с. 6.

[7] См.: Власов И. И. Ткач Федор Афанасьев. Материалы для биографии. Иваново-Вознесенск, 1925, с. 49.

[8] Тюрьму называли «красной» по цвету здания, построенного из красного кирпича.

[9] 1905 год в Иваново-Вознесенском районе, с. 152.

[10] Там же, с. 153.

[11] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 75, л. 2об.

[12] ЦГАОР СССР, М 00, 1907 г., д. 2667.

[13] Там же, д. 1593, оп. 28, 1910 г., д. 1857.

[14] Там же, оп. 47, 1911 г., д. 292, л. 22об.

[15] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 340, л. 93.

[16] ЦГА РСФСР, ф. 539, оп. 3, д. 8129.

[17] Там же, л. 40об.

ДЕПУТАТ «МАКАРЫЧ»

В 1973 году в связи с 80-летием со дня рождения Владимира Маяковского в «Правде» была помещена корреспонденция М. Викторова[1]. Он рассказал о поступлении в государственный музей поэта в Москве воспоминаний члена партии с 1913 года Андрея Григорьевича Носкова. В этих воспоминаниях говорилось о нелегальной встрече с Маяковским в 1908 году иваново-вознесенского большевика. Естественно, захотелось узнать: кто же это был?

ПРОПАГАНДИСТ «ТОВАРИЩ КОНСТАНТИН»

Известно, что Владимир Маяковский рано включился в революционное движение. В 1908 году, пятнадцати лет, он был принят в РСДРП и с этого времени, оставив московскую гимназию, целиком отдался подпольной деятельности. В скупых строках его автобиографии читаем: «...Пропагандист. Пошел к булочникам, потом к сапожникам и наконец к типографщикам... Звался «товарищем Константином»[2].

В одном из кружков, руководимых Маяковским, занимался и А. Г. Носков. Поясняя приведенные выше строки поэта, он пишет: «Пошел к булочникам...» — это он про рабочих пекарни Филиппова. Я там служил подручным, вступил в подпольный кружок большевиков. Собирались каждую неделю. Сначала вела занятия курсистка Валя. Контакта со слушателями у нее не получилось. Рабочие стеснялись ее красоты и молодости. Перелом произошел зимой 1908 года — к нам пришел новый пропагандист: высокий, худощавый, в темной косоворотке, лицо открытое, мужественное, звонкоголосый...»[3]

Это был Владимир Маяковский. От него тогда многие рабочие впервые услышали о В. И. Ленине; «Константин» приохотил многих к чтению нелегальной литературы. В новом руководителе, несмотря на его молодость, чувствовалась основательная подготовка, начитан-

ность, что делало занятия глубокими и интересными. «Это были своеобразные уроки,— продолжает Андрей Григорьевич,— на которых мы овладевали азами марксизма, постигали науку о нашей партии. Одно из занятий «товарищ Константин» посвятил Карлу Марксу в связи с 25-летием со дня его смерти. Пропагандист разъяснил нам основные положения «Коммунистического манифеста», смысл лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»[4].

Нравилось слушателям, как их руководитель вдохновенно читал революционные стихи, особенно горьковские «Песню о Буревестнике» и «Песню о Соколе». Однако занятия вскоре прервались из-за ареста Маяковского.

Близким же знакомством с поэтом А. Г. Носков обязан случаю. Андрею Григорьевичу вместе с кружковцем Александром Дроздовым было поручено охранять нелегальное собрание в Глинищевском переулке (ныне ул. Немировича-Данченко), на котором предполагалось создать партийную организацию булочников Москвы.

Председателем собрания был «товарищ Константин», вырвавшийся на свободу. Только он начал речь, как раздался сигнал: жандармы! Носков и Дроздов тотчас подбежали к высокому забору и, подставив спины, образовали своеобразный помост, вскочив на который «товарищ Константин» легко взобрался на крышу соседнего дома и скрылся.

Следующая встреча состоялась уже после победы Великого Октября. Андрей Григорьевич вместе с несколькими товарищами по марксистскому кружку, в числе которых был и Александр Дроздов, пришли на поэтический диспут, где выступал и Маяковский. Он узнал своих «спасителей». Разговорились. Поэт живо интересовался судьбой «студентов»-подпольщиков. А потом рассказал о случае, который произошел с ним самим.

...Было это в 1908 году. Московский комитет партии поручил В. В. Маяковскому встретиться с делегатом от

большевиков Иваново-Вознесенска, нелегально прибывшим в город. Встреча была назначена в кафе Филиппова на Тверской улице (ныне ул. Горького). Филеры пронюхали о важном свидании, проследили, куда держит путь «Высокий» (так Маяковский значился у охранки). И вот в кафе нагрянула полиция. Но тех, кто их интересовал, и след простыл. Товарищ вывел их черным ходом во двор и с помощью кладовщика спрятал в подвале среди бочек с патокой.

— Измазались мы тогда с ивановским текстильщиком, как черти,— продолжал свой рассказ Маяковский.— После год не мог терпеть сладкого.— И шутливо добавил: — Вот теперь бы так, когда нет сахара. Лизал бы рукав пиджака и пил бы чаи в свое удовольствие...[5]

Чтобы узнать, кто же из ивановских большевиков встречался с поэтом, я послал запросы в музей и в редакцию «Правды». Ответы были неутешительные. В одном из них прямо говорилось: «Не знает об этом и Андрей Григорьевич Носков». Все же я решил обратиться к Андрею Григорьевичу с просьбой подробнее вспомнить все, что рассказывал Маяковский об этом эпизоде.

Разыскал нужный адрес, долго ждал ответа. Позднее выяснилось, что к этому времени А. Г. Носков сменил место жительства, и лишь благодаря заботе бывших соседей письмо нашло адресата. Полученный ответ еще раз подтвердил исключительную ценность воспоминаний ветеранов партии.

Андрей Григорьевич написал: «Был бы всемерно рад помочь вашей просьбе, но мои возможности ограничены: во-первых, факт был весьма давно; во-вторых, сам я лично с представителем ивановских большевиков не встречался, а передаю о имевшемся свидании со слов Маяковского». А дальше в письме сообщалась важная деталь: «Насколько помнится, говоря о встрече с ивановским товарищем, Маяковский называл его или Макаров или Макарыч...»

Можно только удивляться памяти старого партийца, которому к этому времени было за семьдесят пять!

Этого сообщения оказалось достаточно, чтобы по архивным материалам определить настоящее имя посланца иваново-вознесенских большевиков. Это был один из пионеров рабочего движения, депутат первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета 1905 года Константин Макарович Макаров, имевший подпольную партийную кличку «Макарыч»[6].

ЛИШЕННЫЙ СВОЕГО ИМЕНИ

Его жизненный путь — яркий пример пути рабочего-революционера в царской России.

Родился К. М. Макаров в 1867 году в деревне Залесье Кочневской волости Шуйского уезда Владимирской губернии в семье работницы Прасковьи Коротковой, муж которой, Петр Коротков, находился на военной службе еще с времен Николая I. Когда Косте было полтора года, мать, задавленная горем и нуждой, умерла. Его вместе с пятилетним братом взяла на воспитание двоюродная сестра Варвара Фролова. Чтобы прокормить малышей, она с утра до вечера работала дома на ручном ткацком станке. Когда Косте исполнилось восемь лет, его отдали на иваново-вознесенскую фабрику Зубкова с жалованьем 3 рубля в месяц. На работу его приняли по записке деревенского старосты, в которой он значился Константином Петровичем Коротковым.

На фабрике он проработал четыре года, затем еще шесть лет на двух других предприятиях. А в восемнадцать лет ему пришлось расстаться с привычными фамилией и отчеством. Случилось это при попытке устроиться учеником ткача на фабрику «Компания». Для этого было необходимо получить свидетельство о рождении из городской мещанской управы. И ему, как «незаконнорожденному», дали там отчество по крестному отцу, а затем из отчества вывели и фамилию. Так Константин Петро-

вич Коротков стал Константином Макаровичем Макаровым.

Во время призыва на воинскую службу начальство рассудило по-своему, записав новобранца под двойной фамилией: Фролов-Макаров.

Направили его во Владимир, в музыкальную команду пехотного полка. Прослужив месяц, он написал рапорт об оскорблениях новобранцев, задержке с выдачей им обмундирования, плохом питании. Рапорт начальством был задержан, а Макарова арестовали на 20 суток.

Менее чем через год полк расформировали. Часть солдат демобилизовали, в их числе оказался и Макаров. Он вернулся в Иваново-Вознесенск, поступил ткачом на фабрику «Зарядье». Вновь потянулись дни и годы каторжного труда, бесправия и лишений. Но это было и время его становления как революционного борца. В городе тогда начали создаваться первые марксистские кружки, объединившиеся в 1895 году в «Рабочий союз». На фабрике появилась нелегальная революционная литература.

Постепенно Константин сблизился с членами «Рабочего союза», а с 1896 года стал участвовать в его работе. Отныне и навсегда он связал свою судьбу с революционным движением.

В декабре 1897 года в Иваново-Вознесенске состоялась первая всеобщая стачка. В ней участвовало 15 тысяч рабочих. Руководили стачкой члены «Рабочего союза». Каждый из них встал во главе рабочих своего предприятия: Константин Макаров и Александр Жаров — на «Зарядье», Дмитрий Яшин — на дербеневской фабрике, К. Н. Отроков — на гандуринской.

Теоретически наиболее подготовленными к борьбе были Константин Отроков и Дмитрий Яшин. Это они составили требования бастующих к фабрикантам. Но особой решительностью с самого начала стачки отличался Макаров. Он первый призвал своих товарищей прекратить работу. Во главе с ним рабочие фабрики «Зарядье»

первыми двинулись на городскую площадь. Здесь «Макарыч» от имени бастующих изложил хозяевам коллективные требования.

В тот же вечер власти попытались арестовать опасного «смутьяна», но безуспешно. Макаров с самого начала стачки дома не появлялся: днем вел агитацию среди бастующих, а ночь проводил на квартирах товарищей.

После ареста Отрокова и Яшина стачку возглавил «Макарыч». Его выступления перед рабочими еще не отличались политической зрелостью, но на данном этапе борьбы они были ценны открытым призывом к борьбе с эксплуататорами, верой в силу пролетарского единения.

— Как мы дружно вышли, так все, дружно, и на работу пойдем,— говорил он во время одного из выступлений.— Тогда, когда все наши требования будут удовлетворены. Нет нам защиты ни от начальства, ни от фабрикантов. Мы сами себя только можем защитить крепкой спайкой... Только продолжением забастовки мы можем заставить хозяев пойти на уступки и удовлетворение наших требований. Мы знаем, что за руководство рабочими будем арестованы, но мы смело идем впереди, жертвуя собой на благо рабочих[7].

После окончания стачки Константин Макарович был арестован и четыре месяца провел в заключении. Вернувшись из тюрьмы, он снова активно включился в революционную работу. В 1901 году полиция схватила его во время распространения листовок. Три месяца длилось следствие, а затем «по высочайшему повелению» его приговорили к шести месяцам каторжной тюрьмы. Он отбывал их в петербургских «Крестах».

После освобождения за Макаровым был установлен полицейский надзор. Как «неблагонадежный» он с трудом устроился ткачом на фабрику Бакулина. Здесь работали старые друзья по подполью — Евлампий Дунаев и Матрена Сарментова. При их содействии Макаров снова включился в партийную работу.

ВО ИМЯ РЕВОЛЮЦИИ

Наступил 1905 год. Михаил Яковлевич Мулов, являвшийся тогда партийным организатором одного из районов города и членом Иваново-Вознесенской группы РСДРП, в своих воспоминаниях писал, что еще зимой К. М. Макаров несколько раз приходил к нему и говорил, что пора начинать забастовку, что революционное брожение среди рабочих с каждым днем растет и возможны стихийные выступления на отдельных предприятиях. Этот вопрос обсуждался на заседании городской большевистской организации. Были заслушаны сообщения районных организаторов о настроениях рабочих каждой фабрики. Поскольку, однако, всеобщую стачку в зимнее время провести было трудно, решили отложить ее до весны, а имеющееся время максимально использовать для подготовки[8].

Как уже говорилось, всеобщая политическая стачка иваново-вознесенских рабочих началась 12(25) мая. Городская партконференция, состоявшаяся накануне, постановила, что первыми поднимутся рабочие фабрики Бакулина, где наиболее крепкая парторганизация. Как и во время стачки 1897 года, «Макарыч» первым подал товарищам сигнал о прекращении работы. Выводить текстильщиков из цехов ему помогала М. П. Сарментова («Марта») и другие партийцы. Во дворе фабрики во главе бастующих встал Евлампий Дунаев.

Когда начались выборы в Совет рабочих депутатов, имя «Макарыча» было названо одним из первых. О его роли во всеобщей стачке член партии с 1902 года В. П. Кузнецов писал: «Макарыч» был боевым солдатом первой русской революции. С момента возникновения всеобщей стачки до ее конца он ни одной ночи не ночует на квартире: Талка с темным лесом, деревни, сараи — вот что было его жилищем... Он дает отпор полиции, разоблачает шпиков и доносчиков. Мятежный дух сидел в груди «Макарыча»[9].

После окончания стачки К. М. Макарова несколько раз арестовывали, но дружные выступления рабочих в защиту своего депутата вынуждали власти освобождать его. Когда 6 октября полиция арестовала М. П. Сарментову, Макаров, в свою очередь, организовал на фабрике стачку протеста, после чего «Марту» выпустили на свободу и она вернулась на предприятие.

В период разгула черной сотни в конце октября 1905 года «Макарыч» по решению городского комитета партии уехал из города, но ненадолго. По возвращении хозяева постоянно придирались к нему, увольняли. С трудом удавалось вновь найти работу. Но и в этих условиях К. М. Макаров продолжал революционную работу. Одним из ее эпизодов и стала встреча с В. В. Маяковским.

Изучение документов позволяет утверждать, что эта встреча состоялась в связи с проведением в Иваново-Вознесенске в начале марта 1908 года городской партийной конференции. Очевидно, К. М. Макарову, посланному в Москву, было поручено встретиться с представителем Московского комитета РСДРП, согласовать с ним программу конференции и договориться о приезде на нее представителя областного бюро ЦК РСДРП.

Конференция состоялась 8 марта 1908 года в деревне Авдотьино близ Иваново-Вознесенска. На ней присутствовали и представители из Москвы, выступившие с докладами о деятельности Центрального Комитета партии и о профессиональном движении в России[10].

В этот период как в Иваново-Вознесенске, так и в Москве были проведены многочисленные обыски и аресты. На одной из московских квартир полиция обнаружила копию протокола иваново-вознесенской конференции[11]. В жандармских сетях 29 марта 1908 года оказался и Владимир Маяковский. В его автобиографии об этом имеется запись. К сожалению, очень краткая: «Нарвался на засаду в Грузинах. Наша нелегальная типография. Ел блокнот. С адресами и в переплете...»[12].

* * *

О дальнейшей жизни и деятельности К. М. Макарова в дореволюционный период сведений сохранилось немного. Известно, что летом 1915 года он участвовал в организации политических выступлений в Иваново-Вознесенске. В 1916 году работал на фабрике Зубкова, готовил забастовку подмастерьев, но неудачно. Его вместе с женой уволили с работы. Они переехали в Шую. Там его и застали революционные события 1917 года. Рабочие избрали его в фабричный комитет. После победы Великого Октября Константин Макарович работал в Шуйской чрезвычайной комиссии, затем в отделе социального обеспечения. В 1919 году возвратился в Иваново-Вознесенск, был на хозяйственной работе, одновременно вел и партийную. Умер в 1929 году[13].

В воспоминаниях К. М. Макарова, написанных в 1925 году, есть такие слова: «Всю жизнь и скудные свои пожитки — все пожертвовал на благо революции. Горжусь тем, что достоин звания иваново-вознесенского рабочего»[14]. В этих словах концентрированно отражен революционный подвиг «Макарыча».

---

[1] Викторов М. Звался «товарищем Константином».— Правда, 1973, 15 июля.

[2] Маяковский В. В. Собр. соч. в 12-ти т., т. 1. М., 1978, с. 49.

[3] Правда, 1973, 15 июля.

[4] Там же.

[5] См. там же.

[6] Революционеры текстильного края. Ярославль, 1980, с. 176—178; Депутаты первого Совета. Биографии, документы, воспоминания. М., 1980, с. 193—196.

[7] ПАИО, ф. 282, оп. 3, д. 858, л. 8об—9.

[8] См.: 1905 год в Иваново-Вознесенском районе. Иваново-Вознесенск, с. 71—72.

[9] ПАИО, ф. 282, оп. 3, д. 858, л. 2.

[10] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 334, лл. 3—7, 55.

[11] Там же, д. 333, лл. 15—21, 32—33.

[12] Маяковский В. Собр. соч. в 12-ти т., т. 1, с. 50.

[13] Рабочий край, 1929, 16 нояб.

[14] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 858, л. 6об.

ЗАЩИЩАЯ ЗАВОЕВАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

СВЯЗНОЙ РЕВКОМА

За окном промелькнуло название станции: «Петровское». Поезд остановился. Пожилой мужчина, к которому я обратился, показал рукой в сторону одного из домов соседней улицы: «Гусевых у нас в поселке много, только нужен вам, наверное, Прокопий Павлович. Так ведь?»

Через несколько минут в доме уже шла беседа. Анна Климовна, хозяйка дома, достала из заветного шкафчика бережно хранимую переписку мужа, документы, фотографии. Они дополнили скромный рассказ Прокопия Павловича.

ПОДАРОК КОМИССАРА

...Однажды на квартиру Гусевых почтальон принес бандероль. В ней оказалась книга — «Донесения комиссаров Петроградского Военно-Революционного Комитета»[1]. На титульном листе от руки было написано: «На память Прокопию Павловичу Гусеву о совместном штурме Зимнего. Я. М. Рудник».

О многом напомнил этот подарок Прокопию Павловичу. Не раз перечитывал он лаконичные строки экстренных донесений, написанных комиссаром ВРК Рудником в октябрьские дни 1917 года, а теперь напечатанных в книге[2]. Здесь были и сообщения о действиях полка, в котором служил Прокопий Павлович. Именно он доставлял эти документы в штаб революции — Смольный.

Было это так. Летом 1917 года П. П. Гусев служил в Финляндском резервном полку, размещавшемся на Васильевском острове[3]. Полк находился на казарменном положении, за революционно настроенными солдатами установили слежку. Иногда полк выстраивали на плацу.

Солдаты уже заранее знали: барон Клодт снова будет призывать к поддержке правительства Керенского, к войне до победного конца...

События в Петрограде развивались стремительно. В ночь на 21 октября Военно-революционный комитет Петроградского Совета назначил комиссаров во все воинские части города и его окрестности. В Финляндский полк прибыл комиссар ревкома Яков Матвеевич Рудник, который стал готовить полк к выступлению в поддержку большевиков. С этого времени приказы и распоряжения по полку без подписи комиссара были объявлены недействительными.

Близились решающие бои. Днем 25 октября в полку был выделен ударный батальон и два взвода пулеметчиков. Хорошо вооруженные, в полном боевом порядке, они прибыли к штабу и получили задание Петроградского ревкома двигаться к Зимнему для участия в его штурме[4].

Через некоторое время финляндцы заняли позиции в Александровском парке напротив Зимнего. Последний оплот Временного правительства был окружен кольцом вооруженных солдат, рабочих и матросов. Поздно вечером раздался залп «Авроры», возвестивший о начале штурма. Среди штурмующих был и пулеметчик Финляндского полка П. П. Гусев.

ВСТРЕЧА С ИЛЬИЧЕМ

В ночь с 25 на 26 октября Временное правительство пало. Воинские части и рабочие организации направили в Смольный связных. Связным Финляндского полка был назначен П. П. Гусев.

Хорошо запомнилось Прокопию Павловичу то утро — первое утро вооруженного восстания, первое утро Советской власти. Имея пропуск, он беспрепятственно прошел по революционному Петрограду до Смольного. Вся площадь перед Смольным была запружена вооруженными

людьми. На широком, изрытом колесами и утоптанном тысячами ног огромном дворе горели костры, подъезжали грузовики с солдатами и матросами, с тяжелым грохотом подвозили орудия. Вход в здание преграждали патрули. Один из них, посмотрев пропуск Гусева, посторонился:

— Проходи, браток.

...В те дни в Петрограде тысячи людей называли имя Ленина, в Смольном — тоже. И каждый, кто был здесь, конечно, хотел увидеть Ильича. Не знал тогда суздальский крестьянин Гусев, что ему посчастливится не только увидеть Ленина, но и беседовать с дорогим вождем.

Однажды Гусев, как обычно, доставил пакет. В Смольном связного принял Бонч-Бруевич, затем проводил его в одну из комнат, где находились связные из других полков. Попросил подождать.

Вот как рассказал о том, что было дальше, Прокопий Павлович: «В комнате нас было человек шесть-восемь. Шел оживленный разговор о событиях последних дней, о штурме Зимнего дворца. Разговорились и не заметили, как в комнату вошел человек невысокого роста, поздоровался. Никто из нас до этого не видел Владимира Ильича, и на вошедшего особого внимания не обратили. Он подсел к одному из солдат и, улыбнувшись, начал о чем-то расспрашивать. Затем подошел к другому... Дошла очередь и до меня, но тут вошел Бонч-Бруевич и сказал:

— Владимир Ильич, вас к телефону.

Вот тут только мы и поняли, кто с нами разговаривал. Сразу поднялся шум, начались расспросы... Уходя, Владимир Ильич сказал, что скоро нас пригласят на заседание...»[5]

Действительно, через несколько минут дежурный красногвардеец пригласил связных в зал заседаний ВЦИКа. Здесь П. П. Гусев слушал выступление Владимира Ильича.

Когда вернулся в полк, доложил обо всем комиссару

Руднику. Потом не раз рассказывал об этой встрече с Лениным своим товарищам.

В ноябре 1917 года Прокопий Павлович Гусев вместе с пулеметчиками полка охранял Центральный государственный банк, участвовал в подавлении мятежа Керенского — Краснова, разоружал белоказаков в Гатчине, разгонял контрреволюционные демонстрации на Литейном мосту.

В начале 1918 года он ненадолго приехал домой и был назначен волостным военным комиссаром. В октябре по призыву партии П. П. Гусев ушел добровольцем защищать молодую Советскую республику — был инструктором пулеметного дела, возглавлял команду пулеметчиков 1-го Тульского стрелкового полка, участвовал в боях против белополяков и казачьих банд на Украине.

Только через пять лет смог он вернуться домой. Снова взялся Прокопий Павлович за нелегкий крестьянский труд. Вступил в партию. Односельчане избрали его председателем сельсовета, а в 1929 году стал П. П. Гусев первым председателем колхоза «Всходы».

В 1941 году Прокопий Павлович Гусев, несмотря на то что возраст его был уже не призывным, на второй день после нападения фашистской Германии на нашу страну пришел в райком партии и записался добровольцем. Он направился на фронт в составе первого Ивановского коммунистического отряда. О славном боевом пути участника штурма Зимнего говорят его многочисленные награды и благодарности Верховного Главнокомандования. С боями П. П. Гусев дошел до Берлина, участвовал в штурме рейхстага...

После ухода на пенсию П. П. Гусев долгое время возглавлял совет пенсионеров. Хор ветеранов труда, созданный по инициативе Прокопия Павловича, на смотрах художественной самодеятельности не раз был назван лучшим в районе. В год 50-летия Великого Октября Про-

копий Павлович был отмечен высокой наградой — орденом Ленина.

Будучи уже тяжело больным, в 1969 году он прислал в партийный архив воспоминания о встрече с Ильичем, о самом памятном и дорогом в своей жизни[6].

---

[1] Донесения комиссаров Петроградского Военно-Революционного Комитета. М., 1957.

[2] См. там же, с. 95—97, 100.

[3] Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 17/л, дд. 444а, 444б, 498.

[4] ПАИО, ф. 282, оп. 1, д. 370, л. 5.

[5] Там же, лл. 5—6; Сельская правда (Гаврилов-Посад), 1965 г., 21 апр.

[6] Там же, лл. 5—7.

КРАСНЫЙ КОМИССАР

«Тот, кто носит на своей груди этот высокий знак отличия, должен знать, что он из среды равных выделен волей трудящихся масс, как достойный и наилучший из них...» Это строки из памятки награжденным орденом Красного Знамени. Они относятся и к большевику-подпольщику Александру Яковлевичу Громову, который в начале двадцатых годов был военным комиссаром Кинешемского уезда, а затем губернским комиссаром в Иваново-Вознесенске. Отсюда ушел он добровольцем вместе с коммунистами-текстильщиками на подавление Кронштадтского мятежа и за проявленное мужество был отмечен орденом Красного Знамени.

До недавнего времени о А. Я. Громове было известно немногое. Материалы, обнаруженные в архивах, дают возможность подробнее рассказать о жизни, о борьбе самоотверженного большевика.

СЫН ПОЛКА

Наверное, многое так бы и осталось неизвестным, не сохранись письмо от 2 ноября 1927 года. В левом верхнем

углу его штамп Ярославского губернского исполнительного комитета, справа — адресат: «Во ВЦИК. Спешной почтой». В документе изложена биография Громова[1].

Он родился в глухой деревушке Тверской губернии. Горькая крестьянская доля заставила родителей переехать в Петербург; отец поступил работать на завод. Но лучше не стало: в доме снова поселилась нужда. Так продолжалось несколько лет, потом пришла беда: сначала умер отец, а через несколько месяцев, не перенеся горя, умерла и мать. Маленький Саша Громов остался один в чужом городе. Некоторое время его содержали соседи, а когда мальчику исполнилось семь лет, местные власти определили сироту в Финляндский артиллерийский полк.

Больше десяти лет жил Александр солдатской жизнью, рано испытал на себе муштру, издевательства «господ офицеров».

Естественное стремление бороться с нуждой привело его в партию большевиков. В ее ряды вступил он в августе 1912 года. Было тогда Александру Громову 20 лет. Уже зимой последовал первый арест за распространение нелегальных прокламаций. Больше года просидел Громов в петербургской тюрьме. А тут началась мировая империалистическая война. Прямо из заключения «неблагонадежного» отправили в действующую армию.

До конца 1916 года был Громов на передовой, но и в окопах продолжал вести подпольную партийную работу среди солдат. Февральская революция застала его в Ярославле, рядовым 209-го пехотного полка. Он стал инициатором создания полкового революционного комитета и Совета солдатских депутатов. Как большевик, Громов был выдвинут товарищами в городскую думу, где он активно выступал против меньшевиков и эсеров.

Когда в Петрограде вспыхнуло Октябрьское вооруженное восстание, Громов был председателем полкового комитета. Под его руководством полк сразу же встал на сторону Советской власти. Однако обстановка в Ярослав-

ле оставалась сложной. Меньшевики и эсеры организовывали контрреволюционные вылазки. В те дни Громов пережил много бессонных ночей, выполняя экстренные поручения партии по борьбе с врагами революции.

В ЧЕРНЫЕ ДНИ ЯРОСЛАВЛЯ

В ночь с 5 на 6 июля в Ярославле вспыхнул белогвардейский мятеж. На рассвете белобандиты ворвались в гостиницу «Бристоль» и арестовали советских работников, в том числе председателя губисполкома и комиссара военного округа С. М. Нахимсона. Нахимсон был сразу же расстрелян. Затем белогвардейцы направились на квартиру председателя горисполкома Д. С. Закгейма и тоже убили его. 109 самых активных коммунистов и беспартийных рабочих, арестованных мятежниками, были посажены на баржу, вывезены на середину Волги и обречены на голодную смерть.

Расправившись с руководителями Советской власти в городе, белогвардейцы торопливо расклеили «Приказ № 1», подписанный их главарем Перхуровым, который объявил себя военным диктатором.

В то время как в центре города зверствовали перхуровцы, рабочие пролетарских окраин под руководством большевиков организовывали отпор контрреволюции.

Отрядами рабочих на станции Всполье руководил уездный военный комиссар Громов, создавший здесь штаб красных отрядов. Спешно на паровозе Громов послал в Рыбинск за помощью матроса с письмом. Одновременно по распоряжению Громова 12 кавалеристов заняли вокзал и восстановили с ним связь. Была дана радиограмма «Всем, всем, всем. В Ярославле мятеж, шлите отряды...»[2]

В то же утро красноармейцы во главе с Александром Громовым отбили у белогвардейцев артиллерийский склад. Орудия были установлены на Туговой горе, откуда было удобно вести огонь не только по нападавшим белогвардейцам, но и по центру города, занятому перхуров-

цами. Вечером в штабе Московского военного округа приняли первую оперативную сводку из Ярославля: «Лучшие люди Ярославля — большевики, красногвардейцы, рабочие отбили первое нападение белогвардейских банд». Сводку передал Громов.

На следующий день с утра снова вспыхнули бои. Этот день был для Громова особенно тяжелым. Он по-прежнему руководил отрядом, наступавшим по направлению к Сенной площади, где сосредоточивались главные силы противника. Мало кто знал, что на Пошехонской улице, около площади, находилась квартира Громова и что он в те дни ждал первенца.

Комиссар уверенно руководил боем. Продвижению красногвардейцев мешал сильный пулеметный огонь. Белогвардейцы вели обстрел с чердаков дома. Яростно работал пулемет из здания, находившегося рядом с домом Громова. Надо было уничтожить его. Громов отдал приказ сосредоточить огонь на этом доме. Скоро тот загорелся. Потом огонь перекинулся на дом, в котором находилась квартира Громова. Как раз в это время у его жены начались роды. Соседи перенесли ее в здание через дорогу... Но огонь вспыхнул и там, обрушился потолок. Люди, пришедшие на помощь, смогли спасти только жену Громова, не успев спасти новорожденного... Громов видел пламя на своем доме, но долг коммуниста был для него превыше всего.

В первые же дни мятежа белогвардейцы захватили мост через Волгу, имевший важное стратегическое значение. Необходимо было отбить его. От пленного Громов узнал, что белые решили взорвать мост и ведут работы по закладке взрывчатки.

— Нельзя допустить взрыва! — с этой мыслью комиссар готовил атаку. На помощь отряду Громова пришли иваново-вознесенские и кинешемские рабочие, прибывшие в Ярославль. В упорной схватке мост был отбит и спасен. За личную отвагу, проявленную в боях с бело-

гвардейцами, Александр Громов был награжден Почетной грамотой ВЦИК.

Мужество комиссара было отмечено председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским. В статье, опубликованной 21 августа 1918 года в газете «Известия», он писал: «Нужно отдать справедливость тов. Громову, который благодаря упорной борьбе отстоял, несмотря на все трудности, мост через Волгу и не дал возможности противнику продвинуться, а также установил связь с Московским вокзалом»[3].

16 дней продолжался мятеж. Все эти дни Александр Яковлевич Громов сражался против белогвардейцев. После подавления мятежа он был назначен комендантом узловой станции Всполье и членом ревкома, принимал все необходимые меры для ликвидации мятежа.

НА КРОНШТАДТСКОМ ЛЬДУ

В 1919 году Громову было поручено новое ответственное задание. Он руководил операцией по ликвидации банды «зеленых», действовавшей в Ярославской губернии. Эта задача была выполнена успешно и в короткий срок. Затем А. Я. Громов назначается комиссаром сначала Ярославского, а затем Иваново-Вознесенского губвоенкоматов[4].

1921 год застал Громова в Иваново-Вознесенске. В это время вспыхнул мятеж в Кронштадте. Проходивший в то время X съезд партии призвал коммунистов на разгром гнезда контрреволюции. Громов не мог остаться в стороне. В документах говорится, что «А. Я. Громов, будучи иваново-вознесенским губвоенкомом, во время мобилизации активных работников, согласно своего личного желания, был отправлен 11 марта 1921 года под Кронштадт, где и проявил героизм при взятии этой крепости»[5].

В ночь с 16 на 17 марта 235-й Невельский стрелковый полк сосредоточился на исходном рубеже за Ораниенбаумом. Среди бойцов был и А. Громов. В час ночи

красные части вступили на лед Финского залива. Начался штурм. Белые открыли по наступающим артиллерийский огонь. Взвод Громова тоже попал под обстрел, многие бойцы упали, сраженные вражеским огнем. Остальные продолжали наступление. В атаку их вел иваново-вознесенский комиссар.

На следующее утро крепость была взята. При ее штурме погибло много красных бойцов. Погибшим считали и Громова. Многие видели, как он упал неподалеку от разорвавшегося снаряда.

Его нашли лежащим без сознания на краю большой полыньи. Одна рука комиссара безжизненно свисала в воду, а на его теле санитары обнаружили восемь тяжелых ран.

Александр Яковлевич Громов выжил. Снова возвратился в Иваново-Вознесенск, потом в Ярославль. Состояние здоровья заставило его оставить военную службу. При демобилизации командование специальным приказом объявило А. Я. Громову благодарность за «особые заслуги перед революцией», а несколько позднее Громов был награжден орденом Красного Знамени[6].

---

[1] ГАИО, ф. 1510, оп. 1, д. 5751, л. 118—119; ПАИО, ф. 283, оп. 1, д. 114, л. 19.

[2] Из истории ярославского белогвардейского мятежа, сб. 2. Ярославль, 1922, с. 29; Галкин В. А. Разгром белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 году. Ярославль, 1939, с. 37.

[3] Известия ВЦИК, 1918, 21 авг.

[4] ГАИО, ф. 1510, оп. 1, д. 5751, л. 122.

[5] ПАИО, ф. 283, оп. 1, д. 114, л. 22.

[6] Там же, л. 19; Рабочий край, 1957, 26 окт.; Смирнов И. Золотая гора. Ярославль, 1976, с. 96—112.

НАПУТСТВИЕ ВОЖДЯ

Имя Марии Алексеевны Шустовой хорошо известно ивановцам. Дочь революционера-подпольщика Алексея Федоровича Калашникова, рабочая одной из ткацких

фабрик, она пошла по пути отца: в марте 1917 года вступила в члены большевистской партии и принимала активное участие в свершении Великой Октябрьской социалистической революции. В этот же период Мария Алексеевна становится одним из организаторов и руководителей Иваново-Вознесенского «Союза солдатских жен». Затем в течение почти трех десятилетий работала в губернском и центральном аппарате органов охраны материнства и младенчества. Советское правительство отметило ее труд орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями, знаком «Отличник здравоохранения»[1].

76 лет прожила эта замечательная женщина — беззаветная революционерка и труженица. Многими памятными событиями богата ее жизнь, но самыми незабываемыми были те, что связаны с именем Ленина.

Известно, что вопросы охраны женского труда, охраны материнства и здоровья детей выдвигались рабочими всех стран на протяжении всей истории рабочего движения. На II съезде РСДРП они по предложению вождя были внесены в Программу партии и с тех пор стали неотъемлемой частью борьбы пролетариата.

С победой Октябрьской революции Советское государство положило начало огромной работе по охране здоровья и воспитанию подрастающего поколения.

Уже на второй день после революции народный комиссар просвещения А. В. Луначарский выступил с программой перестройки школы, которая предусматривала всеобщее и обязательное начальное бесплатное образование, общедоступность школы всех ступеней. На третий день Советской власти была образована Государственная комиссия по просвещению. На пятый день была объявлена развернутая программа социального страхования рабочих и работниц в условиях пролетарского государства, где с особой силой подчеркивалась необходимость государственной и всенародной охраны материн-

ства и младенчества. Женщинам был установлен оплачиваемый отпуск по беременности и родам.

В это же время в Наркомпросе был организован специальный отдел по охране материнства и младенчества, которому поручено развернуть сеть детских учреждений, чтобы помочь женщине совмещать материнство с общественно полезным трудом без ущерба для здоровья матери и ребенка и организовать подготовку врачей и сестер для работы в детских учреждениях. С этой целью в Москве были открыты девятимесячные курсы.

* * *

В начале сентября 1918 года заведующая отделом охраны материнства и младенчества Иваново-Вознесенского губсобеса Софья Алексеевна Фрунзе пригласила Шустову и предложила ей поехать учиться[2]. Предложение было неожиданным, и Мария Алексеевна сначала не нашлась что ответить, а потом сказала: «Учиться я очень хочу, но у меня двое маленьких детей, муж погиб на фронте, и мне их не с кем оставить».

Софья Алексеевна посоветовала отдать детей в детский дом, обещала взять над ними шефство и добавила, что это предложение городского комитета партии нужно считать мобилизацией: работниц посылают учиться для того, чтобы они узнали, как организовать детские учреждения, чтобы дети не умирали в младенчестве, а вырастали крепкими, здоровыми. И она подала Марии Алексеевне печатные листы:

— Вот смотрите программу курсов — очень интересная.

Первый раздел программы включал теоретическую часть. Все было для Шустовой ново, непонятно. Зато на следующей странице был напечатан декрет Народного комиссариата социального обеспечения от 31 января 1918 года о государственной охране материнства и мла-

денчества. В нем говорилось: «Вас, работницы, трудящиеся гражданки-матери, с вашим чутким сердцем, Вас, смелые строители новой общественной жизни, Вас, идейные педагоги, детские врачи и акушеры,— всех Вас зовет теперь новая Россия слить Ваш ум и чувства в строительстве великого здания социальной охраны грядущих поколений»[3].

Все здесь было ясно. Выросшая в бедной рабочей семье, сама начавшая трудовую жизнь в 12 лет в качестве прислуги, а потом таскальщицы товаров на фабрике Бурылина, Мария Алексеевна, имевшая двоих детей, испытала бесправное, унизительное положение женщины в дореволюционное время. Советская власть открывала новые горизонты — светлые, радостные. И партия звала ее участвовать в претворении этих планов в жизнь. Вопрос о поездке решен, и 15 сентября 1918 года Шустова была в Москве.

Отдел охраны материнства и младенчества Наркомсобеса РСФСР помещался на Солянке, 12, в помещении одного из бывших институтов. Слушатели были в основном молодыми. Занимались все с большим интересом и прилежанием, несмотря на то что получали 100 граммов хлеба на день и по 6—7 верст ходили пешком на практические занятия.

Марию Алексеевну выбрали старостой курсов, затем секретарем педсовета, парторгом. А когда в ноябре 1918 года открылся I Всероссийский съезд работниц, подруги послали ее своим делегатом. Тогда Марии Алексеевне посчастливилось впервые увидеть и услышать В. И. Ленина. В своих воспоминаниях она описывает это так:

«Во второй половине дня 19 ноября 1918 года во время одного из докладов на сцену вышел Владимир Ильич, встреченный А. М. Коллонтай. Он тихо положил свое пальто на кресло, в сторонке сел на стул и очень внимательно слушал доклад. Докладчица хотела уступить трибуну Владимиру Ильичу, но он поднятием руки дал ей

знак продолжать. А зал уже аплодировал, вызывая на трибуну Ленина. После окончания доклада Владимир Ильич выслушал выступавших в прениях нескольких делегаток и только после этого выступил перед участницами съезда с речью. В ней он кратко, но ясно нарисовал картину, в каком состоянии находилось международное и внутреннее положение страны, подчеркнул необходимость привлечения миллионов трудящихся женщин в городе и в деревне к участию в нашей борьбе и особенно к делу коммунистического переустройства общества. Владимир Ильич закончил свое выступление под бурный гром аплодисментов»[4].

В начале 1919 года Отдел по работе среди женщин ЦК ВКП(б) и Отдел охраны материнства и младенчества Наркомата социального обеспечения РСФСР параллельно с девятимесячными создали краткосрочные шестинедельные курсы работниц — организаторов и пропагандисток, которые должны были вести разъяснение декретов и правительственных постановлений о государственной охране материнства и младенчества, организовать общественный контроль за исполнением их на местах.

На курсах выступали Н. К. Крупская, Я. М. Свердлов и другие видные деятели партии. А. М. Коллонтай почти ежедневно бывала в аудитории и общежитии будущих пропагандисток. Она интересовалась жизнью и бытом рабочих тех мест и предприятий, откуда приехали слушательницы. С Александрой Михайловной слушательницы и поделились заветным желанием — встретиться с Ильичем. Все вместе решили написать Владимиру Ильичу письмо с просьбой приехать к ним на курсы. Попросили Коллонтай передать это письмо лично Ленину.

В этом письме, которое сейчас хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, говорилось:

«Дорогой учитель!

К Вам обращаемся и Вас просим, как вдохновителя

русской и мировой революции, уделить нам свободные полчаса и сказать свое напутственное слово.

Нам, съехавшимся сюда на курсы агитаторов и инструкторов по организации отдела охраны материнства и младенчества со всех концов нашей измученной, истерзанной контрреволюцией и продовольственной разрухой России, так дорого, так необходимо и ценно ваше слово, которое вдохновит нас и приумножит силы и желание работать и работать, создать новую и мощную женскую красную армию труда здесь в тылу. Мы сумеем заменить наших братьев и мужей, ушедших на фронт и погибших за идею коммунизма»[5].

В праздник 8 Марта, в день выпуска учащихся шестинедельных курсов, позвонила Коллонтай и сообщила радостную весть — приезжает Ленин.

Курсантки в верхней одежде внакидку собрались в самой большой, окутанной инеем аудитории и с нетерпением ожидали приезда Владимира Ильича. Кроме пропагандистов, здесь были почти все слушательницы девятимесячных курсов, всего около 180 человек. Среди них были и приехавшие из Иваново-Вознесенской губернии А. Соколова, А. Савичева, М. Малышева, А. Иванова-Тихомирова, Е. Киселева и другие.

Старосте основного курса Шустовой, хорошо узнавшей за полгода учебы огромное здание курсов, поручили поджидать Владимира Ильича на площадке лестницы между третьим и четвертым этажами, чтобы проводить его в аудиторию. Она ждала гостя со стороны парадного подъезда, но вдруг увидела Владимира Ильича и А. М. Коллонтай, идущих от служебного входа. После некоторого замешательства она побежала им навстречу.

Александра Михайловна представила ее Владимиру Ильичу:

— Это наша староста курсов товарищ Шустова, ивановская работница, дочь умершего в тюрьме рабочего-большевика.

Владимир Ильич поздоровался за руку и спросил:

— Надеюсь, вы тоже член нашей партии?

— Да, но молодой член партии, только с марта 1917 года,— смутившись, ответила Шустова.

— Очень хорошо, очень хорошо,— подбодрил Владимир Ильич.

Войдя в аудиторию, Ленин хотел снять пальто, но его уговорили не раздеваться, потому что здание не отапливалось.

Радость слушательниц курсов при встрече с вождем была беспредельна.

Не дожидаясь окончания аплодисментов, Владимир Ильич «...начал свою речь с конечной фразы письма слушательниц, говоря, чтобы они сдержали данное слово и создали крепкую армию тыла»[6]. Затем он, по воспоминаниям Шустовой, нарисовал картину тяжелого внутреннего положения в стране, призвал к борьбе с врагами пролетарской республики. С исключительной теплотой говорил Владимир Ильич о Красной Армии, которая при всех трудностях пробивалась к источникам хлопка, хлеба и угля.

Потом было подано много записок. Прочитав в некоторых из них о том, что женщины хотят ехать на фронт, Владимир Ильич ответил, что крепить завоевания революции в тылу, перестраивать старый и строить новый быт не менее срочная работа. Надо делать так, чтобы рабочий чувствовал, что ему сегодня живется легче, чем вчера, а завтра будет легче, чем сегодня. Он, как вспоминала Мария Алексеевна, говорил о том, что женщинам предстоит большая работа по созданию детских и бытовых учреждений нового типа, которые должны пользоваться любовью и доверием матерей. Работницам необходимо разъяснить основной смысл работы в этих учреждениях, их надо научить, как надо растить детей здоровыми, жизнерадостными, а когда мать почувствует, что ее ребенку в яслях хорошо, она спокойно будет выполнять

производственную и общественную работу и, включившись в общественную жизнь, станет учиться и активно помогать в строительстве пролетарского государства[7]. И подчеркнул: «Только с помощью женщины, ее вдумчивости и сознательности, можно укрепить строительство нового общества...»[8]

Присутствующие в зале старались не пропустить ни одного слова. Захватывающая сила выступления вождя была настолько велика, что приготовленные для записи карандаши и тетради так и остались нетронутыми.

Газета «Правда» 11 марта 1919 года об этой встрече с Владимиром Ильичем Лениным и о его выступлении сообщала:

«8 Марта, в Международный день работниц товарищ Ленин посетил 6-ти недельные курсы охраны материнства и социального обеспечения и произнес напутственное слово первому выпуску красных агитаторов Советской России. Не поддается описанию тот энтузиазм, с которым курсантки встречали и провожали любимого вождя»[9].

В последних числах июля 1919 года закончили учебу и слушательницы первого потока девятимесячных курсов, среди которых была М. А. Шустова. Вместе с подругами из текстильного края она вернулась в родные места. Это были одни из первых специалистов по охране материнства и здоровья детей. Многие из них отдали этому делу долгие годы, работали женорганизаторами в городах и уездах губернии, сестрами-инструкторами, заведующими лечебницами и детскими учреждениями.

Мария Алексеевна Шустова после учебы в течение девяти лет плодотворно руководила губернским отделом охраны материнства и младенчества, а в 1928 году была отозвана в Москву, где проработала на этом же поприще еще 20 лет, воплощая в жизнь ленинский наказ, ленинские идеи о всемерном улучшении жизни женщин и детей Страны Советов[10].

[1] Революционеры текстильного края. Ярославль, 1980, с. 304—305; Грозовые годы. (Воспоминания старых коммунистов). Иваново, 1961, с. 139—151.
[2] ПАИО, ф. 282, оп. 3, д. 1635, л. 25.
[3] Там же, оп. 1, д. 296, л. 19.
[4] Там же, д. 364, л. 25.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, д. 1649, л. 5.
[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 521.
[7] ПАИО, ф. 282, оп. 1, д. 295, л. 27—28.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 521.
[9] Правда, 1919, 11 марта.
[10] См.: Рабочий край, 1957, 27 окт.; 1964, 15 марта; 1967, 31 марта.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Передо мной обыкновенная на первый взгляд архивная папка с документами. Еще несколько лет назад ее не было... Тогда я работал над хроникой о связях ивановцев с В. И. Лениным[1], которая под постоянной рубрикой печаталась в местной газете. После опубликования очередного выпуска в редакцию позвонила одна из читательниц и спросила, известно ли нам, что в 1918 году врач из Иванова Николай Николаевич Тихомиров принимал участие в лечении В. И. Ленина после его ранения эсеркой Каплан. Звонившая назвалась медицинским работником и сообщила, что в их доме на улице Калинина живет вдова врача Зинаида Васильевна Тихомирова, у которой сохранились документы, представляющие, на ее взгляд, историческую ценность.

Факт причастности Тихомирова к лечению В. И. Ленина был известен лишь по небольшой довоенной газетной заметке-сообщению о том, что 28 декабря 1940 года в Иванове отмечался 30-летний юбилей врачебной и общественной деятельности врача, специалиста по костному туберкулезу, директора Ивановского противотуберкулезного института (ныне диспансер) Н. Н. Тихомирова. В газетном сообщении, в частности, говорилось: «Искусство

Николая Николаевича, как врача, и его общественное лицо определились уже давно. Еще в 1918 году ему в числе других было доверено самое дорогое — здоровье Владимира Ильича Ленина. Участвуя в лечении товарища Ленина, Николай Николаевич с честью оправдал оказанное ему доверие и в ответ услышал «спасибо» от самого Ильича»[2].

В тот же вечер я отправился по названному адресу. Дверь отворила пожилая, сухонькая женщина, пригласила пройти в комнату.

Зинаида Васильевна оказалась приятной, доброжелательной собеседницей. Рассказала о жизни и работе Николая Николаевича, о том, что родился он в Нижегородской губернии, но в юности жил в нашем крае, закончил с серебряной медалью шуйскую гимназию, затем учился в Московском университете.

Постепенно на столе появились фотографии, документы, книги Николая Николаевича. Показывая их, Зинаида Васильевна время от времени, стараясь делать это незаметно, уголком платка вытирала глаза.

Бережно придвинув ко мне фотографию в скромной рамке, тихо сказала:

— Вот таким он был в последние годы...

Красивое интеллигентное лицо, посеребренные сединой волосы, открытый внимательный взгляд через стекла очков.

— А это сын Николай,— добавила она еще тише.— Студентом архитектурного института ушел добровольцем на фронт. Погиб при защите Москвы...

Затем Зинаида Васильевна достала из шкафа большой конверт и извлекла из него ученическую тетрадь с воспоминаниями мужа о встречах с Лениным, записную книжку полувековой давности и открыла ее на странице, где был указан номер телефона квартиры Владимира Ильича в Кремле.

Нельзя без волнения держать в руках эти документы.

Вот копия «Трудового списка» Н. Н. Тихомирова. Против даты — октябрь 1918 года отметка: особое задание — врач-массажист В. И. Ленина. Основание для записи: пропуск № 394 от Управления делами рабочего и крестьянского правительства[3]. Здесь же и сам пропуск, выданный 20 октября 1918 года за подписью управляющего делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевича. На развороте читаем: «Выдан... сроком по 1 января 1919 г. на право свободного прохода в помещение Рабочего и Крестьянского Правительства в Кремле»[4].

Зинаида Васильевна первой начала разговор о том, что, как ни жаль ей расставаться с этими дорогими для нее семейными реликвиями, они должны быть сохранены для истории.

— Годы берут свое,— добавила она.— Спасибо, что зашли, у вас сохраннее будет. А воспоминания Николая Николаевича я недавно послала в Институт марксизма-ленинизма. А эту вот копию с них храню... Вы зайдите еще через несколько деньков, я подберу все, что особенно ценно, и передам на хранение. Так-то будет надежнее, а то мало ли что может случиться...

Мы встретились через несколько дней... К ранее показанным документам Зинаида Васильевна подобрала дополнительно несколько автобиографий Николая Николаевича, написанных в разные годы, анкету о его военной службе, копии аттестата зрелости и диплома об окончании медицинского факультета Московского университета, документы о трудовой и общественной деятельности в дореволюционный период и советское время. Среди них: удостоверение Московского военно-революционного комитета от 31 октября 1917 года, выданное Н. Н. Тихомирову — врачу Хамовнического лазарета на право свободного прохода по делам службы. Здесь же были письма-благодарности больных, которые лечились у Николая Николаевича.

Н. Н. Тихомиров родился в селе Елизарово Горбатов-

ского уезда Нижегородской губернии (ныне Сосновский район Горьковской области). В 1890 году с серебряной медалью закончил шуйскую гимназию. Позднее поступил на физико-математический факультет Московского университета. Со второго курса перешел на медицинский факультет, который закончил в 1909 году. После окончания университета работал врачом-экспертом хирургического отделения Солдатенковской больницы (ныне больница им. С. П. Боткина) в Москве. В годы империалистической войны был призван на военную службу сначала ординатором, затем врачом Центрального госпиталя в Москве. Позднее работал в различных медицинских учреждениях Москвы, Московской области, в Крыму. В 1929 году переехал в Иваново и более 20 лет проработал в Ивановском противотуберкулезном институте (диспансере), с 1936 года — его директором.

Н. Н. Тихомиров являлся крупным специалистом, одним из первых организаторов борьбы с костным туберкулезом. За плодотворную деятельность в этой области медицины ему было присвоено звание заслуженного врача РСФСР.

На протяжении многих лет вместе с ним работала медсестрой и его жена. Может быть, потому и ценила она фотографии и документы мужа, книги и бесхитростные письма пациентов. Благодаря этому теперь мы знаем, как складывался трудовой путь Николая Николаевича, знаем об особо памятном событии в его жизни.

О ранении Владимира Ильича Ленина Тихомиров узнал в тот же день, еще до выхода бюллетеней и газет, которые сообщили тяжелую весть. Сначала известие поразило его своей неожиданностью. Казалось невероятным и невозможным, что у кого-то может подняться рука на дорогого вождя. Но потом были опубликованы официальные сообщения. Мучила тревога: неужели нельзя спасти Ильича? Под бюллетенями стояли подписи лучших московских профессоров и врачей. Это обнадеживало. Посте-

пенно тексты бюллетеней стали не такими тревожными. Они выходили все реже и реже. И это было хорошим признаком: Владимир Ильич выздоравливал.

Неожиданно для Тихомирова в середине октября его пригласил к себе врач Владимир Николаевич Розанов, лечивший В. И. Ленина[5]. Розанов хорошо знал Тихомирова по совместной работе в хирургическом отделении Солдатенковской больницы в Москве, ему было известно, что Николай Николаевич еще в студенческие годы занимался массажем и имел в этом солидную практику. В. Н. Розанов сообщил, что Владимиру Ильичу необходимо провести курс массажа и врачебной гимнастики для восстановления движения раненой левой руки; спросил Тихомирова, согласен ли он сделать это.

Предложение ошеломило своей неожиданностью. В своих воспоминаниях Николай Николаевич позднее писал: «Трудно передать то волнение, которое охватило меня. Помочь Ленину! Сумею ли я? Конечно, с величайшей радостью постараюсь выполнить возложенную на меня задачу!»

Вскоре после этого Тихомирову был вручен пропуск в Кремль, а в трудовой книжке появилась запись: «Особое задание — врач-массажист В. И. Ленина».

Впервые Тихомиров посетил Владимира Ильича на квартире, находившейся на территории Кремля, вместе с профессором В. Ф. Минцем и В. Н. Розановым. По дороге, особенно когда поднимались по лестнице на верхний этаж, Тихомиров очень волновался. Но когда вошли в небольшую, просто обставленную комнату, где их радушно встретил выздоравливающий Владимир Ильич, волнение быстро прошло. Несмотря на перенесенное ранение, Ленин был очень спокоен, много шутил. Тихомирова поразило, что глава государства, величайший мыслитель и вождь человечества может быть таким простым и радушным.

После осмотра больного и непродолжительной беседы

договорились, что Тихомиров будет посещать Владимира Ильича ежедневно в 12 часов дня. Ленин попросил только об одном — не опаздывать. Когда время сеансов было оговорено, Ленин сказал, что Тихомирову будет направляться автомобиль по указанному им адресу.

Начались регулярные сеансы массажа.

Во время лечения вождя Николай Николаевич не раз убеждался в исключительной деликатности и аккуратности Ленина. Один случай особенно запомнился.

Обычно, когда приходил врач, Владимир Ильич сам встречал его, приглашал пройти в комнату. Но на этот раз дверь открыла женщина, помогавшая семье по дому, сказала, что Владимира Ильича пока нет, попросила подождать. Было ровно двенадцать часов.

Ждать пришлось несколько минут. Потом раздался звонок, пришел Владимир Ильич. Узнав о своем опоздании, он был очень сконфужен.

— Ну, хотя бы причина была уважительная, а то ведь гулял просто,— сокрушался он, извиняясь за опоздание.— Я просил вас быть аккуратным,— говорил Ленин,— а сам...

Во время массажа случалось причинять Ленину боль. Владимир Ильич был в высшей степени терпелив и всегда просил Тихомирова «не церемониться» и делать то, что считает нужным. Из рассказов других Тихомирову было известно, что раненый Ленин сам, правда, с поддержкой, поднялся по лестнице к себе в квартиру. А ведь ранение было тяжелым: пробита левая плечевая кость и задеты оба легких. «Несомненно,— пишет врач,— что ранения причиняли сильные страдания, и чтобы подняться по лестнице, нужно было иметь большое терпение. Это результат исключительно сильной воли»[6].

Не обошлось и без курьеза. Однажды Тихомирова не пропустил постовой, поскольку ему почему-то не был вручен список лиц, которые в тот день могли быть пропущены. Постовой решил, что нельзя пропускать никого,

и никакие уговоры на него не действовали. Врач решил воспользоваться данным ему номером телефона квартиры Ленина. Позвонив, он сообщил о случившемся. К дежурному вышел сам Владимир Ильич, пошутил по этому поводу:

— Это не удивительно, Николай Николаевич, что вас не пропустили,— говорил он, смеясь.— Со мной был случай, что меня самого в квартиру не пропустил постовой.

— Как же это?

— Очень просто. После болезни я начал немного заниматься. Вышел в Совнарком. При возвращении иду, задумавшись, мимо постового, а он требует пропуск. Документов с собой я не захватил, а в лицо меня он не знал, потому что его часть только что вернулась с фронта. Он прав. Как быть? Пришлось вызывать разводящего.

Николай Николаевич был свидетелем того, как Владимир Ильич, даже будучи оторванным от работы, постоянно интересовался событиями в мире и положением трудящихся. Как врача Ленин просил Тихомирова подсчитать, сколько калорий в день содержится в тех продуктах, которые москвичи получали по карточкам, сколько калорий необходимо детям для нормального развития.

...Тихомиров лечил Владимира Ильича около месяца. Всего было сделано 22—23 сеанса массажа. Движение руки в основном было восстановлено. Зная о занятости Ленина, врач решил, что массаж можно прекратить. Хотелось, правда, еще провести упражнения для пальцев. Николай Николаевич сказал об этом Владимиру Ильичу, не рассчитывая, что вряд ли найдется для этого время. К удивлению Тихомирова, Владимир Ильич заверил, что у него времени хватит, и попросил показать упражнения для пальцев.

Примерно через полгода Тихомиров смог убедиться, что Ленин не забыл о советах врача. Тихомиров оказался тогда на бывшей Тверской улице, недалеко от Кремля, а навстречу ехал в открытом автомобиле Владимир Ильич.

Ленин узнал врача. В ответ на приветствие он правой рукой снял кепку, а левую (больную) руку поднял и подвигал кистью и пальцами в разных направлениях.

Эта встреча доставила большое удовлетворение врачу. Ведь самое главное для человека — это сознание того, что твой труд не пропадает даром, что он необходим другим. И Владимир Ильич порадовал врача[7].

---

[1] См.: Терентьев В. Вместе с Ильичем. (Хроника о связях ивановцев с В. И. Лениным). Ярославль, 1973.

[2] Рабочий край, 1940, 27 дек.

[3] ПАИО, ф. 282, оп. 1, д. 361, л. 46 (приложения).

[4] Там же.

[5] См.: Розанов В. Н. Записки врача.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2. М., 1957, с. 335—346; Ульянова М. И. Ранение.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1. М., 1969, с. 182—184.

[6] ПАИО, ф. 282, оп. 1, д. 361, л. 6об.; См. также: Тихомиров Н. Как я лечил Ильича.— Новые рубежи (Одинцово), 1967, 7 нояб.

[7] Рабочий край, 1951, 14 нояб.; 1969, 21 янв.; Горьковская правда, 1969, 9 сент.; Ленинец, 1982, 22 апр.

РЕЙД «ЛЕТУЧЕГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО...»

Столица Советского Азербайджана Баку и города центра России — Владимир, Иваново... Между ними тысячи километров, но их связи свидетельствуют о нерасторжимом братстве русского и азербайджанского народов.

Основы этого братства закладывались в период борьбы с самодержавием и капиталом, а потом прошли проверку суровыми испытаниями в годы становления Советской власти.

Исторические документы, воспоминания помогли восстановить еще одну страницу из истории пролетарской солидарности рабочих центра России и азербайджанского народа.

Ключом к интересному поиску стала записка старого большевика, первого военного комиссара Иваново-Вознесенской губернии, верного соратника М. В. Фрунзе и активного участника гражданской войны Афанасия Ивановича Жугина. Эта записка была обнаружена мной при работе над материалами Ивановского партийного архива. Жугин писал, что, работая в комиссии по истории гражданской войны, он выявил материалы, которые, по его мнению, «безусловно должны быть извлечены и после обработки опубликованы в печати». Это материалы о направлении Советским правительством поезда с оружием, боеприпасами и деньгами в помощь рабочим Баку в 1918 году[1].

Далее Афанасий Иванович коротко излагал основное содержание воспоминаний: «Поезд был направлен из Москвы, снабжен документами белых от генерала Каледина, прошел территорию, занятую белогвардейцами, через Туркестан до Красноводска. Отсюда на пароходе отряд красногвардейцев доставил вооружение в Баку и передал Бакинскому Советскому правительству. Сам же отряд включился в борьбу с белобандитами.

После занятия Баку англичанами этот отряд продолжал сражаться в горах, а затем прибыл в Астрахань и присоединился к Красной Армии»[2].

И, как бы отвечая на возникающий при чтении записки вопрос, А. И. Жугин закончил ее словами: «Хранятся эти материалы в Истпарте Ивановского партийного архива».

Несмотря на то что адрес поиска был назван, найти материалы оказалось нелегко. Ведь в фонде истпартотдела хранится свыше тысячи объемистых дел. В котором из них нужные нам страницы? Жугин не назвал ни шифр документов, ни год их поступления на хранение, ни их разновидность. Что это: подлинные документы грозового 1918 года или воспоминания более позднего времени?

Дела с названием, в котором как-то упоминалось о рейде в Баку, в фонде истпартотдела не значилось. Пришлось действовать методом исключения. Сначала в поле зрения были взяты документы по истории гражданской войны, затем из них выбраны те, что поступили в период до того, как с материалами работал Афанасий Иванович.

Наконец, круг поиска сузился до десятка дел с воспоминаниями участников гражданской войны, написанными в 20-х и начале 30-х годов. В одном из них среди других материалов и была обнаружена обычная голубая ученическая тетрадь, исписанная крупным, но трудноразборчивым почерком. На первой ее странице выделялся заголовок: «История одной экспедиции. Из воспоминаний бывшего красногвардейца. 1918 год». В конце рукописи подпись — Н. Соколов[3].

Удалось установить, что автором является ивановец Николай Глебович Соколов. В 1916—1917 годах он работал учеником литейщика на одном из заводов города, вступил в Красную гвардию. Потом был отправлен на фронт, а вскоре стал участником экспедиции по оказанию помощи революционному Баку. После окончания гражданской войны Соколов вновь вернулся в родной город, в 1924 году вступил в партию, работал на фабрике имени Ф. Э. Дзержинского, на одном из заводов, затем в областном управлении снабжения и сбыта. В годы Великой Отечественной войны бывший красногвардеец снова воевал. Умер он в 1956 году.

В предисловии Соколов написал, что цель воспоминаний одна — оживить память о товарищах, служивших в четвертом летучем коммунистическом отряде, и о его командире Иване Ландине, тяжело раненном во время экспедиции. Ландин был отправлен на лечение в Москву; Соколов ничего не знал о дальнейшей его судьбе.

Подходя критически к своим воспоминаниям, автор с сожалением указывает на свою тогдашнюю малограмотность и недостаточный кругозор. Ведь тогда ему было

лишь 18 лет. Однако факты, приводимые автором, с помощью других исторических документов позволяют восстановить подробности создания коммунистического отряда и его героического рейда по поддержке бакинского пролетариата.

СОВЕТСКИЙ БАКУ СРАЖАЕТСЯ

Шел 1918 год. Молодая Советская республика вступила в пору тяжелых испытаний. Поднимала голову внутренняя контрреволюция. Открытую интервенцию начал иностранный капитал.

Большое место в агрессивных планах империалистических держав занимало Закавказье, особенно Баку с его нефтяными промыслами. Этому району постоянно угрожала оккупация турецко-германскими войсками, с одной стороны, и английскими, с другой.

Еще в январе 1918 года из Багдада в Северный Иран были направлены английские части, начавшие подготовку к захвату Баку. Не располагая, однако, достаточным количеством войск, англичане установили контакт с местными буржуазно-националистическими организациями, которые должны были поднять антисоветский мятеж. Контрреволюционеры вели среди населения националистическую пропаганду, саботировали важные мероприятия, продовольственную политику Бакинского Совета. Буржуазия и ее партии агитировали за ввод в Азербайджан английских войск, которые якобы должны помочь избавиться от турецко-германской угрозы.

В тяжелейшей обстановке пролетариат Баку под руководством большевиков шаг за шагом проводил в жизнь намеченную программу социалистических преобразований. С начала 1918 года в Баку развернулось усиленное формирование красногвардейских отрядов. За короткий срок были созданы Красный интернациональный полк, кавалерийская часть, несколько артиллерийских батарей и другие воинские части. Для руководства военными дей-

ствиями был организован Комитет революционной обороны Баку.

В конце марта революционные части успешно выступили против мусаватистов, поднявших мятеж. Упорная борьба, в которой с обеих сторон участвовало до двадцати тысяч человек, закончилась разгромом контрреволюционных сил[4].

Советское правительство, лично Владимир Ильич Ленин внимательно следили за развитием событий в Закавказье. «Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предписываемую, безусловно, теперешним труднейшим положением,— и мы победим»[5],— телеграфировал В. И. Ленин чрезвычайному комиссару по делам Кавказа и председателю Бакинского Совета С. Г. Шаумяну 14 мая 1918 года.

Но обстановка в Баку продолжала оставаться крайне напряженной. Противник не отказывался от планов свержения Советской власти в этом районе. Бакинский комиссар по военно-морским делам Г. Н. Корганов в докладе, срочно направленном 22 мая 1918 года в Москву, отмечал: «...Борьба в Бакинском районе еще только разгорается... Голодная блокада Баку продолжается... Организующаяся Красная Армия в Баку все время находится в состоянии боевых действий, передвижений, усиленной караульной службы... Центральная Советская власть должна решить определенно свое отношение к политическому положению в Закавказье и в самом срочном порядке поддержать бакинский пролетариат в его поистине героической борьбе»[6].

На следующий день, 23 мая, в Москву послал тревожную телеграмму Шаумян: «События в Закавказье развиваются очень быстро, все сообщения из Тифлиса говорят о готовящемся походе на Баку со стороны турок, и нам необходима помощь; путь через Петровск — Червленная еще не открыт, связь с Северным Кавказом очень

плохая... Нуждаемся в командном составе, оружии, аэропланах...»[7]

24 мая Шаумян вновь послал письмо в Совнарком с просьбой оказать помощь деньгами, оружием, людьми. А в это время бронепоезд с отрядом красногвардейцев уже направлялся в Баку. О боевом пути этого отряда и рассказал в своих воспоминаниях один из его бойцов — Николай Глебович Соколов.

ОТРЯД ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

«Четвертый летучий коммунистический»[8] — такое название получил отряд из московских, владимирских и иваново-вознесенских рабочих, сформированный в начале 1918 года. Отряд прошел боевое крещение в сражениях против калединцев на Дону. А потом последовал приказ — отправиться в Закавказье.

«Прямые ворота через Астрахань для нас были закрыты (между Доном и Волгой находились белогвардейские части Краснова),— пишет в своих воспоминаниях Соколов.— Был избран кружной путь: через Оренбург — на Красноводск, а затем водным путем на Баку. Цель экспедиции — оказать помощь борющемуся бакинскому пролетариату, снабдить его оружием и боеприпасами. Кроме того, стояла задача раздать жалованье железнодорожникам на попутных станциях, так как из-за прерванного пути они полгода не получали зарплату».

Экспедиция состояла из 120 вооруженных рабочих. Военной подготовки большинство из них не получило, если не считать двухнедельных занятий при штабе Красной гвардии да небольшого практического опыта, приобретенного за короткое время боев с калединцами. Правда, среди москвичей оказалось с десяток участников первой империалистической войны.

Но отряд силен был прочной пролетарской спайкой. Бойцы гордились и своим командиром Иваном Ландиным, родом из Владимира. Он был из тех военспецов, что в дни

революции без колебаний встали на сторону народа и потом в боях доказали преданность Советской власти. После схваток отряда с белоказаками на Дону Ландин стал любимцем красногвардейцев. Они ценили в нем опыт военного руководителя, личную отвагу, постоянную заботу о бойцах.

И вот теперь командир стоял перед строем бойцов, как всегда, подтянутый, сосредоточенный. Только что был зачитан приказ о предстоящей операции.

— Едут одни добровольцы,— твердо повторил он и скомандовал: — Желающие — шаг вперед!

Дружно шагнули вперед красногвардейцы. На месте осталось лишь восемь человек.

На подготовку был дан недельный срок. В свободные минуты красногвардейцы вели разговор о том, как можно добраться до Баку. Из-за нехватки газет все строилось на догадках.

Обстановка несколько прояснилась лишь накануне отъезда. Состоялся митинг. Перед бойцами выступил представитель центра, рассказавший о положении на фронтах и о цели поездки. Митинг закончился дружным пением «Интернационала».

Последнюю ночь перед отправкой на задание почти никто из красногвардейцев не спал. Не стихали разговоры, то здесь, то там слышалось пение, а то и дробный перепляс. Бойцы надолго прощались с родными местами, зная, что не всем доведется вернуться.

Рано утром красногвардейцы двинулись на станцию, где был уже приготовлен поезд. Маршрут следования посторонним не разглашался, все выглядело как обычная отправка очередного отряда на фронт. Состав состоял из четырех пассажирских вагонов, одного почтового и четырех грузовых платформ. На двух из них стояли шесть орудий, две другие, обложенные кипами хлопка, предназначались для укрытия бойцов на случай обстрела поезда противником. Пассажирские вагоны были приспо-

соблены для отдыха красногвардейцев, хранения продовольствия, в почтовом вагоне находились боеприпасы и касса с 40 миллионами рублей. Этот поезд, с его хлопковыми «укреплениями», орудиями и достаточным количеством вооружения, тогда, в первые месяцы гражданской войны, представлял собой солидную боевую единицу...

ЧЕРЕЗ ОРЕНБУРГ НА БАКУ

Первую неделю дорога проходила по территории, контролируемой нашими войсками. Пользуясь этим, красногвардейцы отдыхали, занимались изучением оружия. Состав двигался днем и ночью, лишь изредка останавливаясь для пополнения запасов продовольствия, воды, топлива.

Но вот пригород Оренбурга. Отряду сообщили, что город занят дутовскими казаками. Поезд вышел на позиции наших частей и в течение двух дней вел артиллерийский обстрел противника. После этого бойцы приняли участие в решающем штурме города в районе железнодорожного вокзала. Враг был выбит из Оренбурга и отступил по направлению к Уфе.

В Оренбурге отряд отремонтировал состав, пополнил запасы продовольствия, снарядов, красноармейцы вымылись в бане. Самое трудное было впереди...

Перед отправкой из Оренбурга отряду был придан поезд с рабочими и материалами для ремонта железнодорожного полотна.

Дальнейший путь лежал на Ташкент. Снова двигались в течение недели по степи. Теперь поезда шли лишь в дневное время, опасаясь наткнуться ночью на разобранный путь. Большие станции встречались реже, не хватало питьевой воды.

В Ташкенте отряд задержался на три дня: решался вопрос, как отряду двигаться по территории Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Договорились прибегнуть к военной хитрости. Для отряда были изготовлены доку-

менты, как для белогвардейской воинской части генерала Каледина, перебрасываемой на границу с Турцией.

Предстоял рискованный спектакль. Командир отряда Ландин и несколько красногвардейцев надели офицерские мундиры царской армии, а всем другим бойцам было приказано снять красногвардейские значки.

Поезд двинулся на Бухару. Все шло благополучно. Но на пограничном кордоне по дороге на Хиву отряд задержали. Ландин предъявил проверяющим офицерам документы и вместе с ними стал обходить состав. И тут, как бы случайно, Ландину, одетому в форму полковника, неловко подвернулся вестовой. «Полковник», ругаясь, начал хлестать его по щекам. Эта сцена послужила убедительным дополнением к предъявленным документам. Церемония проверки прошла успешно. Ландин и сопровождавший его «вестовой» благополучно вернулись к своим, и поезд продолжал путь.

Наконец, добрались до Красноводска. Здесь власть была в руках Советов, однако большинство в них принадлежало меньшевикам и эсерам. Они попытались расформировать отряд, но Ландину удалось договориться с матросами одного судна, чтобы те перебросили отряд в Баку.

К Баку приближались, не зная, какая там власть. К радости бойцов, на судах, вышедших им навстречу, были красные флаги. Тепло встретили бакинские рабочие отряд красногвардейцев, рассказали об обстановке в городе. Борьба с контрреволюцией обострялась. Над городом висела пелена дыма, горела нефть. Население, отрезанное от хлебных районов, голодало.

Отряд с ходу включился в боевые операции.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЕТРОВСК-ПОРТА

Летучему коммунистическому рабочему отряду был дан приказ принять участие в наступлении на Петровск-Порт (ныне г. Махачкала) с целью захвата у белогвар-

дейцев продовольственных запасов. Два поезда с красногвардейцами и красным полком бакинцев в тысячу бойцов (Н. Г. Соколов называет его армянским полком.— *В. Т.)* прорывались к городу по железной дороге. Другой вооруженный отряд бакинских рабочих отправился туда морем с целью обстрелять противника из артиллерийских орудий и высадить десант.

Красногвардейцы и Бакинский полк по пути движения освободили Дербент и несколько небольших городов и станций. Но километрах в двадцати от Петровск-Порта наступающие встретили серьезное сопротивление белых, сконцентрировавших значительные силы в горах. Противник разобрал железнодорожный путь на протяжении более километра, переправив рельсы и шпалы в горы. Запаса материалов для восстановления такого большого участка в ремонтном поезде не было. Решили принять бой с засевшими в горах беляками и отбить рельсы и шпалы.

Отряд разделился: часть бойцов полка и красногвардейцев выступила в горы, другая часть осталась охранять поезд и поддерживать наступающих артиллерией. С помощью местного населения удалось узнать, куда белогвардейцы спрятали рельсы и шпалы, но отбить их было непросто. Завязался бой. В ходе его отряд понес значительные потери. Был ранен и командир Ландин. Его перевязали, и он скоро вновь появился в рядах наступающих.

Бои продолжались в течение нескольких дней. Противник имел превосходство в численности, но, как выяснилось, был недостаточно вооружен. Белые вели огонь из двух трехдюймовок и какой-то старинной пушки, стрелявшей ядрами, которые редко разрывались.

Однако продолжать наступление и углубляться в горы было рискованно. Наступающие и охрана поездов могли потерять связь между собой, и это грозило опасными последствиями. Экспедиция заняла оборону, готовясь к новым схваткам с врагом.

Ночь прошла спокойно. Утро принесло неожиданную

весть: разведка доложила, что противник отступил в глубь гор, оставив аул, где находились рельсы и шпалы. Красноармейцы усилили дозоры и приступили к ремонту дороги.

Днем, в разгар работ, на одном из постов заметили выезжавший из ущелья автомобиль. Ландин приказал продолжать наблюдение за ним, но огонь не открывать, предположив, что это делегация от неприятеля.

Он не ошибся. Автомобиль направился к составу и невдалеке от него был остановлен караульными. Из автомобиля вышли четверо: трое из местного населения и один русский. Русский был без погон, но по одежде и манерам держаться бойцы заподозрили в нем высокопоставленного офицера. Он оказался руководителем парламентеров.

Их проводили к Ландину. После приветствия делегаты выразили сожаление о якобы напрасно пролитой крови, доказывая, что бой вспыхнул по недоразумению, в результате частых междоусобиц горцев. Узнав, что это двигается экспедиция красных, местное население прислало их уладить дело. Делегаты заверили, что, вернувшись в аулы, они готовы организовать помощь людьми по ремонту пути, чтобы ускорить продвижение отряда на Петровск-Порт.

Выслушав все это, Ландин пригласил «гостей» в вагон и велел подать им обед. Сам же отправился в штаб Бакинского полка, распорядившись погрузить автомобиль на платформу и усилить охрану делегатов. Возвратившись из штаба вместе с командиром полка, Ландин предложил двум членам делегации вернуться в аулы для привлечения населения на ремонт дороги, а двоим остаться. Отпущенным дали верховых лошадей, разъяснив, что на горных дорогах лошадь гораздо удобнее автомобиля.

Делегаты ускакали. Бойцы на всякий случай подготовились к обороне: расставили пулеметы в укрытиях, вооружились гранатами, часть людей залегла в полувер-

сте от железной дороги, перекрыв подступы к ней со стороны гор.

Часа через два показались первые обозы. Они двигались со стороны гор двумя потоками и скапливались в лощине. Обозы сопровождало большое количество людей. На некоторых фурах были видны рельсы и шпалы.

Первые подводы остановились, не дойдя до укреплений шагов двести. К ним подходили все новые и новые. Подозрение, что это приближается враг, усилилось.

Ландин предложил приехавшим приступить к ремонту дороги. Никто, однако, не двинулся с места. Тогда Ландин направился к платформам. В это время из-за горы раздался вражеский орудийный залп, «ремонтники», выхватывая из фур укрытое оружие, лавиной бросились вперед, стремясь опрокинуть нашу цепь и завладеть пулеметами.

Несмотря на усиленный огонь наших пулеметов, скосивших первые ряды неприятеля, натиск продолжался. На левом фланге, где пулеметный огонь был слабее, полк бакинцев вступил в рукопашную с врагом. Положение спасло в немалой степени то, что у многих из наступающих не было штыков и не хватало патронов. Бой продолжался около двух часов. Точный артиллерийский огонь с поезда заставил противника бросить оружие, обоз и сдаться. Обе стороны понесли ощутимые потери, вагоны наполнились ранеными. Захваченные пленные были использованы для ремонта дороги, а потом отпущены в аулы с наказом не идти за обманувшими их богачами.

В Петровск-Порт экспедиция прибыла, когда там уже высадился десант, посланный из Баку морем. Действия экспедиции, продвигавшейся на поездах по побережью, отвлекли значительные силы противника и облегчили освобождение города. Красногвардейцы пробыли здесь две недели, отправили рабочим Баку два судна с хлебом, а

затем, по вызову Бакинского Совета, вернулись в город, где были торжественно встречены рабочими.

Боевой рейд коммунистического отряда закончился. Н. Г. Соколов пишет, что по совету бакинских товарищей они оставили Баку, чтобы вновь пробиться к своим, информировать Советское правительство о тяжелой обстановке в Закавказье и передать просьбу об оказании вооруженной помощи азербайджанскому пролетариату более крупными силами Красной Армии. Теперь из документов и исторических исследований мы знаем, что Советское правительство во главе с В. И. Лениным, несмотря на сложнейшую обстановку в стране, всемерно стремилось помочь бакинским пролетариям. Вслед за первым отрядом красногвардейцев в июне в Баку был направлен отряд броневиков, в июле — усиленный артиллерией и конницей отряд под командованием Г. К. Петрова[9].

Первый же отряд через освобожденную к тому времени Астрахань вернулся в Москву. Здесь остался на лечение командир красногвардейцев Иван Лапдин. Н. Г. Соколов был откомандирован в распоряжение Иваново-Вознесенского губвоенкомата. Вскоре ему пришлось участвовать в подавлении эсеровского мятежа в Ярославле.

В своих воспоминаниях Николай Глебович выражает надежду, что после опубликования воспоминаний о рейде в печати бывшие бойцы коммунистического отряда откликнутся и дополнят его рассказ. Это могут сделать и бойцы Бакинского полка, участвовавшие в боевой операции по освобождению Петровск-Порта, а также рабочие, которым довелось встречаться с красногвардейцами.

Из-за недостаточного знания местности автор воспоминаний не назвал населенные пункты, через которые проходил отряд и где был бой с белыми. Эти уточнения тоже могут сделать бакинцы, что помогло бы полнее осветить еще одну из героических страниц революционного

и боевого братства русских и азербайджанских трудящихся в борьбе за победу Советской власти.

---

[1] ПАИО, ф. 282, оп. 3, д. 443, л. 12.
[2] Там же.
[3] ПАИО, ф. 281, оп. 1, д. 579, л. 92—109.
[4] См.: Азербайджан. М., 1971, с. 72—76; См.: Микоян А. И. Дорогой борьбы. М., 1971, с. 133.
[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 73—74.
[6] Шаумян С. Г. Избр. произв. в 2-х т., т. 2. М., 1957, с. 245; Акопян Г. С. Степан Шаумян. (Жизнь и деятельность. 1878—1918). М., 1973, с. 199.
[7] Шаумян С. Г. Избр. произв., т. 2, с. 246; Акопян Г. С. Степан Шаумян, с. 199—200.
[8] Зедгинидзе Элизбар. Алеша Джапаридзе. М., 1974, с. 112; Победа Советской власти в Закавказье. Тбилиси, 1971, с. 265.
[9] См.: Акопян Г. С. Степан Шаумян, с. 212; См.: Зедгинидзе Элизбар. Алеша Джапаридзе, с. 112.

КОММУНАРЫ

Это рассказ о рабочих-коммунистах, которые в годы гражданской войны одними из первых приступили к социалистическому строительству. После опубликования в 1918 году декрета ВЦИК «О социализации земли»[1] уехали они в далекие от родного края места, чтобы организовать там сельскохозяйственные коммуны. Сыны и дочери текстильщиков возглавили молодежь тех районов, где еще царила патриархальщина, забитость, где рыскали вооруженные банды разных мастей, расправляясь с большевиками. В такой трудной обстановке в Саратовской губернии иваново-вознесенские рабочие создали коммуну с романтическим названием «Братство и любовь». Сведения о ней помогли собрать бывшие коммунары П. Я. Субботина, Т. А. Ильинская, М. Я. Булыгина (Частухина) из Иванова, И. А. Субботин из Рязани, сотрудники Саратовского областного государственного архива и его филиала в городе Балашове, красные следопыты тех мест, где была организована эта коммуна.

* * *

На перроне станции Иваново-Вознесенск многолюдно и шумно. Люди перекликались, разыскивая друг друга в толпе. Женщины с узлами и детьми пробирались к стоящему товарному поезду. Суматошная привокзальная неразбериха...

Но вот на возвышение взобрался рабочий с бывшей фабрики Маракушева Александр Иванович Субботин, назначенный начальником эшелона. Он поднял руку, требуя тишины.

— Сегодня мы прощаемся с родным городом. Одиннадцать рабочих семей уезжают бороться с контрреволюцией и строить новую жизнь. Уверены, что, создав трудовую сельскохозяйственную коммуну в хлеборобных районах, мы внесем посильный вклад в дело улучшения снабжения пролетариев продовольствием и ускорим победу революции. От имени отъезжающих текстильщиков заявляю, что вдали от родного города мы не уроним чести и традиций красных ткачей.

Сразу же после митинга кто-то размашисто написал мелом на одном из вагонов: «Даешь коммуну!»

Несколько молодых звонких голосов запели «Интернационал». Пели самозабвенно. Маленькие детишки удивленно таращили глаза на взрослых, а мальчишки и девчонки постарше дружно подтягивали.

Многие отъезжающие были с оружием.

Впереди был нелегкий путь. Больше месяца добирались будущие коммунары до места назначения. Приходилось самим заготовлять топливо для паровоза и обогрева холодных вагонов. Наконец, прибыли на станцию Турки Балашовского уезда Саратовской губернии. Ивановцев встретили приехавшие раньше в те края петроградские и московские рабочие, наиболее сознательные местные крестьяне.

Через несколько дней, накануне праздника первой

годовщины Октябрьской революции, в деревне Сергеево Красноколенской волости на одном из домов бывшего имения Морозова появилась самодельная вывеска: «Трудовая сельскохозяйственная коммуна «Братство и любовь».

Сохранился устав коммуны, датированный 10 ноября 1918 года. Этот удивительный документ гласил:

«Конечной целью Коммуны является преобразование сельского хозяйства на социалистических началах.

Для достижения этой цели Коммуна должна вести непримиримую борьбу с капиталом, помещиками и кулаками, вплоть до вооруженного отпора всем контрреволюционерам, и твердо стоять на страже прав и интересов пролетариата и деревенской бедноты, действуя в полном согласии с органами Советской власти, как неразрывная часть Советов.

Коммуна должна стремиться к развитию крупного общественного хозяйства путем слияния и объединения коммун, к установлению правильного обмена продуктов между городом и деревней, к содействию широкому распространению знаний, к поднятию производительности труда.

Каждый член Коммуны должен в ней исполнять ту работу, к которой он более способен, должен отдавать все силы и способности на служение Коммуне: от каждого по его силам, каждому по его нужде.

Коммуна должна стремиться к устройству жилища для своих членов, заботиться о их физическом и духовном развитии, иметь свою школу, библиотеку-читальню, организацию медицинской помощи, входить в непосредственную связь с соседними коммунами, помогать друг другу...

Коммуна стоит на страже Советской власти»[2].

Первым председателем коммуны «Братство и любовь» был избран местный бедняк Степан Васильевич Абдалин. Позднее коммуну возглавляли иваново-возне-

сенцы Николай Михайлович Соболев и Александр Иванович Субботин, приехавшие сюда со своими большими семьями. В составе коммуны были также семьи П. Г. Фомина, И. С. Червякова, Ф. И. Серухина, Я. И. Булыгина, Н. С. Голякова, И. В. Кукушкина, В. И. Лапшова, Ф. М. Королькова, Л. А. Частухина[3].

Самостоятельно приехал из Иваново-Вознесенска 18-летний Дмитрий Репин, которого за активность и грамотность коммунары избрали секретарем Совета коммуны[4].

Первое время в коммуне насчитывалось около 40 человек, большинство из них — молодежь. Продолжали прибывать рабочие из Иваново-Вознесенска. В январе 1919 года приехало еще более 50 человек.

Площадь обрабатываемой земли в 1919 году составляла свыше 150 десятин. Была налажена работа мельницы, отремонтирован сельскохозяйственный инвентарь. Весенний сев провели успешно.

Местные органы Советской власти оказывали помощь коммунарам, выделив в их распоряжение несколько волов, 12 лошадей, скот, а позднее предоставили единственный в округе локомобиль.

Об успешной работе коммунаров говорят сохранившиеся статистические сводки и различные сведения, направленные в то время уездному земельному отделу. Инструктор по организации коммун в уезде Гуркин после обследования коммуны «Братство и любовь» писал, что хозяйство ведется планово и что «всем членам приходится выполнять неимоверную работу, разногласий в коммуне не было, живут дружно»[5].

А трудности, конечно, были, и большие. Не хватало, особенно первое время, рабочих рук, инвентаря, до первого урожая голодали, не было керосина для освещения. Появились больные тифом. Открыли медицинский пункт, но медикаментов было мало.

Однако опаснее всего были постоянные нападения

вооруженных банд. Поэтому приходилось работать в поле с оружием. Из коммунаров и местных жителей был создан коммунистический военный отряд. Возглавляли его Алексей Частухин, Иван Червяков и Алексей Субботин, знающие военное дело. Боеприпасы доставляли из города Балашова скрытно на подводах. Днем и ночью коммуну охраняли дозорные, предупреждавшие товарищей о появлении в районе белобандитов. Нередко приходилось вступать в перестрелку, а при необходимости население коммуны под прикрытием военного отряда эвакуировалось в соседнюю Петроградскую коммуну.

Большую роль в борьбе с бандами играли молодые коммунары, возглавляемые Дмитрием Репиным. По его инициативе еще в ноябре 1918 года в Турковской волости была создана комсомольская организация. Все комсомольцы состояли в дружине, которая входила в вооруженный отряд[6].

В уставе волостной комсомольской организации говорилось:

«Цель организации — сплотить всю молодежь и дать возможность самообразованию, чтобы в будущем приготовить сознательного, твердого физически и умственно работника — строителя нашей молодой революции, для чего организацией будут устраиваться в клубе юного пролетария библиотека, чтение лекций по отраслям науки и специальностям, сообразуясь с профессиями членов.

Организация создается по принципу трудовой школы, для чего будут организованы дружины, как-то: сельскохозяйственные для обработки полей и т. п.

Задача организации — подготовить вполне стойких, развитых работников и сознательных граждан нашей социалистической республики.

В своих дальнейших задачах организация предусматривает для молодежи обоего пола устройство следующих курсов: агитаторские, гигиенические, медицинские, поли-

тические, музыкальные, курсы хорового пения, выразительного чтения и декламации»[7].

Эти задачи успешно выполнялись. Библиотека-читальня была открыта. Велась большая работа по ликвидации неграмотности. Начали действовать кружки художественной самодеятельности. Молодежь часто выступала не только в своей, но и в других коммунах со спектаклями на революционные темы.

Успехи иваново-вознесенской и других коммун способствовали росту авторитета коммунаров среди населения и не давали покоя врагам Советской власти. Зимой 1921 года было совершено несколько крупных налетов «бело-зеленых» банд Антонова, перекочевавших из соседней Тамбовской губернии. Они разграбили около 200 коммун, в том числе коммуну «Братство и любовь», где опустошили хозяйство и дома, увели скот, сожгли постройки. Очевидцы вспоминают, как антоновцы ворвались в деревню Сергеевку. Коммунары оказывали им отчаянное сопротивление, но силы были неравными. В этой схватке погибли С. Гордеев, Ф. Корольков и другие. Митю Репина, вожака молодежи, бандиты зверски мучили, а потом зарубили шашками и сбросили в реку[8].

После этого налета восстановить коммуну практически было невозможно. 17 февраля коммунары собрались на общее собрание. Председательствовал Н. Соболев, секретарем Совета коммуны избрали Леонида Частухина. На собрании было решено: «создать комиссию по выяснению расхищений бандой Антонова, взять на учет сохранившееся имущество, эвакуировать коммуну в другое место». В конце протокола записано: «Собрание закрыто с пением «Интернационала»[9].

Нельзя без волнения читать этот документ, написанный мужественными людьми в дни беспощадных классовых боев. Они не были сломлены, они твердо верили в правоту своего дела, в скорую победу новой жизни, за торжество которой погибли их товарищи.

С тех пор прошло более шести десятилетий. Но мы с гордостью вспоминаем первых коммунаров, строивших социализм в Саратовской губернии вместе с отцами и старшими братьями. Вот их имена: Сергей и Аграфена Фомины, Елизавета Соболева, Александр Червяков, Мария и Анна Булыгины, Крестин, Николай и Анна Голяковы, Анна и Николай Кукушкины, Ольга Лапшова, Агния и Анна Корольковы, Леонид Частухин, Александр, Иван и Таисия Субботины, Дмитрий Репин...[10]

Память о коммунарах жива. На месте гибели комсомольца Мити Репина и его товарищей сегодня высится обелиск, а на земле, которую когда-то обрабатывали и защищали с оружием в руках посланцы иваново-вознесенских пролетариев, раскинулось теперь богатое многоотраслевое хозяйство — колхоз «По ленинскому пути».

---

[1] Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917—1918 гг., с. 327—335; 1917 год в Саратовской губернии. Февраль 1917 — февраль 1918 г. Саратов, 1957, с. 587.

[2] Государственный архив Саратовской области (ГАСО), ф. 313, оп. 1, д. 549, лл. 31—32.

[3] ГАСО, ф. 52, оп. 2, д. 558, л. 22.

[4] ГАСО, ф. 313, оп. 1, д. 549, лл. 73, 124.

[5] ГАСО, ф. 52, оп. 2, д. 385, л. 8.

[6] Там же, лл. 8—10.

[7] 1917 год в Саратовской губернии, с. 520—523.

[8] Воспоминания И. А. Субботина.— Ленинец (г. Иваново), 1968, 29 окт.

[9] ГАСО, ф. 52, оп. 2, д. 558, л. 127.

[10] ГАСО, ф. 313, оп. 1, д. 549, л. 124.

ЛЕНИНИАНА КРАСНЫХ ТКАЧЕЙ

ПОРТРЕТ

Бывает так, что невероятно хочется скорее попасть в те места, куда ведет тебя поиск, и тогда кажется, что все виды транспорта уж очень медлительны.

Так было и на этот раз. От Иванова до районного центра Тейкова поездом ехать чуть больше получаса, а я, вслушиваясь в перестук колес, не мог дождаться, когда же наконец покажется знакомая станция...

А пока у меня была лишь небольшая выписка из старой газеты «Рабочий край» за 1 февраля 1924 года[1], в которой говорилось о том, как иваново-вознесенские рабочие ездили в Москву на похороны Ленина...

Навсегда запомнились те январские дни. Когда пришла горькая весть, никто не хотел верить, что нет больше родного Ильича. Но уже загудели тревожно заводские и фабричные гудки...

А вскоре трудовой люд красной губернии провожал в Москву своих делегатов. Были здесь рабочие из Шуи, крестьяне из Писцова, тейковские и кинешемские текстильщики. Тейковчане сели в поезд на своей станции. Когда паровоз, тяжело вздыхая, снова тронул состав, один из них достал сверток, развернул его. На белых и красных кусках ткани были портреты Ленина[2]. И сразу потянулись к ним десятки рук, загудел и ожил делегатский вагон.

— Молодцы тейковцы! Только напечатали редковато,— проговорил один из делегатов, приложив кусок ткани к груди.

— Валик такой был,— отвечали тейковцы, раздавая ткань.

Через несколько минут бородатые мужчины занялись

непривычным делом: дымя самокрутками, они разрезали ткань, неумело орудовали иголкой. Им помогали женщины. Когда делегация прибыла в Москву, у каждого на груди или на рукаве были прикреплены портреты Ильича.

— Товарищи, какая это организация? — то и дело спрашивали из толпы. И, узнав, что это иваново-вознесенцы, одобрительно кивали головами. По распоряжению Ф. Э. Дзержинского делегация была пропущена вне очереди, а потом около 30 текстильщиков стояли в почетном карауле у гроба Ильича[3].

По газетной корреспонденции можно было составить примерное представление о портрете: небольшой, окаймлен по окружности черной полоской, напечатан на белой и красной ткани.

Сохранился ли этот памятный портрет В. И. Ленина? Кто участвовал в его создании?

На эти вопросы хотелось получить ответы. Встречи с ивановскими старожилами не дали результатов: как-никак история давняя, более чем полувековая. Многих, кто ее знал, уже нет в живых, других же — нелегко отыскать.

Но вот и Тейково, неширокие улицы в зелени. Решив, что поиск нужно начинать с посещения хлопчатобумажного комбината, отправился туда, хотя на ранее высланный запрос ответ с предприятия был получен неутешительный.

В парткоме к просьбе отнеслись внимательно, но ткань не нашли ни на складе образцов, ни у старых рабочих. Однако выяснилось, что некоторые из них помнят об изготовлении ткани с изображением Владимира Ильича. Но рассказы были разноречивы: описание тканей и портретов на них давалось разное.

Сомнения усугублялись тем, что здесь были известны подобные изделия и других предприятий страны — ивановских и московских фабрик, выпущенные в те же и более поздние годы. Для разрешения этих сомнений пришлось вооружиться списком ветеранов производства, ра-

зыскивать их, записывать все, что они помнят, стараясь уловить необходимую ниточку. И она нашлась.

Сначала она привела к местному любителю-краеведу Ионе Ивановичу Зимину. Долгие годы занимался он изучением истории родного края, являлся большим ее знатоком, автором многих краеведческих работ[4].

Слушать его было интересно. В тот вечер разговор шел о Тейкове, его прошлом и настоящем, о становлении и развитии в городе текстильной промышленности, о замечательных мастерах этого нелегкого труда.

Старинные сказания донесли до нас легенду о том, что в далекие времена селение таилось в дремучих лесах, было в потаенном месте, потому и называлось Тайково. Потом для удобства произношения его стали называть Тейково. В глубокую старину уходит своими корнями и ткацкое ремесло в этих местах. Более трех столетий назад товары тейковских красильных заведений уже сбывались «у Макария», как называли тогда Макарьевскую ярмарку, позднее переведенную в Нижний Новгород. Здесь же тейковчане закупали краски и другие материалы для отделки тканей.

По примеру Иваново-Вознесенска, Лежнева, Кохмы, Шуи здесь в XVIII веке стали быстро развиваться ткацкое и набойное производства. Промысел вызвал оживление торговли, возросла численность населения. Село приобретало торгово-промышленный облик.

В конце XVIII столетия московский купец второй гильдии Каретников выстроил в Тейкове крупную фабрику для выработки миткаля и ситца. Его предприимчивые сыновья в погоне за прибылью расширяли и совершенствовали производства, закупали новое оборудование. Фабрика в то время считалась первой во всей Владимирской губернии. Предприниматели всё в больших количествах раздавали пряжу кустарям. Грубая бухарская и хивинская пряжа привозилась в виде суровья из Оренбурга и Петропавловска, а также с Макарьевской и Нижегород-

ской ярмарок, крашеная, главным образом, красная — из Астрахани и с Парской ярмарки. В значительном объеме перерабатывалась и тонкая английская пряжа, которую поставлял шуйский купец Киселев, монополизировавший торговлю во всей округе.

Иона Иванович Зимин, попыхивая трубкой, с которой, кажется, никогда не расставался, несмотря на то что ему шел восьмой десяток, доставал все новые папки с документами, выписками, старыми газетными вырезками...

С 1865 года фирма Каретниковых стала практически комбинатом. В тот год была выстроена белильно-красильно-отделочная фабрика.

— Вот, почитайте о бывшем селе.— И он, протянув пожелтевшие «Владимирские губернские ведомости» 1894 года, указал на подчеркнутые карандашом строки из описания села Тейкова: «К наилучшему же украшению села принадлежат церкви божии, их числом четыре и все каменные... К немалому же украшению села служит дом почетного гражданина Каретникова. Он красуется один, в особенном квартале и на собственной Каретникова земле на самом лучшем месте, среди села... Также очень хороши два дома купцов Павловых...»[5]

А о рабочих, о каторжных условиях их жизни и труда, бедности, беспощадной эксплуатации здесь, конечно, ничего не написано... Зато рабочие сами вписали славные строки в историю. В 1895 году в Тейкове вспыхнула крупная забастовка, заставившая прибыть в село губернатора, губернского прокурора, старшего фабричного инспектора в сопровождении трех батальонов пехоты.

В гениальном труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин назвал Тейково в числе важнейших центров фабрично-заводской промышленности России и привел статистические данные о числе в нем промышленных

предприятий, численности населения и рабочего класса, сумме производимой продукции[6].

— Я это к тому,— подняв глаза из-под очков, пояснил Зимин,— что у наших тейковских текстильщиков навык и умение были большими, веками отрабатывались... Могли, могли они взяться за такое ответственное дело, как выпуск ткани с портретом Ильича.

После победы Великого Октября тейковчане непосредственно на себе ощутили заботу вождя революции о текстильщиках.

В первые же дни Великой Октябрьской социалистической революции в Тейково возвратился делегат II Всероссийского съезда Советов Е. П. Анисимов. Восторженно встретили текстильщики своего посланца большевика. Собрались в клубе имени Карла Маркса, где Анисимов рассказал о работе съезда, провозгласившего от имени трудового народа о переходе власти к Советам, о докладе Владимира Ильича Ленина, о принятых на съезде декретах о мире и о земле, о создании первого Советского правительства во главе с В. И. Лениным[7].

Еще в ходе октябрьской стачки 1917 года на фабрике фабричный комитет установил рабочий контроль за действиями администрации. После Победы Великой Октябрьской революции владельцы фирмы и контрреволюционно настроенные служащие всячески пытались срывать нормальный ход работ на фабрике[8]. Для борьбы с саботажем был избран специальный орган надзора, возглавляемый большевиками, а фабричный комитет фактически стал руководить производством. Предприятие работало успешно. Рабочие, освободившиеся от эксплуатации, вкладывали в свободный труд все свое мастерство и революционный энтузиазм. Однако при отсутствии официального постановления о передаче предприятия государству возникали трудности в получении денежных средств, несколько месяцев не выдавалась заработная плата.

В Москву с ходатайством о финансовой помощи был

послан рабочий-большевик Иосиф Гаврилович Сучков, которого принял Председатель Совнаркома В. И. Ленин. Владимир Ильич внимательно отнесся к просьбе тейковчан и оказал содействие в получении денег от Госбанка[9]. А 28 июня 1918 года был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров о национализации крупных промышленных предприятий.

«В целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой,— говорилось в нем,— и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты,— Совет Народных Комиссаров постановил: ...объявить собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики... все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам предприятия, обрабатывающие хлопок и имеющие основной капитал не менее одного миллиона рублей...»[10]

Под декретом стояли подписи Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина, народных комиссаров Цюрупы и Ногина, управляющего делами Совнаркома Бонч-Бруевича, секретаря СНК Горбунова.

Вскоре на основании этого декрета Высший совет народного хозяйства принял постановление о переходе Тейковской мануфактуры в собственность Советского государства. Так текстильщики стали полновластными хозяевами своего предприятия[11].

Но впереди были новые трудности. В стране разгоралось пламя гражданской войны и вооруженной борьбы с иностранными интервентами. Центр России (в том числе и Иваново-Вознесенская губерния) оказался отрезанным от продовольственных, сырьевых и топливных районов.

Особенно тяжелым стало положение к весне 1920 года, когда предприятия губернии за неимением сырья и топлива прекратили работу. Замерли станки и машины и на Тейковской фабрике. С радостью в Тейкове восприняли весть о том, что иваново-вознесенских делегатов

принимал В. И. Ленин и одобрил план обеспечения группы ударных предприятий губернии всем необходимым для их пуска. В число их вошла и Тейковская фабрика[12]. В конце сентября 1920 года она начала действовать. Это был большой праздник для рабочих. Благодаря энергичному содействию Ильича улучшилось и продовольственное снабжение текстильщиков. На внимание и заботу вождя рабочие ответили самоотверженным трудом. Уже к весне 1921 года тейковчане дали республике более 3 миллионов аршин готовой ткани[13].

Так на заре Советской власти зарождались и крепли на предприятии славные социалистические трудовые традиции.

* * *

С Ионой Ивановичем Зиминым в тот вечер мы засиделись допоздна. Он несколько раз перечитывал строки газетной заметки за 1924 год...

— Вот ведь,— покачав головой и поглаживая седые, со слегка пожелтевшими от дыма кончиками запорожские усы, проговорил он.— Сколько лет собираю материалы о своем городе, а это проглядел.

Знал я одного из наших, ездивших прощаться с дорогим Ильичем. Хорошо знал. И разговоры теперь с ним припоминаю об этом. Михаил Феофанович Багажков... Старым коммунистом был, на комбинате работал модельщиком с дореволюционной поры. Похоронили недавно Михаила Феофановича... А вот дочь его Людмила Михайловна Осипова в родительском доме живет.

Беспокоить ее было уже поздно. Взяв адрес, договорились, что Иона Иванович переговорит с ней пораньше утром, а я зайду попозднее...

С трудом дождался следующего утра... Когда пришел по нужному адресу, хозяйка уже ждала. Пригласив в комнату, Людмила Михайловна без расспросов достала ре-

ликвию. Да, это была именно реликвия. Семейная и историческая. Я держал в руках портрет Владимира Ильича, выполненный на ткани. Проницательный, одухотворенный взгляд из-под чуть вскинутых вверх бровей, высокий, открытый лоб мыслителя. Портрет обрамляла черная каемка, напоминая о тяжкой године, в которую не стало вождя...

Я еще не пришел в себя от этой ожидаемой неожиданности, а Людмила Михайловна пригласила пройти к ее соседке.

— Клавдия Ивановна Барышева,— представила она пожилую женщину.

А та достала из комода такой же портрет Ильича, выполненный на ткани, только он был окаймлен не черной полоской, а декоративным рисунком.

Клавдия Ивановна объяснила, что этот портрет вырезан из платка, изготовленного в начале 20-х годов. В каком точно году, она не помнила, но назвала фамилии граверов, которые в то время работали на комбинате. И добавила, что один из них — Василий Иванович Соколов живет в Тейкове, только вот адреса точного она не знает.

Поблагодарив женщин, я отправился на розыск гравера, что в небольшом городе оказалось делом несложным.

Выслушав, в чем дело, старый мастер оживился, достал лупу и приблизил ее к принесенному портрету. Будто что-то вспоминая, старик заговорил не сразу.

— Наша работа, наша,— наконец, произнес он.

Тем временем хозяйка принесла и развернула на столе платок. По краям его были напечатаны портреты Маркса, Энгельса, Ленина, украшенные декоративной канвой. В центре композиции размещались монумент Свободы, колоритные фигуры рабочего на фоне фабричных корпусов и крестьянина в поле. Сверху даты: февраль 1917 г. — октябрь 1917 г. Ниже лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Старый гравер рассказал мне историю создания этого платка.

Было это в 1922 году. Готовились торжественно отметить пятую годовщину Советской власти. Торжество идей Великого Октября тейковчане и решили отразить в рисунках на ткани.

Работу эту поручили лучшим граверам и накатчикам братьям Константину, Степану и Ивану Гариным, Рафаилу Михайловичу Рыжонкову, Дмитрию Ивановичу Галочкину, Константину Максимовичу Максимову, Василию Ивановичу Соколову. За плечами у большинства из них был большой опыт, каждый слыл замечательным мастером своего дела. Константин Гарин был не только гравером, но и художником: он наносил на металл портреты. Гарину помогал Рафаил Рыжонков. Старейший гравер Максимов руководил работами по созданию орнамента. Василий Соколов выполнял штриховые работы, Галочкин и Дмитриев делали подрезку валов.

— Ни разу у нас не было такой ответственной работы,— рассказывал во время нашей встречи Василий Иванович Соколов.— Старались как только могли. Все вместе обсуждали рисунки, сделанные на листах ватмана, потом приступили к гравировке рисунков на металле, сначала на стальных, затем на медных валах. Сложной, можно сказать, ювелирной была работа над портретами. Их гравировали на нескольких опытных валиках и печатали на ткань в лаборатории, пока не остались довольны сделанным.

Когда накатчик Галочкин пустил в ход печатную машину, около нее собрались не только те, кто работал над рисунком. Многие рабочие пришли в печатный цех, смотрели на бежавшую ленту со свежими оттисками. Смотрели и не скрывали своей радости.

Вспоминая об этом, Василий Иванович кивнул на платок, лежавший на столе:

— Этот платок мне тогда на митинге вручили, на память...

Старый мастер помолчал, потом придвинул к себе портрет Ленина с траурной полоской.

— Небось тоже у наших, тейковских, взяли? У Багажковых или Мальцевых... Ездили тогда наши-то поклониться в последний раз Ильичу. С этими вот портретами мы их провожали.

И снова вспомнилась старику январская стужа 1924 года. Горечь невозвратимой утраты. На станцию проводить делегатов пришли и они, граверы. Передали делегатам свертки с тканью, на которой были напечатаны портреты Владимира Ильича.

Ткань изготовили накануне. Для этого был взят сохранившийся опытный валик с нанесенным на него портретом Ленина. Один из тех валиков, который готовили для нанесения рисунка на юбилейный платок. Орнамент заштриховали траурной полоской.

Нанести рисунок на ткань решили не в мастерской, а в химической лаборатории на небольшом станочке, предназначенном для изготовления опытных образцов. В тот день не прекращали работы до темноты, пока не напечатали нужное количество портретов на белом и красном полотнищах.

...27 января народ прощался с великим Лениным. И в эти минуты у Мавзолея в почетном карауле стояли посланцы Иваново-Вознесенской губернии.

* * *

Такой оказалась история портрета, выполненного тейковскими умельцами. Дополнили ее сотрудники областного краеведческого музея, сообщив, что в фондах музея сохранилась фотография из журнала 1924 года, на которой запечатлены двое из ста семидесяти иваново-вознесенских делегатов, ездивших проститься с Ильичем. Но оставалось неизвестным, кто они.

Очерк обо всем этом вместе с фотоснимками был опубликован в областной газете «Рабочий край». А через некоторое время автора разыскали две женщины — Елизавета Александровна и Мария Александровна Сидоровы. Они сообщили, что справа на фотографии их отец, Александр Иванович Сидоров, ездивший на похороны Ленина от Петрищевской мануфактуры (ныне фабрика «Красная Талка» в Иванове). Потом они показали фотографию Александра Ивановича, снятого с памятным портретом Ленина. До конца своих дней бывший делегат хранил это изображение вождя.

По архивным документам установлено, что А. И. Сидоров до революции был рабочим на одной из фабрик, затем служил в царской армии, в 1917 году вступил в партию большевиков, входил в полковой солдатский комитет. После возвращения с гражданской войны работал заведующим одним из отделов городского Совета, затем, в период пуска в губернии ударных фабрик, являлся помощником директора крупнейшего в городе текстильного предприятия — Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры. В январе 1924 года он возглавлял фабрично-заводской комитет Петрищевской мануфактуры, рабочие которой и послали его в Москву[14].

Сестры Сидоровы сообщили, что фотоснимок ивановских делегатов был опубликован во втором номере журнала «Прожектор» за 1924 год. В этом журнале оказались опубликованными и воспоминания о В. И. Ленине бывшего председателя Иваново-Вознесенского губисполкома и ударного комитета по пуску текстильных фабрик, члена партии с 1907 года Григория Кузьмича Королева[15]. По предложению В. И. Ленина в 1921 году он был отозван для работы в аппарате ЦК партии [16].

Из этого же журнала стало известно, что снимок сделан известным фотографом В. Л. Лабодой[17].

Позднее удалось установить, что рядом с А. И. Сидоровым на снимке запечатлен тоже иваново-вознесенец,

один из старейших членов партии (с 1898 г.) Герасим Егорович Гнедин, работавший в 1924 году председателем городского потребительского общества[18].

На этом, казалось бы, поиск и должен был закончиться, но он получил неожиданное продолжение.

ПОЭМА НА ТКАНИ

Почерк на конверте был незнакомым. Писала Мария Степановна Харитонова из Тейкова — дочь художника-гравера Степана Михайловича Гарина. Она сообщала, что в сохранившемся у нее личном архиве отца имеются так называемые «кроки» — рисунки фрагментов к юбилейному платку, изготовленному тейковскими текстильщиками в 1922 году. А кроме того, сохранилось еще одно изделие тейковчан с изображением Владимира Ильича Ленина, в работе над которым принимал участие ее отец.

В ближайший выходной я снова отправился в Тейково. С волнением раскрыл матерчатую папку, в которой долгие годы хранились материалы художника-гравера. Вот они, детали оформления: пробные отпечатки на ткани портретов Маркса, Энгельса, Ленина, четкие рисунки тушью на плотных листах бумаги, наклеенных на ткань...

Но что это?.. Рядом со знакомыми сюжетами новые рисунки...

— Это фрагменты оформления другого изделия,— пояснила Мария Степановна и развернула лежавшую в той же папке ткань...

Это тоже был юбилейный платок, по формату аналогичный первому, но выполненный на белом фоне синим и красным цветом.

Уже потом выяснилось, что это изделие изготовлено

одновременно с первым в 1922 году, к 5-летию Великой Октябрьской социалистической революции, и предназначалось для выставки тканей на Нижегородской ярмарке. В работе над ним участвовали уже известные мастера граверного дела: братья Константин Михайлович и Степан Михайлович Гарины, Рафаил Михайлович Рыжонков, Василий Иванович Соколов, а также Николай Петрович Горносталев, Сергей Иванович Мохарин.

Изделие это — не только образец продукции 20-х годов, но и подлинное произведение искусства, отразившее героическое время становления новой России. Его можно по праву назвать поэмой на ткани, поэмой об Октябрьской революции, о рождении и победах Советской власти.

В центре композиции — алый контур звезды. В нее вписан рисунок, рассказывающий о роспуске антинародного Учредительного собрания в январе 1918 года. Революционные массы России приветствовали это решение. Оно было закреплено в документах III Всероссийского съезда Советов, открывшегося 12 января 1918 года. На рисунке изображена демонстрация пролетариата Петрограда в поддержку большевиков у здания Таврического дворца, где заседало Учредительное собрание. В руках демонстрантов лозунги: «Вся власть Советам!», «Да здравствует социал-демократическая рабочая партия (большевиков)!»

Свержение царизма и победа Великой Октябрьской социалистической революции неразрывно связаны с именем великого вождя — Владимира Ильича Ленина. Эта мысль выражена в фрагменте «Уничтожение знаков самодержавия». Здесь изображены рабочие, крестьяне и солдаты, сбрасывающие на землю царскую корону и двуглавого орла — символы ненавистного самодержавия. Над рисунком — портрет Ленина в обрамлении снопов хлеба, серпа и молота — символических знаков новой, революционной России.

Один из угловых фрагментов платка посвящен вооруженному восстанию в период свершения Великой Октябрьской социалистической революции. На рисунке изображена картина уличного боя вооруженных пролетариев с войсками Временного правительства. Революционный отряд, несмотря на потери, ведет ружейный и пулеметный огонь и продвигается вперед. В петлицах и на головных уборах рабочих и солдат горят алые банты. Наступление поддерживает броневик, на котором развевается красный флаг.

В подписи под рисунком не назван город, в котором происходит эта схватка за установление Советской власти. Художник как бы обобщенно изобразил вооруженную классовую борьбу в Октябрьские дни 1917 года.

Фрагмент «Взятие Перекопа» воскрешает одну из героических страниц гражданской войны, когда республика мобилизовала силы на разгром ставленника Антанты — барона Врангеля. Художник показал ожесточенную схватку красноармейцев с белыми во время легендарного штурма Перекопа.

Следующий фрагмент посвящен последнему этапу иностранной военной интервенции и гражданской войны — победе Красной Армии на Дальнем Востоке.

Над рисунком — портрет Председателя ВЦИК М. И. Калинина. В связи с этим вспоминается приезд Всероссийского старосты в Иваново-Вознесенск в феврале 1920 года и его пожелание текстильщикам о скорейшем приходе такого времени, чтобы «все фронты республики были чисты». Такое время наступило, и оно нашло художественное отражение на ткани ивановцев.

Со всем этим богатством я вернулся в Иваново. Оставалось невыясненным, кто являлся автором рисунков на юбилейных платках, выпущенных тейковчанами.

В новом очерке, являющемся продолжением первого, с этим вопросом я обратился к читателям, знатокам текстильного рисунка.

Первым откликнулся один из старейших ивановских писателей Геннадий Иванович Горбунов. Ранее он возглавлял областное книжное издательство, был хорошо знаком с теми, кто занимался книжной графикой. Он и назвал автора рисунков — Леонида Михайловича Чернова-Плесского.

— Не сомневайся,— заверил Геннадий Иванович,— мы уж и с Михаилом Порфирьевичем Сокольниковым по этому поводу говорили. А он Чернова-Плесского стиль знал...

В заключение несколько слов об этом замечательном художнике.

Родился Леонид Михайлович в городе Плесе (отсюда и его вторая фамилия). Детские годы провел в Кинешме. После окончания городского училища поступил в Казанскую художественную школу, которую блестяще окончил в 1905 году и без экзаменов был принят в Петербургскую Академию художеств. Он был учеником замечательных русских художников П. П. Чистякова, В. Е. Маковского. В 1914 году, закончив академию, определился как незаурядный живописец-колорист, рисовальщик и график.

В 1916 году он приехал к Кинешму, где и встретил Октябрьскую революцию. Весь свой талант художник посвятил народу: писал плакаты, панно, лозунги, оформлял к праздникам город, клубы, писал декорации для Театра имени А. Н. Островского.

В 20-х годах Чернов-Плесский активно сотрудничал с ивановским книжным издательством «Основа», им была создана серия рисунков для сборника «Иваново-Вознесенская губерния». Эти прекрасные произведения, выполненные пером, рассказывают о городах текстильного края, его природе, историческом прошлом, быте рабочих и крестьян. В этой же манере выдержаны и рисунки на юбилейных изделиях тейковских текстильщиков, сделанные в тот же период.

В начале 30-х годов Чернов-Плесский переехал в Иваново и стал одним из ведущих художников области. В эти годы он больше внимания уделял живописи, создал волжские пейзажи, жанровые картины («Волга у Кинешмы», «Плес», «Сумерки», «На «Волге», «Волгари», «Убийство Федора Афанасьева», «На Колчака»)[19].

В память о замечательном мастере в Кинешме в 1966 году была организована выставка его произведений. На ней экспонировалось 170 работ самобытного художника — певца родной Волги и текстильного края[20]. Эту выставку по праву могли бы дополнить и его рисунки, воплощенные в ткани неувядаемым мастерством ивановских текстильщиков.

---

[1] См.: Рабочий край, 1924, 1 февр.

[2] ПАИО, ф. 282, оп. 1, д. 367, л. 43.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 16, оп. 1, д. 18, лл. 219—233.

[4] ПАИО, ф. 282, оп. 1, д. 25, 26, 27; См.: Бабичев В. А., Зимин И. И., Смирнов В. М. Тейковский хлопчатобумажный. (Исторический очерк). Ярославль, 1966; Ленинский путь (Тейково), 1966, 4 окт.; 1968, 29 авг.; 1970, 16 мая.

[5] Владимирские губернские ведомости, 1894, № 26; ПАИО, ф. 282, оп. 1, д. 25.

[6] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 607.

[7] ПАИО, ф. 282, оп. 3, д. 29, лл. 16—19, 34—40.

[8] ГАИО, ф. 349, оп. 1, д. 153, л. 8; ф. 730, оп. 1, д. 47, л. 94; См.: Материалы по истории СССР. (Рабочий контроль и национализация крупной промышленности в Иваново-Вознесенской губернии). Вып. III. М., 1956, с. 89—90.

[9] ПАИО, ф. 281, оп. 2, д. 2, лл. 7—12; См.: В. И. Ленин и трудящиеся Иваново-Вознесенского края. Ярославль, 1969, с. 128—132.

[10] Известия ВЦИК, 1918, 30 июня: Декреты Советской власти, т. II. М., 1959, с. 498.

[11] См.: Рабочий край, 1918, 3 сент.; См.: Материалы по истории СССР. Вып. III, с. 247—248.

[12] ГАИО, ф. 347, оп .1, д. 2, лл. 122—123.

[13] Там же, д. 1, лл. 376—379.

[14] См.: Рабочий край, 1924, 6 февр.

[15] См.: Прожектор, 1924, № 2(24), с. 14—15.

[16] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 232—233.
[17] См.: Прожектор, 1924, № 2(24), с. 28.
[18] См.: Революционеры текстильного края. Ярославль, 1980, с. 69—71.
[19] См.: Сокольников М. Самобытный талант.— Рабочий край, 1964, 28 авг.; См.: Белкин П. Живописец текстильного края.— Сов. Россия, 1967, 24 марта.
[20] Чернов-Плесский Л. М. Каталог работ. Кинешма, 1966; Иванов В. Выставка Чернова-Плесского.— Ленинец, 1966, 30 нояб.

СОДЕРЖАНИЕ

Терентьев В. П.

Т35 Записки архивиста: Поиски и находки историко-революционных реликвий.— М.: Сов. Россия, 1984.— 208 с.

Героика и будни революции... Они порой еще скрыты за скупыми строками архивных документов, воспоминаний участников революционного движения. Автор книги, историк-архивист, рассказывает о расшифровке партийных псевдонимов, о раскрытии с документальной точностью подробностей важных исторических событий, судеб участвующих в них лиц. Многие страницы книги посвящены В. И. Ленину.

Рассчитана на массового читателя.

$Т\frac{0902020000—035}{М\text{-}105(03)84}$30—84 **9(с)**

Вячеслав Павлович Терентьев

ЗАПИСКИ АРХИВИСТА

Редактор С. Г. Берлин
Художественный редактор Л. Е. Безрученков
Технический редактор В. А. Преображенская
Корректор Л. В. Дорофеева

ИБ № 3212
Сдано в набор 04.01.84. Подп. в печать 13.08.84. А05933. Формат 70×108 1/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 9,10. Усл. кр.-отт. 9,28. Уч.-изд. л. 9,44. Тираж 100 000 экз. Заказ 1027. Цена 40 к. Изд. инд. МПЛ-363.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

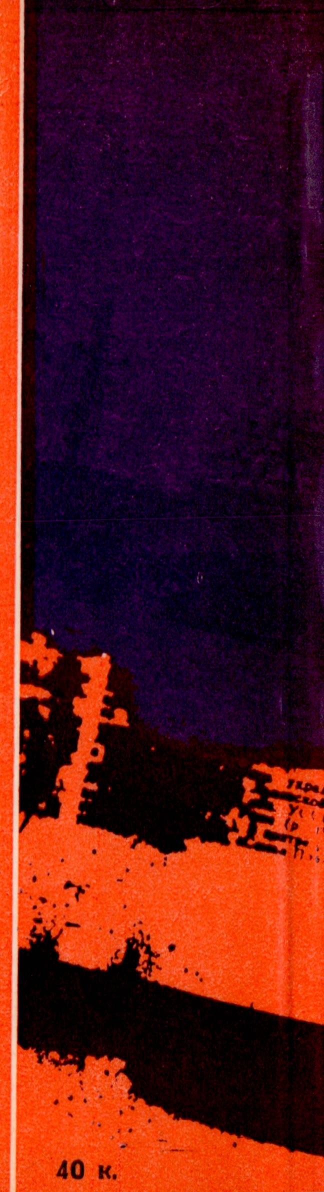
К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, пр. Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

Записки архивиста

Героика и будни революции... Они порой еще скрыты за скупыми строками архивных документов, воспоминаний участников революционного движения. Автор книги, историк-архивист, рассказывает о расшифровке партийных псевдонимов, о раскрытии с документальной точностью подробностей важных исторических событий, судеб участвующих в них лиц.

«Советская Россия»

40 к.